ШИЛЛЕРЪ

188 10/24

858
283.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

1858
29.

ЧИТАЛЬ БИБЛІОТЕКИ
ИМПЕР. ХАРЬК. УНИ-
ВЕРСИТЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1858

933

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 января 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Ш-58

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приготовляя къ изданію четвертый и послѣдующіе томы «Шиллера въ Переводѣ Русскихъ Писателей», я нашелъ необходимымъ нѣсколько измѣнить, предположенный мною въ началѣ, порядокъ распредѣленія драмъ по книжкамъ; именно, вмѣсто того, что бы придерживаться хронологическаго порядка изданія ихъ въ свѣтъ Шиллеромъ, я призналъ за лучшее соединять, по возможности, переводы одного писателя въ одномъ томѣ, конечно, за исключеніемъ трилогіи — «Валленштейнъ», которая, по своему содержанію, не можетъ быть раздѣлена, и потому войдетъ цѣликомъ въ слѣдующій (пятый) томъ моего изданія, не смотря на то, что надъ переложеніемъ ея на русскій языкъ трудилось три переводчика. Цѣль

этого измѣнѣнія — придать нѣкоторый характеръ единства переводамъ, если не всего изданія, то хотя нѣкоторыхъ его частей. Подъ вліяніемъ этой мысли, составлены мною третій и четвертый томы «Шиллера».

Переводъ драмъ — «Мессинской Невѣсты» и «Вильгельма Телля», составляющихъ содержаніе четвертаго, нынѣ вышедшаго, тома «Шиллера» — принадлежитъ Ѳедору Богдановичу Миллеру. Первая изъ нихъ переведена вновь, и является здѣсь въ первый разъ, а вторая — исправлена и дополнена переводчикомъ. Русская читающая публика уже была знакома съ ними прежде по переводамъ А. Г. Ротчева, изданнымъ въ 1829 году. Кстати помѣщаю здѣсь полный списокъ переводовъ обѣихъ драмъ:

I.

1. Мессинская Невѣста. *Трагедія Шиллера. Перевелъ А. Ротчевъ. Москва. 1829.*

Кромѣ того мы имѣемъ еще два отрывка изъ «Мессинской Невѣсты». Вотъ они:

2. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи.* (Сцена первая, выходы третій и четвертый). Переводъ *К. Батюшкова.* («Московскій Телеграфъ», 1828, т. XIX, стр. 34).

МЕССИНСКАЯ НЕВѢСТА

ИЛИ

ВРАЖДУЮЩІЕ БРАТЬЯ

ТРАГЕДІЯ СЪ ХОРАМИ

Переводъ Ѳедора Миллера

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донна Изабелла, мессинская королева.
Донъ Мануилъ, }
Донъ Цезарь, } ея сыновья.
Беатриса.
Діего.
Гонцы.
Хоръ, состоящій изъ свиты обоихъ братьевъ.
Старѣйшины Мессины (лица не говорящія).

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ХОРА ВЪ ТРАГЕДІИ.

Поэтическое произведеніе должно само себя оправдывать, и гдѣ не говоритъ за себя дѣло, тамъ слова мало помогутъ. Такимъ образомъ можно было бы предоставить и хору говорить въ свою защиту, если бъ онъ могъ быть исполненъ надлежащимъ образомъ. Но драматическое произведеніе составитъ одно полное цѣлое только въ сценическомъ представленіи; поэтъ даетъ одни слова; чтобъ оживить ихъ, должно призвать на помощь музыку и танцы. Пока у хора нѣтъ этихъ могущественныхъ сопутниковъ, онъ въ составѣ трагедіи будетъ казаться чѣмъ-то лишнимъ, чѣмъ-то постороннимъ, какъ бы остановкою, прерывающею ходъ дѣйствія, разрушающею очарованіе, охлаждающею зрителя. Чтобъ отдать хору его право, должно перенестись отъ дѣйствительной сцены къ возможной: это необходимо вездѣ, гдѣ мы хотимъ достигнуть чего-нибудь высокаго Чего искусство не имѣетъ, то должно ему пріобрѣсти; случайный недостатокъ во вспомогательныхъ средствахъ не долженъ ограничивать твор-

ческую фантазію поэта. Онъ поставляетъ себѣ цѣлію самое достойнѣйшее, онъ стремится къ идеалу, — приноравливаться къ обстоятельствамъ есть дѣло искусства исполняющаго.

Говорятъ обыкновенно, что публика унижаетъ искусство; это не правда: художникъ унижаетъ публику, и во всѣ времена, гдѣ искусство приходило въ упадокъ, это происходило отъ художника. Публикѣ нужна только воспріимчивость, и она ею обладаетъ. Она ожидаетъ поднятія занавѣса съ какимъ-то неопредѣленнымъ желаніемъ, съ многостороннею готовностію. Она способна ко всему высокому; она восхищается разумнымъ и правдивымъ, и если сперва довольствовалась ничтожнымъ, то навѣрное кончитъ тѣмъ, что станетъ требовать превосходнаго, если уже получила о немъ понятіе.

Возразятъ: хорошо поэту творить по идеалу, хорошо цѣнителю искусства судить по идеямъ; условленное, ограниченное исполняющее искусство основывается на потребности. Директоръ хочетъ выручки, актеръ хочетъ показать себя, зритель хочетъ быть занятъ, хочетъ быть въ движеніи. Онъ ищетъ только удовольствія, и бываетъ недоволенъ, если ему навязываютъ усиліе тамъ, гдѣ онъ ожидалъ забавы и отдохновенія.

Но, разсматривая сцену съ болѣе серьезной точки зрѣнія, желаютъ не уничтожить, но облагородить удовольствіе зрителя. Пусть это будетъ игра, но игра поэтическая. Все искусство посвящено удовольствію,

и нѣтъ задачи, болѣе высокой и важной, какъ осчастливить человѣка. Истинное искусство есть то, которое доставляетъ высшее наслажденіе. А высшее наслажденіе есть свобода духа въ живой игрѣ всѣхъ его способностей.

Каждый человѣкъ ожидаетъ отъ искусствъ воображенія нѣкотораго освобожденія отъ предѣловъ дѣйствительности; онъ хочетъ наслаждаться возможнымъ и дать волю своей фантазіи. Даже и тотъ, кто всего менѣе ожидаетъ, хочетъ забыть свои дѣла, свою обыкновенную жизнь, свою индивидуальность, хочетъ чувствовать себя въ необыкновенныхъ положеніяхъ, испытывать на себѣ странное стеченіе случайностей; если онъ болѣе возвышенной природы, онъ ищетъ на сценѣ нравственныхъ законовъ судьбы, которыхъ не находитъ въ дѣйствительной жизни. Но онъ знаетъ самъ очень хорошо, что забавляется только пустою игрою, что онъ собственно наслаждается только мечтами, и если отъ сцены возвратится въ міръ дѣйствительный, онъ охватитъ его опять своею гнетущею тѣснотою и по прежнему сдѣлаетъ его своею добычею; потому что міръ остался, какимъ онъ былъ, да и въ зрителѣ не произошло никакой перемѣны. Чрезъ это не выиграно ничего, кромѣ пріятнаго заблужденія минуты, исчезнувшаго съ пробужденіемъ.

И потому-то именно, что здѣсь расчитывается только на проходящее очарованіе, достаточно одного признака истины или пріятнаго правдоподобія, которымъ такъ охотно замѣняютъ истину.

Но истинное искусство не расчитываетъ только на преходящую забаву: оно имѣетъ цѣлію не погрузить человѣка въ минутный сонъ свободы, но сдѣлать его дѣйствительно свободнымъ, и достигаетъ этого тѣмъ, что возбуждаетъ и развиваетъ въ немъ силу, отъ которой весь чувственный міръ, тяготѣющій на насъ, какъ масса грубой матеріи, гнетущій насъ, какъ слѣпая власть рока, удаляется въ объективную даль, преобразуется въ свободное дѣйствіе нашего духа, — и матеріальное подчиняется идеальному.

И вотъ на основаніи того, что истинное искусство требуетъ чего-то вещественнаго и объективнаго, оно не можетъ довольствоваться однимъ призракомъ истины: на самой истинѣ, на твердомъ и глубокомъ основаніи природы воздвигаетъ оно свое идеальное зданіе.

Но какимъ образомъ искусство, будучи совершенно идеальнымъ, должно быть въ глубокомъ смыслѣ и вещественнымъ, оставляя совершенно все дѣйствительное, должно и можетъ во всей точности согласоваться съ природою, — это понятно только для немногихъ и часто искажаетъ воззрѣніе на произведенія поэзіи и пластики, ибо оба эти требованія въ обыкновенномъ сужденіи кажутся совершенно уничтожающими другъ друга.

И обыкновенно бываетъ, что, стараясь достигнуть одного, жертвуютъ другимъ, и поэтому не достигаютъ ни того, ни другаго. Кого природа надѣлила вѣрнымъ взглядомъ и глубокимъ чувствомъ, но лишила творческой силы воображенія, тотъ будетъ вѣрнымъ

живописцемъ дѣйствительности, онъ схватитъ только случайныя явленія, а не духъ природы. Онъ передастъ намъ только вещество міра, но это не будетъ уже собственнымъ нашимъ твореніемъ, не будетъ свободнымъ произведеніемъ нашего творящаго духа, и потому не можетъ имѣть благодѣтельнаго дѣйствія искусства, состоящаго въ свободѣ. Важно, но не радостно бываетъ впечатлѣніе, съ которымъ отпускаетъ насъ подобный художникъ или поэтъ, и мы съ огорченіемъ видимъ себя перенесенными искусствомъ, долженствующимъ дать намъ свободу, въ тѣсный кругъ обыкновенной дѣйствительности. Напротивъ того, надѣленный живою фантазіею, но не имѣющій чувства и характера, не заботится объ истинѣ, но только играетъ веществомъ, хочетъ только удивить насъ фантастическимъ и страннымъ сцѣпленіемъ, и такъ какъ все его твореніе есть только пѣна и призракъ, то оно, хотя и будетъ занимательно на одно мгновенье, но ничего не оставитъ, не воздвигнетъ въ душѣ. Его игра, какъ и важность перваго, не будетъ поэзіей. Произвольно сцѣплять фантастическіе образы не значитъ дѣйствовать по идеалу, а подражательно воспроизводить дѣйствительность не значитъ изображать природу. Оба требованія такъ мало противоположны одно другому, что они скорѣе составляютъ одно и то же: искусство только тогда бываетъ истиннымъ, когда, оставляя дѣйствительность, дѣлается совершенно идеальнымъ. Самая природа есть только одна идея духа, которая никогда не подчиняется чувствамъ. Она облечена покровомъ явленій, но сама ни-

когда не переходитъ въ явленіе. Только искусству идеала предоставлено или, лучше сказать, назначено постигать этотъ духъ всего существующаго и выражать его тѣлесною формою. Да и оно само никогда не можетъ совершенно выразить его для чувства, но своею творческою силою представляетъ его воображенію, и потому оно можетъ быть истиннѣе всякой дѣйствительности и вещественнѣе всякаго опыта. Отсюда очевидно, что художникъ ничего не можетъ заимствовать изъ дѣйствительности въ такомъ видѣ, какъ его находитъ, что его твореніе во всѣхъ своихъ частяхъ должно быть идеальнымъ, если оно, какъ цѣлое, должно имѣть вещественность и согласоваться съ природою.

Что истинно въ искусствѣ и поэзіи въ цѣломъ, то относится и ко всѣмъ ихъ видамъ, и безъ труда можетъ быть примѣнено и къ трагедіи. И здѣсь должно было давно, да и теперь еще, бороться съ обыкновеннымъ понятіемъ объ естественности, которое разрушаетъ и уничтожаетъ всякое искусство и поэзію. Въ образовательныхъ искусствахъ еще допускаютъ нѣкоторую идеальность, хотя болѣе по условнымъ, нежели по внутреннимъ причинамъ; но отъ поэзіи, въ особенности отъ драматической, требуютъ очарованія, которое, какъ бы тщательно ни было поддерживаемо, останется всегда ничтожнымъ, шутовскимъ обманомъ. Все внѣшнее при драматическомъ представленіи противорѣчитъ этому понятію: здѣсь все есть только символъ дѣйствительнаго. Самый день на сценѣ — искусственъ, архитектура — символическая, метрическій

языкъ — идеаленъ; должно ли дѣйствіе быть вещественнымъ и, какъ часть, разрушать цѣлое? Такъ Французы, не понявъ духа древнихъ, первые ввели единство мѣста и времени, по самому нелѣпому эмпирическому понятію, какъ-будто есть тутъ другое мѣсто, кромѣ идеальнаго пространства, и другое время, кромѣ постоянной послѣдовательности дѣйствія.

Впрочемъ введеніемъ метрическаго языка сдѣланъ большой шагъ въ приближеніи къ поэтической трагедіи. Нѣкоторые лирическіе опыты были удачны на сценѣ, и поэзія своею собственною, живою силою побѣдила уже въ нѣкоторыхъ частностяхъ господствующій предразсудокъ. Но частностями еще выигрывается не много, если заблужденіе не разрушено въ цѣломъ, и недостаточно, чтобы то, что̀ составляетъ сущность всей поэзіи, было только терпимо, какъ поэтическая вольность. Введеніе хора было бы послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ, и еслибъ даже онъ послужилъ поводомъ только къ тому, чтобъ открыто и честно объявить войну всякому натурализму въ искусствѣ, то онъ сталъ бы для насъ живою оградою, которою трагедія совершенно отдѣлилась бы отъ дѣйствительнаго міра, и сохранила бы свое идеальное основаніе, свою поэтическую свободу.

Трагедія Грековъ, какъ извѣстно, произошла изъ хора. Но какъ исторически и постепенно она изъ него развивалась, точно такъ можно сказать, что она изъ него же произошла въ отношеніи поэтическомъ и по духу, и что безъ этихъ постоянныхъ свидѣтелей и производи-

телей дѣйствія, изъ нея образовалось бы совершенно другое поэтическое произведеніе. Поэтому уничтоженіе хора и олицетвореніе этого чувственно-могущественнаго органа въ безхарактерной и скучной фигурѣ жалкаго наперсника нисколько не было усовершенствованіемъ трагедіи, какъ воображали Французы и ихъ поклонники.

Древняя трагедія, которая первоначально выводила только боговъ, героевъ и царей, нуждалась въ хорѣ, какъ въ необходимой принадлежности; она находила его въ природѣ и пользовалась имъ, потому что находила. Дѣйствія и судьбы героевъ и царей сами по себѣ общественны, и еще болѣе были таковыми въ простыя времена древности. Поэтому хоръ въ древней трагедіи былъ самымъ естественнымъ органомъ; онъ уже проистекалъ изъ поэтическаго образа дѣйствительной жизни. Въ новой же трагедіи онъ дѣлается органомъ искусственнымъ, вызывающимъ поэзію. Поэтъ новаго времени не находитъ его въ природѣ, онъ долженъ поэтически создать его и ввести, то есть долженъ въ баснѣ, которую онъ обработываетъ, произвести такую перемѣну, которая перенесла бы ее въ тотъ младенческій вѣкъ и въ ту простую форму первобытной жизни.

Поэтому хоръ для новѣйшаго трагика существенно еще полезнѣе, чѣмъ для древняго поэта, и собственно потому, что онъ новый обыкновенный міръ переноситъ въ древній, поэтическій, что дозволяетъ ему отбросить все, противное поэзіи, и влечетъ его къ самымъ пер-

воначальнымъ, простымъ и наивнымъ мотивамъ. Дворцы царей теперь заперты; отправленіе правосудія перенесено отъ городскихъ воротъ во внутренность домовъ; письмо вытѣснило живую рѣчь; самый народъ, эта чувственно-живая масса, гдѣ онъ не дѣйствуетъ, какъ грубая сила, обратился въ государство, слѣдовательно сталъ идеею отвлеченною; боги возвратились въ грудь человѣка. Поэтъ долженъ снова отворить дворцы, долженъ перенести судилище подъ открытое небо, долженъ снова представить боговъ, долженъ возстановить все непосредственное, уничтоженное искусственностію дѣйствительной жизни, отбросить всякую затѣйливость въ человѣкѣ и во всемъ, къ нему относящемся, которая препятствуетъ выраженію его внутренней природы и первоначальнаго характера, подобно тому, какъ ваятель отвергаетъ модную одежду, и не допускаетъ ничего изъ внѣшнихъ ея условій, что сколько-нибудь можетъ скрыть высочайшую изъ формъ — форму человѣческую.

Но точно такъ же, какъ пластическій художникъ распространяетъ вокругъ своихъ фигуръ всю полноту складокъ одежды, чтобы придать имъ болѣе прелести и роскоши, чтобъ раздѣленныя ихъ части прочно соединить въ спокойныя массы, чтобы дать мѣсто игрѣ цвѣтовъ, плѣняющихъ зрѣніе, и человѣческія формы искусно скрыть и вмѣстѣ сдѣлать видимыми: такъ точно и трагическій поэтъ связываетъ и облекаетъ свое строго размѣренное дѣйствіе и рѣзкіе очерки своихъ дѣйствующихъ лицъ пышностію лирической ткани,

въ которой эти лица, какъ въ широкой пурпурной одеждѣ, движутся свободно и благородно, съ твердымъ достоинствомъ и высокимъ спокойствіемъ.

Въ высшей организаціи элементарное начало не должно быть видимо; цвѣта химическіе исчезаютъ въ нѣжномъ румянцѣ жизни. Но и вещество имѣетъ свою прелесть, и само по себѣ можетъ быть воспроизведено въ искусственномъ созданіи. Однако и тогда по выраженію жизни, полноты и гармоніи должно оно заслуживать свое мѣсто, и возвышать достоинство формъ, въ которыя оно облекается, а не подавлять ихъ своею тяжестію.

Въ произведеніяхъ пластическаго искусства это легко понятно каждому; но это имѣетъ мѣсто и въ поэзіи, а слѣдовательно и въ поэзіи трагической, о которой здѣсь теперь говорится. Все то, въ чемъ высказывается вообще разумъ, точно также, какъ и то, что прельщаетъ только чувства, есть только матерія, грубый элементъ въ поэтическомъ созданіи, и неизбѣжно нарушитъ все поэтическое тамъ, гдѣ онъ будетъ преобладать; ибо поэзія заключается именно въ этомъ безразличіи идеальнаго и чувственнаго. Но человѣкъ созданъ такъ, что онъ всегда стремится отъ частнаго къ общему, и потому размышленіе должно также имѣть свое мѣсто и въ трагедіи. Если же оно можетъ занимать это мѣсто, то весь недостатокъ чувственной жизни оно должно вознаграждать изложеніемъ; ибо если два элемента поэзіи, идеальный и чувственный, не дѣйствуютъ совокупно въ тѣсномъ соединеніи,

то они должны дѣйствовать одинъ подлѣ другаго, иначе не будетъ поэзіи. Если вѣсы сами по себѣ не имѣютъ совершеннаго равновѣсія, то оно должно быть возстановлено вывѣшиваніемъ обѣихъ чашъ.

И всему этому содѣйствуетъ хоръ въ трагедіи. Онъ самъ по себѣ не есть недѣлимое, а только общее понятіе, но это понятіе выражается въ чувственно-могущественной массѣ, которая поражаетъ чувства своимъ наполняющимъ присутствіемъ. Хоръ оставляетъ тѣсный кругъ дѣйствія, чтобы обнимать все прошедшее и будущее, отдаленныя времена и народы, и вообще все человѣчество, чтобы извлекать великіе результаты жизни и высказывать правила мудрости. Но онъ производитъ это съ полною силою фантазіи, со смѣлою лирическою свободою, которая какъ бы стопами боговъ, ходитъ по вершинамъ человѣческихъ дѣйствій, — онъ производитъ это, сопровождаемый всѣмъ чувственнымъ могуществомъ размѣра и музыки въ тонахъ и движеніяхъ.

И такъ хоръ очищаетъ трагическое произведеніе, отвлекая размышленіе отъ дѣйствія, и чрезъ это самое отвлеченіе вооружается поэтическою силою: такъ пластическій художникъ простую необходимость одежды обращаетъ въ изящество и прелесть посредствомъ богатой драпировки.

Но точно такъ, какъ живописецъ бываетъ вынужденнымъ возвышать тонъ жизненныхъ красокъ, чтобы поддержать равновѣсіе элементовъ, такъ лирическій языкъ хора заставляетъ поэта соразмѣрно возвысить и

весь языкъ стихотворенія, и чрезъ то вообще усилить чувственную силу выраженія. Только хоръ даетъ право трагическому поэту къ этому возвышенію тона, которое наполняетъ слухъ, подстрекаетъ духъ и расширяетъ всѣ чувства. Только его исполинскій образъ заставляетъ поэта поставить на котурнъ всѣ дѣйствующія лица трагедіи, и придать этимъ своей картинѣ трагическое величіе. Отнимите хоръ — и языкъ трагедіи долженъ будетъ упасть, и все, что теперь высоко и сильно, покажется принужденнымъ и напыщеннымъ. Введеніе древняго хора во французскую трагедію обнаружило бы всю ея бѣдность и ничтожество; но онъ же, безъ всякаго сомнѣнія, показалъ бы вполнѣ истинное значеніе трагедіи Шекспира.

Точно такъ же, какъ хоръ вливаетъ жизнь въ языкъ трагедіи, такъ придаетъ онъ дѣйствію спокойствіе, но изящное и возвышенное, долженствующее составлять главный характеръ благороднаго художественнаго произведенія; ибо душа зрителя и въ самыхъ сильныхъ движеніяхъ страстей должна сохранять свою свободу: она не должна быть добычею впечатлѣній, но всегда чистою и ясною освобождаться отъ страданій, которыя испытываетъ. То, что обыкновенно стараются порицать въ хорѣ, именно, что онъ разрушаетъ очарованіе и ослабляетъ силу страстей, есть напротивъ лучшая его похвала, ибо истинный художникъ всегда избѣгаетъ этой слѣпой силы страстей и никогда не ищетъ возбудить такое очарованіе. Если бы удары, которыми трагедія поражаетъ наше сердце, слѣдовали безпрерывно

одинъ за другимъ, то страданія побѣдили бы силу дѣйствія. Мы слились бы съ предметомъ и не могли бы надъ нимъ парить. Но хоръ, раздѣляя части, и вступая въ игру страстей своимъ успокоительнымъ созерцаніемъ, возвращаетъ намъ свободу, которая могла бы потеряться въ общей бурѣ страстей. Самыя лица въ трагедіи имѣютъ нужду въ этомъ отдыхѣ, въ этомъ покоѣ, чтобы собраться съ духомъ; ибо они не существа дѣйствительныя, которыя повинуются только могуществу мгновенія, не образы недѣлимыхъ, но лица идеальныя, представители идей, высказывающіе глубину человѣческаго бытія. Присутствіе хора, который внимаетъ имъ, какъ судящій свидѣтель, и своимъ посредничествомъ умѣряетъ первые порывы ихъ страстей, — возбуждаетъ чувство осмотрительности въ ихъ дѣйствіи и достоинство въ рѣчахъ. Они стоятъ здѣсь, какъ бы на сценѣ самой природы, потому что говорятъ и дѣйствуютъ при свидѣтеляхъ, и поэтому будутъ говорить тѣмъ естественнѣе для зрителей на сценѣ искусственной.

Вотъ причины, побудившія меня ввести древній хоръ въ трагедію. Хоры уже извѣстны и въ новѣйшей трагедіи, но хоръ греческой трагедіи въ такомъ видѣ, какъ я унотребилъ его, — какъ одно идеальное лицо, поддерживающее и сопровождающее все дѣйствіе, — существенно отличается отъ тѣхъ хоровъ, и если мнѣ случается слышать сужденія о хорахъ, а не о хорѣ, когда говорятъ о греческой трагедіи, то во мнѣ возраждается сомнѣніе, дѣйствительно ли понимаютъ

предметъ, о которомъ разсуждаютъ. Хоръ древней трагедіи, сколько мнѣ извѣстно, никогда не появлялся на сценѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ уничтоженъ.

Я раздѣлилъ хоръ на двѣ половины и представилъ ихъ во враждѣ между собою; но это допускается только тогда, когда онъ участвуетъ въ дѣйствіи, какъ дѣйствительное лицо, какъ слѣпая толпа. Но хоръ, какъ идеальное лицо, всегда составляетъ одно цѣлое. Я позволялъ перемѣну мѣста и иногда удалялся хоръ; но и Эсхилъ, творецъ трагедіи, и Софоклъ, величайшій художникъ этого искусства, позволяли себѣ эту свободу.

8250

МЕССИНСКАЯ НЕВѢСТА.

Сцена представляетъ обширную залу съ колоннами; съ обѣихъ сторонъ входы; въ глубинѣ дверь, ведущая въ часовню.

Донна Изабелла, *въ глубокомъ траурѣ.* Сенаторы Мессины *окружаютъ ее.*

ИЗАБЕЛЛА.

Не прихоти, неволѣ покоряясь,
Почтенные старѣйшины Мессины,
Къ вамъ выхожу я нынѣ въ первый разъ
Изъ моего безмолвнаго пріюта,
Открывъ лицо предъ взорами мужей.
Печальная вдовица, потерявъ
Супруга — счастіе и славу жизни,
Должна скрывать свой омраченный ликъ
Отъ свѣта и людей въ уединеньѣ;
Но гласъ нужды минуты настоящей,
Всесильный гласъ, меня заставилъ нынѣ
Вступить опять въ забытый мною свѣтъ.
Еще двухъ разъ луна не обновилась

933

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ послѣднему жилищу
Державнаго супруга проводила,
Того, кто, мудро вами управляя,
Могучею рукой васъ охранялъ
Отъ вражескихъ сосѣдственныхъ племенъ.
Его ужь нѣтъ; но мощный духъ отца
Живетъ въ сердцахъ сыновъ его, героевъ,
Чьей доблестью могла бъ гордиться область.
Вы видѣли ихъ, бодро возраставшихъ
На радость намъ; но вмѣстѣ возросталъ,
Отъ роковаго тайнаго начала,
Въ нихъ духъ вражды взаимной, разрушая
Веселое согласье дѣтскихъ лѣтъ,
И страшно зрѣлъ съ годами. Никогда
Ихъ дружба мнѣ души не услаждала.
Я ихъ равно вскормила этой грудью,
Равно межъ нихъ заботы и любовь
Дѣлила я, и знаю, что равно
Обоими любима: только въ этомъ
Ихъ чувства сходны; но во всемъ другомъ —
Кровавая вражда ихъ раздѣляетъ.

Пока отецъ державой грозно правилъ,
Онъ строгимъ правосудіемъ умѣлъ
Порывъ страстей кипучій укрощать,
И подъ ярмомъ его желѣзной воли
Упорный духъ сыновъ его смирялся.
Они при немъ сходиться не дерзали
Съ оружіемъ, не смѣли ночевать
Въ однѣхъ стѣнахъ. Онъ властью подавлялъ
Суровый взрывъ ихъ дикаго раздора,
Но въ глубинѣ сердецъ безъ исправленья

Ихъ ненависть оставилъ: токъ могучій
Источникомъ ничтожнымъ презираетъ,
Когда ему покорствуетъ стремнина.

И вотъ, чего страшились, то пришло!
Лишь только смерть его сомкнула очи,
И мощная рука ужь не могла
Ихъ усмирять, — какъ роковой вражды
Подавленное пламя на просторѣ
Вдругъ вспыхнуло губительнымъ пожаромъ.
Я говорю, что̀ вамъ самимъ извѣстно:
Раздоръ объялъ Мессину, — ссора братьевъ
Расторгла всѣ священнѣйшія связи
И водворила общую вражду;
Мечъ палъ на мечъ, сталъ полемъ битвы городъ,
Ахъ, даже въ залахъ сихъ струилась кровь!

Вы видѣли, — страну терзала распря;
Но мнѣ она терзала грудь тоской, —
Вы тронулись страданіемъ отчизны,
Но матери не тронулись слезой,
И слово мнѣ суровое сказали:
«Ты видишь, что вражда твоихъ сыновъ
Волнуетъ градъ усобицей кровавой,
Тогда какъ нашъ союзъ единодушный
Необходимъ, чтобъ дать врагамъ отпоръ.
Ты мать, и потому должна подумать,
Какъ укротить враждебный духъ дѣтей.
Намъ, мирнымъ, что за дѣло до раздора
Властителей? Ужели гибнуть намъ
За то, что сыновья твои враждуютъ?
Мы и безъ нихъ управиться возможемъ,

Мы изберемъ властителя инаго,
Который дастъ намъ счастье и покой.»

Жестокіе! вы думали тогда
Лишь о себѣ и о своей отчизнѣ.
Безжалостно общественной бѣдою
Вы удручили мать, и безъ того
Довольно удрученную заботой.
И я взялась за безнадежный трудъ;
Я бросилась съ растерзанной душою
Между враждующихъ, взывая къ миру;
Заботливо, неутомимо, смѣло
Свои мольбы я возсылала къ нимъ,
И наконецъ слезами я достигла,
Что обѣщали оба мнѣ прибыть
Безъ всякаго раздора на свиданье
Въ родительскій дворецъ, — чего съ тѣхъ поръ,
Какъ умеръ ихъ родитель, не бывало.

Сей день насталъ. Я жду ежеминутно
Гонцовъ отъ нихъ съ извѣстьемъ о прибытьи.
Готовьтесь же принять своихъ князей
Съ почтеніемъ, какъ подданнымъ прилично;
Подумайте о долгѣ лишь своемъ, —
Все прочее оставьте намъ на долю.
Вражда князей губительна для васъ,
Какъ и для нихъ; но въ дружескомъ союзѣ,
Двойною силой будетъ имъ легко
Отъ всѣхъ враговъ доставить вамъ защиту,
И поддержать права свои — предъ вами.

(Сенаторы удаляются. Изабелла подаетъ знакъ старому служителю, который къ ней приближается.)

ИЗАБЕЛЛА. ДІЕГО.

ИЗАБЕЛЛА.

Діего!

ДІЕГО.

Что̀ царица повелитъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Приблизься, добрый, вѣрный мой служитель!
Ты раздѣлялъ мои страданья, горе, —
Теперь со мною счастье раздѣли.
Я ввѣрила душѣ твоей надежной
Мою печально-сладостную тайну.
Но вотъ пришло желанное мгновенье
Извлечь ее, завѣтную, на свѣтъ.
И такъ ужь слишкомъ долго заглушала
Всесильный гласъ природы я въ себѣ,
Господству чуждой воли покоряясь;
Теперь онъ можетъ смѣло говорить:
Пусть нынѣ же возрадуется сердце,
Пусть этотъ домъ, издавна запустѣлый,
Соединитъ все, милое душѣ!

Направь стопы, дрожащія отъ лѣтъ,
Къ святой обители, тебѣ извѣстной,
Хранящей милое сокровище мое.
Ты, вѣрный мой Діего, ты сокрылъ
Его туда, въ надеждѣ лучшихъ дней, —
Ты оказалъ печальную услугу
Душѣ моей печальной; но теперь
Ты возврати на радость мнѣ, счастливой,
Залогъ мнѣ драгоцѣнный!

(Слышенъ трубный звукъ.)

О, спѣши!
Да укрѣпитъ душевное веселье
Твои стопы! Я слышу трубный звукъ:
Онъ мнѣ сыновъ вѣщаетъ приближенье.

(Діего удаляется. Съ одной стороны слышна приближающаяся музыка.)

ИЗАБЕЛЛА.

Въ волненьи вся Мессина! чу! несутся
Шумящею рѣкою голоса....
Ахъ, то они! какъ сильно бьется сердце
У матери! оно ей возвѣщаетъ
Приходъ ея сыновъ.... О, дѣти, дѣти!

(Поспѣшно уходитъ.)

ХОРЪ.

(Онъ состоитъ изъ двухъ полухоровъ, которые входятъ въ одно время съ двухъ противуположныхъ сторонъ и становятся другъ противъ друга. Одинъ полухоръ состоитъ изъ старыхъ, другой изъ молодыхъ рыцарей; оба отличаются цвѣтомъ одежды и знаками. Когда оба хора установились, маршъ умолкъ и предводители обоихъ хоровъ выступаютъ впередъ.)

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Долу склоняю главу предъ тобою,
Сѣнь, лучезарная славой своей,
Пышный чертогъ, благодатное лоно,
И колыбель вѣнценосныхъ царей!
Мирно въ ножнахъ да почіетъ
Грозный булатъ!
Да цѣпенѣетъ раздоръ зміевласый
Въ вѣчныхъ оковахъ у вратъ!
Гостепріимнаго крова
Мирный порогъ сторожитъ

Клятва — исчадіе ада,
Страшная дщерь Эвменидъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Сердце дрожитъ, негодуя на узы
Мира, и жаждою брани кипитъ.
Вижу я образъ ужасной Медузы:
Это врага ненавистный мнѣ видъ!
Какъ усмирить мнѣ крови волненье?
Мнѣ-ль ему слово привѣта сказать?
Или послѣдовать голосу мщенья?
Нѣтъ! я боюсь Эвменидъ раздражать,
Грозныхъ хранительницъ этого дома,
И торжествующій миръ нарушать.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Мудрая дума —
Старости доля;
Я, какъ разумнѣйшій, первый начну.

(Ко второму хору.)

Прими мой привѣтъ,
Ты, раздѣляющій
Равныя чувства
Братски со мной,
Чтущій хранителей
Этого дома,
Вѣчныхъ боговъ!
Если властители мирно бесѣдуютъ,
Мирное слово прилично и намъ:
Мирное слово въ спокойной бесѣдѣ
Въ сердце вливаетъ цѣлебный бальзамъ.
Если жъ врагомъ тебя въ полѣ я встрѣчу,
Снова начнемъ мы кровавую сѣчу, —
Мужество духа докажетъ булатъ!

ВЕСЬ ХОРЪ.

Если жъ врагомъ тебя въ полѣ я встрѣчу,
Снова начнемъ мы кровавую сѣчу, —
Мужество духа докажетъ булатъ!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Беренгаръ)*.

Врагъ мой не ты; не тебѣ укоризны!
Оба мы дѣти единой отчизны;
Наши властители — чуждый намъ родъ.
Если жъ монархи враждою пылаютъ,
Въ битвѣ другъ друга рабы умерщвляютъ:
Служба на это имъ право даетъ.

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Пусть имъ извѣстна
Цѣль и причина
Брани кровавой; — судить ихъ не намъ:
Мы защищаемъ ихъ дѣло послушно;
Трусъ тотъ безчестный, кто равнодушно
Дастъ властелина въ обиду врагамъ!

ВЕСЬ ХОРЪ.

Мы защищаемъ ихъ дѣло послушно:
Трусъ тотъ безчестный, кто равнодушно
Дастъ властелина въ обиду врагамъ!

ОДИНЪ ИЗЪ ХОРА *(Беренгаръ)*.

Вотъ что я думалъ, когда одинокій
Ѣхалъ сюда я дорогой широкой,
Ѣхалъ средь волнъ дозрѣвающихъ нивъ,
Въ мысляхъ минувшіе дни пробудивъ.
Мы сами разбили свой жребій счастливый,
Когда, увлеченные чуждой враждой,
Безумно въ свирѣпый ринулись бой.
Не наши-ль онѣ — эти злачныя нивы?
Не наше-ли солнце златитъ тѣ оливы,

Тѣ вязы, обвитые пышной лозой?
Ужель не могли мы съ веселой душой
Въ тиши наслаждаться отрадными днями
И жизни безпечной благими дарами?
Зачѣмъ же, друзья, такъ безумно мы сами
Мечи обнажили за чуждый намъ родъ?
И кто ему право надъ нами даетъ?
Сюда его парусъ, вѣтру послушный,
Оттуда примчалъ, гдѣ алѣетъ закатъ,
И нами, какъ гость, былъ онъ принятъ радушно
(Съ тѣхъ поръ ужь промчался годовъ длинный рядъ),
Онъ принятъ былъ нами, а нынѣ мы сами
Содѣлались чуждаго рода рабами!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Манфредъ)*.

Такъ! мы обитаемъ въ отчизнѣ счастливой,
Гдѣ вѣчно привѣтно дневное свѣтило
Съ лазури небесъ улыбается намъ.
Мы жить здѣсь могли бы въ довольствѣ и негѣ,
Когда бъ не терзали порою набѣги
Нашъ край, отовсюду открытый врагамъ.
Безбрежное море его окружаетъ;
Но насъ отъ корсаровъ не скроетъ оно;
Ихъ алчные взоры то благо плѣняетъ,
Которое намъ лишь хранить суждено.
Мы стали рабами въ своихъ же предѣлахъ;
Кому защитить насъ отъ хищниковъ смѣлыхъ?
Герои родятся не въ тѣхъ же краяхъ,
Гдѣ пышно златится Церерою поле,
Гдѣ мирнаго Пана господствуетъ воля, —
Но въ тѣхъ, гдѣ желѣзо родится въ горахъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Благъ жизни завѣтныхъ неравная доля

Судьбой непреложной намъ, смертнымъ, дана;
Въ дарахъ справедлива природа одна:
Насъ щедрой рукою она одарила
Богатствомъ всегда плодоносныхъ полей,
Другимъ же на долю — могучая сила,
И твердая воля, и крѣпость мечей.
Съ могучею силой, съ отвагой героя,
Текутъ они съ жаждой добычи и боя,
И міръ наполняется славой ихъ дѣлъ;
Но часто, чѣмъ выше ихъ было паренье,
Тѣмъ глубже паденье — ихъ горькій удѣлъ.
Такъ лучше остаться въ своемъ униженьи,
Безсиліе духа въ смиреньи сокрыть,
Чѣмъ грознымъ потокамъ подобными быть.
Они, сокрушительныхъ бурь порожденье,
Несутся гремя, и въ свирѣпомъ стремленьи
Срываютъ плотины, мосты, и на дно,
Крутя, увлекаютъ въ свои водопады,
И нѣтъ на пути имъ, могучимъ, преграды!
Но ихъ породило мгновенье одно:
Исчезнутъ слѣды ихъ въ пескѣ запустѣнья,
Оставивъ на память одно разрушенье.
Герои приходятъ и далѣ идутъ,
А мы, ихъ рабы, остаемся все тутъ.

(*Двери въ глубинѣ сцены отворяются; входитъ* Донна Изабелла; *по сторонамъ ея сыновья:* Донъ Мануилъ и Донъ Цезарь.)

ОБА ХОРА.

Честь и хвала
Тамъ восходящему

Солнцу пресвѣтлому!
Благоговѣя, склоняюсь предъ нимъ!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Прекрасно сіяніе
Кротко-привѣтной
Луны среди хора мерцающихъ звѣздъ!
Прекрасно величіе
Матери нѣжной
Средь пламенной силы могучихъ сыновъ!
Другаго подобія
Нѣтъ ей, плѣнительной, въ мірѣ земномъ!

Ею, въ главѣ бытія вознесенною,
Дивный прекраснаго кругъ заключенъ;
Мать межъ дѣтей! красотою нетлѣнною
Міръ довершенный отъ нихъ озаренъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Беренгаръ)*.

И радостно видитъ она, какъ надъ нами
Изъ лона ея, обновляясь вѣтвями,
Цвѣтущее древо взросло къ небесамъ:
Могучее племя она породила;
Со славой оно потечетъ, какъ свѣтило,
И дастъ свое имя текущимъ вѣкамъ.

(Рожеръ.)

Народы текутъ; племена исчезаютъ;
Забвенія мракъ
Крылами своими, какъ ночь, покрываетъ
Племенъ увядающій злакъ!
Но одинокія
Главы властителей
Ярко горятъ;
Ихъ, какъ далекія

Выси нагорныя,
Вѣчно Авроры лучи золотятъ.

ИЗАБЕЛЛА *(входитъ съ сыновьями).*

Взирай сюда, взирай царица неба,
И руку мнѣ на сердце положи,
Чтобъ въ счастіи оно не возгордилось:
Вѣдь матери забыться такъ легко,
Когда на ней блескъ славы отразится
Ея сыновъ! Сегодня въ первый разъ
Всю полноту блаженства я вкушаю.
Донынѣ я должна была дѣлить
Сердечныхъ чувствъ живое изліянье;
Я одного должна была забыть,
Когда другой дарилъ меня свиданьемъ.
Ахъ, вѣдь моя любовь была одна,
А ихъ всегда вражда разъединяла!
Скажите мнѣ, могу-ль предаться я
Безъ трепета отрадному влеченью?

(Къ Дону Мануилу.)

Когда ему я руку пожимаю,
Не уязвляю-ль сердца я тебѣ?

(Къ Дону Цезарю.)

Когда на немъ лелѣю я свой взоръ,
Не видишь ли ты въ томъ себѣ лишенья?
Ахъ! я страшусь, что самая любовь
Сильнѣй межъ васъ вражды раздуетъ пламя.

(Смотритъ на нихъ вопросительно.)

Скажите жъ мнѣ, чего должна я ждать?
Съ какимъ вы чувствомъ прибыли сюда?
Не тотъ же-ль ядъ вражды непримиримой
Вы вносите съ собою въ отчій домъ?
А за вратами замка ожидаетъ

Смирившая себя лишь на мгновенье,
Война, скрыпя желѣзными зубами,
Чтобъ съ яростію новой запылать,
Лишь только вы отсюда удалитесь?

ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Война или миръ! На грядущемъ для насъ
Лежатъ недоступные свѣту покровы;
Но скоро услышимъ рѣшенія гласъ:
На то и другое равно мы готовы.

ИЗАБЕЛЛА *(озираясь кругомъ)*.

Какой воинственный и страшный видъ!
Зачѣмъ всѣ эти тутъ? Ужели битва
Средь этихъ стѣнъ готова закипѣть?
Къ чему тамъ чуждыхъ ратниковъ толпа,
Гдѣ дѣтямъ мать разоблачаетъ душу?
Ужели вы близъ матери своей
Страшились такъ измѣны и коварства,
Что оградили стражею себя?
О, эта вся ватага, эти слуги —
Слѣпой вражды орудіе слѣпое —
Вамъ не друзья они! Нѣтъ, никогда
Вамъ не дадутъ къ добру они совѣта!
Да и за что̀ любить имъ васъ, когда
Вы чуждаго, враждебнаго имъ рода,
Который ихъ наслѣдія лишилъ,
И власть мечемъ надъ ними утвердилъ?
Повѣрьте мнѣ, что каждому пріятнѣй
Свободнымъ жить по собственнымъ законамъ;
Чуждая власть для нихъ — одно ярмо.
Лишь силою и страхомъ вы надъ ними
Пріобрѣли невольную покорность.
Узнайте же коварный этотъ родъ!

Злорадствомъ вамъ всегда они готовы
За счастіе, за славу отомстить.
Властителей паденье, гибель сильныхъ —
Вотъ содержанье пѣсенъ ихъ и сказокъ,
Которыми они по вечерамъ
Своихъ дѣтей и внуковъ потѣшаютъ.
О дѣти, дѣти! міръ исполненъ зла
И чернаго коварства. Каждый любитъ
Лишь одного себя. Невѣрны, слабы,
Измѣнчивы слѣпаго счастья связи; —
Что случай свелъ, то случай разорветъ;
Вѣрна одна природа! — лишь она
На якорѣ надежномъ неподвижна,
Тогда какъ все на бурномъ морѣ жизни
Вращается тревожно. Склонность вамъ
Даетъ друзей; товарищей — корысть;
Но счастливъ тотъ, кому данъ *братъ* природой!
Его не можетъ счастье дать! Съ рожденья
Онъ лучшій другъ, и въ мірѣ лжи и брани
Всегда вдвойнѣ надежная опора!

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Внимайте! величіемъ дивно-прекраснымъ
Сіяетъ значенье державныхъ рѣчей
Одна лишь она со спокойствіемъ яснымъ
Взираетъ разумно на міръ и людей.
А мы, съ омраченной страстями душою,
Безумно и слѣпо несемся съ волною.

ИЗАБЕЛЛА *(къ Цезарю)*.

Ты, противъ брата обнажившій мечъ!
Взгляни туда, — найдется ли межъ нихъ
Ему подобный видомъ благороднымъ?

(Къ Манулу.)

А изъ твоихъ всѣхъ избранныхъ друзей
Дерзнетъ-ли кто съ твоимъ равняться братомъ?
Вы — образцы прекрасные во всемъ,
И не затмилъ ни въ чемъ одинъ другаго:
Взгляните лишь другъ другу прямо въ очи!
О, заблужденье зависти слѣпой!
Себѣ въ друзья изъ тысячи другихъ
Избралъ бы ты его, и неизмѣнно
Къ нему бъ душой и сердцемъ привязался.
И что-жъ? когда священная природа
Дала тебѣ его отъ колыбели,
Ты беззаконно драгоцѣнный даръ,
Свою же кровь, ногами попираешь;
Ты предался не стоющимъ его,
Врага себѣ ты другомъ называешь!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Но выслушай!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

О, выслушай меня!

ИЗАБЕЛЛА.

Не разрѣшишь сей горестной вражды
Словами — что̀ мое и что̀ твое,
Не отдѣлишь отмщенья отъ обиды.
Найдетъ-ли кто русло потока сѣры,
Разлившейся огнистою рѣкой?
Все, все огня подземнаго рожденье
Покрыто лавы твердою корой
И каждый шагъ встрѣчаетъ разрушенье!
Примите къ сердцу, дѣти, лишь одно:
Согласна я, для мужа не легко
Простить и позабыть обиду мужа.
Мужъ помнитъ зло, и время не измѣнитъ

Отмщенія, задуманнаго имъ.
Но въ васъ вражда ведетъ свое начало
Отъ раннихъ лѣтъ безсмысленнаго дѣтства:
Лѣта могли бъ конецъ ей положить.
Припомните причину первой ссоры;
Не можете? а если бъ и могли,
Вы бъ дѣтскаго раздора устыдились.
И все-таки ребяческая ссора,
Влачась, подобно цѣпи роковой,
Всѣ бѣдствія дней нашихъ породила.
Все, до сихъ поръ содѣланное зло —
Есть зависти и мщенья плодъ печальный.
И этимъ-то ребяческимъ раздоромъ
Вы заняты, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ!

(Беретъ обоихъ за руки.)

Послушайте! рѣшитесь наконецъ
Взаимные расчеты уничтожить!
О дѣти! вы равно неправы оба, —
Такъ будьте же равно великодушны,
Простивъ взаимно тяжкую обиду!
Прощеніе — побѣда изъ побѣдъ!
Низвергните въ отцовскую могилу
Всю ненависть далекихъ дѣтскихъ лѣтъ!
Да встрѣтитъ новой жизни возрожденье
Согласіе, любовь и примиренье!

(Она отступаетъ, чтобъ дать имъ сблизиться. Но они стоятъ, потупивъ взоры, и не глядятъ другъ на друга.)

ХОРЪ *(Каэтанъ.)*

Примите къ душѣ увѣщанья родной:
Она вамъ сказала великое слово!
Конецъ положите враждѣ роковой.
Но если нельзя, то — къ оружію снова:

Что нравится вамъ, то пріятно и намъ;
Властителю — воля, покорность рабамъ.

ИЗАБЕЛЛА

(тщетно выжидая нѣсколько времени и видя, что братья не рѣшаются сойтись, продолжаетъ съ подавленною горестію.)

Теперь я болѣе не знаю, что начать, —
Я всѣ свои слова и просьбы истощила....
Сошелъ въ могилу тотъ, кто васъ умѣлъ смирять,
Моленій матери для васъ ничтожна сила!
Свершайте! власть при васъ! идите въ слѣпотѣ
За демономъ, безумно васъ влекущимъ!
Поприте божества домашняго алтарь!
Пусть этотъ кровъ, гдѣ жизнь узрѣли вы,
Въ позорище убійства обратится!
Пусть не чужой, но собственной рукой
Въ моихъ глазахъ здѣсь братъ погубитъ брага!
И съ грудью грудь, въ неистовой б рьбѣ,
Какъ ѳивская чета, тѣсня другъ друга,
Сомкнитеся въ объятіяхъ желѣзныхъ!
И, жизнію побѣду искупивъ,
Взаимно грудь кинжалами пронзите!
Чтобъ даже смерть не примирила васъ!
Чтобъ отъ костра до неба вознесясь,
Надъ вашими преступными тѣлами,
Столбъ огненный свой пламень раздвоилъ,
И роковымъ подобіемъ служилъ,
Какъ жили вы и пали между нами!

(Она отдаляется. Братья стоятъ въ томъ же отдаленіи другъ отъ друга.)

Оба брата. Оба хора.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Все это лишь рѣчи, но словъ ихъ значенье
Вливаетъ мнѣ въ душу отрады фіалъ:
Я родственной кровью руки не маралъ,
Въ безумномъ раздорѣ, въ слѣпомъ заблужденьи.
Дѣянія наши да судитъ Творецъ:
Вы — братья! обдумайте дѣла конецъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(*не глядя на Дона Мануила.*)

Ты старшій братъ, — ты первый и начни!
Я старшему охотно уступаю.

ДОНЪ МАНУИЛЪ

(*въ томъ же положеніи.*)

Подай собой примѣръ благоразумный:
Я младшему послѣдовать готовъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не потому, что чувствую себя
Передъ тобой виновнѣй иль слабѣе...

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я знаю самъ, — не малодушенъ Цезарь:
Онъ въ слабости смѣлѣй бы говорилъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ты-ль обо мнѣ такъ судишь благородно?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я гордъ для лжи, какъ ты — для униженья.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я не могу презрѣнія снести.
Въ разгарѣ битвъ, въ пылу ожесточенья,
Ты съ честію о братѣ отзывался.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я испыталъ: ты смерти мнѣ не ищешь.
Когда одинъ предатель вызывался
Меня убить, — ты наказалъ злодѣя.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(подвигаясь ближе)*.

О, сколько бѣдствій насъ бы миновало,
Когда бъ я зналъ, какъ ты правдивъ душой!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

А я, повѣрь, когда бъ я только зналъ,
Какъ сердцемъ ты доступенъ примиренью
Я матери заботы облегчилъ бы.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Тебя изображали мнѣ надменнымъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Вотъ въ томъ-то все и горе властелина,
Что слухъ его наушникамъ доступенъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(съ живостію)*.

Да, лишь они — виновники всему!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Они — сердца раздоромъ распаляютъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Они — слова вражды передаютъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Всему даютъ превратное значенье.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не лечатъ ранъ, но растравляютъ ихъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Не гасятъ огнь, но больше раздуваютъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Мы жертвы ихъ навѣтовъ и обмановъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Чужихъ страстей орудіе слѣпое.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ужели такъ коварства полонъ свѣтъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Такъ мать сказала намъ, — и это правда!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

О, если такъ, то дай мнѣ руку брата!

(Подаетъ ему руку.)

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(беретъ ее съ живостію.)*

Она къ тебѣ всѣхъ ближе на землѣ.

(Оба смотрятъ другъ на друга.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я на тебя смотрю, и съ удивленьемъ
Черты родной драгія нахожу.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Братъ, и въ тебѣ есть сходство дорогое,
Которымъ тронутъ я еще сильнѣй.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ужели ты, мой старшій братъ, привѣтомъ
И ласкою меня предупреждаешь?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Ужели этотъ кроткій юный витязь —
Враждебный мнѣ и ненавистный братъ?

(Молчаніе. Оба смотрятъ другъ на друга.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ты изъ наслѣдства нашего отца
Желалъ владѣть арабскими конями;
Я отказалъ въ нихъ посланнымъ тобой....

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Оставь ихъ у себя, — мнѣ ихъ не надо.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

О, нѣтъ! возьми коней и съ колесницей
Отцовскою, — прошу тебя, возьми!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я ихъ возьму, когда возьмешь ты замокъ
На берегу морскомъ — предметъ вражды

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, не возьму, — а будемъ лучше вмѣстѣ
Въ немъ жить съ тобой, какъ братья и друзья.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Да будетъ такъ! Къ чему дѣлить владѣнья,
Когда сердца въ согласіи святомъ?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Къ чему намъ жить раздѣльно другъ отъ друга,
Когда вдвоемъ богаче каждый станетъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Нѣтъ! насъ теперь ничто не раздѣляетъ!

(Бросается въ его объятія.)

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(ко второму. Каэтанъ).*

Зачѣмъ же теперь, какъ враги, мы стоимъ,
Когда государи въ союзѣ сердечномъ?
Въ примѣрѣ благомъ мы послѣдуемъ имъ:
Ужели томиться въ раздорѣ намъ вѣчномъ?
Пускай они — братья по крови родной,
Мы — граждане, дѣти отчизны одной.

(Оба хора обнимаются.)

Гонецъ. Прежніе.

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ къ Цезарю.)*

Тобою, государь, отправленный гонецъ
Пришелъ назадъ. Возрадуйся, Донъ Цезарь!
Онъ доброе извѣстіе принесъ:
Его лицо веселіемъ сіяетъ.

ГОНЕЦЪ.

О, благо мнѣ и всей странѣ счастливой!
Я — зрѣлища прекраснаго свидѣтель:
Князья, сыны умершаго владыки,
Пылавшіе кровавою враждой,
Друзьями здѣсь стоятъ рука съ рукой.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Да, здѣсь любовь изъ пламени вражды
Возстала вновь, какъ фениксъ возрожденный.

ГОНЕЦЪ.

Я къ радости одной принесъ другую,
И вѣстничій мой посохъ вновь цвѣтетъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(отводя его въ сторону)*.

Скажи мнѣ, что̀ узналъ ты?

ГОНЕЦЪ.

Въ день одинъ
Всѣ радости соединились вдругъ, —
И та, о государь, кого искалъ ты, —
Она нашлась, она недалеко.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Возможно-ли? о, гдѣ жъ она? скажи!

ГОНЕЦЪ.

Здѣсь, государь! она въ стѣнахъ Мессины.

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(къ первому хору)*.

Какъ ярко вспыхнули ланиты брата!
Какой восторгъ въ глазахъ его горитъ!
Хотя безвѣстна мнѣ тому причина, —
Но я готовъ съ нимъ радость раздѣлить.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(къ гонцу)*.

Пойдемъ же къ ней! — Прощай, Донъ Мануилъ!
Въ объятьяхъ матери мы вновь сойдемся;
Теперь же нужно удалиться мнѣ. *(Хочетъ уйти.)*

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Спѣши! да будетъ счастье твой сопутникъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(одумавшись, возвращается).*

Донъ Мануилъ! я выразить не въ силахъ,
Какъ сладко мнѣ съ тобою быть. Душой
Я убѣжденъ, что будемъ мы друзьями,
Что нашихъ душъ подавленное чувство
Отнынѣ тѣмъ сильнѣе разовьется.
Я возвращу потерянную жизнь!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Прекрасный цвѣтъ намъ дастъ и плодъ прекрасный

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но я не правъ, и самъ виню себя,
Что отъ тебя теперь я отторгаюсь.
Не отнеси къ холодности моей,
Что скоро часъ прекрасный прерываю.

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(съ замѣтною разсѣянностію).*

Ступай, куда влечетъ тебя мгновенье!
Отнынѣ жизнь принадлежитъ любви.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ахъ, еслибъ зналъ ты, что̀ меня зоветъ....

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Зачѣмъ? оставь свое мнѣ только сердце,
А тайна пусть останется съ тобой.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Межъ нами впредь не будетъ тайнъ, и скоро
Послѣдняя изгладится морщина!

(Къ хору.)

Внимайте всѣ, да будетъ вамъ извѣстно,
Что между мной и братомъ, мной любимымъ,
Нѣтъ болѣе вражды! Я объявлю
Предателемъ, врагомъ себѣ смертельнымъ,

Какъ адскія врата возненавижу
Того, кто въ насъ вражды участій пепелъ
Посмѣетъ вновь раздуть въ огонь. Никто
Не льсти себя надеждою привлечь
Мою любовь навѣтами на брата,
Предательской услугой, разнося
Поспѣшныхъ словъ язвительныя стрѣлы.
Безъ корня тѣ летучія слова,
Которыя въ досадѣ произносимъ;
Но въ комъ душа доступна подозрѣнью,
Къ тому они, какъ цѣпкій плющъ прильнутъ,
И сердце въ немъ змѣею обовьютъ:
Такъ рушится навѣкъ отъ заблужденья
Прекрасныхъ душъ взаимное влеченье.

(Онъ еще разъ обнимаетъ брата и уходитъ въ сопровожденіи втораго хора.)

ДОНЪ МАНУИЛЪ. ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Дивлюсь тебѣ, о государь, и даже
Едва могу теперь тебя узнать.
Ты краткими словами отвѣчалъ
На полныя привѣта рѣчи брата,
Открывшаго всю душу предъ тобой
Разсѣянный и погруженный въ думы,
Стоялъ ты здѣсь, какъ-будто только тѣломъ
Межъ нами былъ, а духомъ далеко.
Иной, тебя увидя, обвинилъ бы
Въ суровости, въ холодности надменной;
Но я тебя не упрекаю въ нихъ:
Я вижу — взоръ твой счастіемъ сіяетъ,
И на устахъ улыбка расцвѣла.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Что мнѣ сказать? чѣмъ оправдать себя?
Пусть братъ найдетъ слова! имъ овладѣло
Внезапно чувство, новое ему:
Въ груди его вражды угасло пламя,
И онъ, дивясь, не узнаетъ себя.
Я — не принесъ съ собой вражды; едва-ли
Могу сказать, за что̀ мы лили кровь.
Я на крылахъ блаженства неземнаго
Парю душой, все дольнее забывъ,
И въ вышинѣ, въ безбрежномъ морѣ свѣта,
Всѣ мрачныя черты, всѣ тучи жизни,
Изгладились, исчезли для меня.
Смотрю на эти залы, галлереи,
И представляю радостный испугъ
Моей невѣсты милой, удивленной,
Когда ее княгиней и супругой
Торжественно введу я въ мой чертогъ.
Она во мнѣ любила незнакомца,
Безвѣстному лишь другу предалась.
Не мнится ей, что я — Донъ Мануилъ,
Мессины князь, который осѣнитъ
Ея чело златою діадимой.
Какъ сладостно величіемъ нежданнымъ
Прелестную подругу озарить!
О, какъ давно тѣмъ счастіемъ желаннымъ
Мечталъ себѣ я душу усладить!
И красоту возвыситъ обликъ славы,
Какъ драгоцѣнный камень блескъ оправы.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

О, государь! сегодня предо мной
Ты въ первый разъ молчанье нарушаешь.

Давно слѣдилъ я взоромъ за тобой,
И видѣлъ я, что тайной ты владѣешь;
Но я не смѣлъ выспрашивать тебя
О томъ, что самъ скрывалъ ты отъ меня.
Уже тебя не веселитъ охота,
Ни бѣгъ коней, ни сокола налетъ.
Лишь только солнце къ западу склонялось,
Изъ нашего ты круга исчезалъ,
И за тобой никто изъ приближенныхъ,
Товарищей охоты и войны,
Не смѣлъ идти стезей, тебѣ завѣтной.
Зачѣмъ же такъ таинственно скрывалъ
Донынѣ ты любви своей блаженство?
Что мощнаго къ молчанью побуждало?
Вѣдь робости душа твоя не знала.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Ахъ! счастіе крылами обладаетъ:
Его должны мы тщательно хранить;
Молчаніе должно ему быть стражемъ;
Оно исчезнетъ вдругъ, когда болтливость
До времени покровъ съ него сорветъ.
Но вотъ теперь, въ виду желанной цѣли,
Молчаніе нарушить я могу.
Лишь утра лучъ природу озаритъ, —
Она моя, и демонъ опасенья
Моей душой не будетъ обладать.
Не буду я тайкомъ къ ней пробираться
И похищать любви завѣтный плодъ,
Лишь на-лету блаженствомъ наслаждаться....
Нѣтъ! съ новымъ днемъ мнѣ счастье процвѣтетъ,
И ужь оно мгновенно не затмится,
Какъ молнія при сумракѣ ночномъ;

Но, какъ ручей, спокойно заструится,
Иль какъ песокъ въ сосудѣ часовомъ.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Такъ назови намъ ту, съ которой ты
Узналъ свое блаженство, чтобъ и мы
Могли ее достойно возвеличить,
Какъ нашего властителя невѣсту.
Скажи, гдѣ ты нашелъ ее? Въ какомъ
Таинственномъ убѣжищѣ скрываешь?
Мы обошли, охотясь по лѣсамъ,
Весь островъ нашъ по всѣмъ его тропамъ,
Но не открылъ намъ случай этой тайны;
И я готовъ ужь думать, что на ней
Лежитъ покровъ волшебнаго тумана.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я подниму его: еще сегодня
Все, скрытое подъ нимъ, увидитъ свѣтъ.
Такъ слушайте-жъ, какъ это все случилось.
Тому назадъ пять мѣсяцевъ, когда
Еще отецъ страною управлялъ
И силою смирялъ нашъ пылъ строптивый, —
Иныхъ забавъ не зналъ я, кромѣ битвы
И прелестей охоты по лѣсамъ.
Однажды мы охотились день цѣлый
Среди лѣсистыхъ горъ, — тогда впередъ
Помчался я одинъ за ланью бѣлой,
Далеко васъ оставивъ за собой.
Она неслась извилистой стезей
Черезъ кусты, стремнины и овраги
Лишь на полетъ копья передо мной,
Но ни догнать, ни дротикомъ нацѣлить
Ее не могъ я; наконецъ она

Исчезла предо мной въ воротахъ сада.
Я соскочилъ съ коня, и вслѣдъ за ней
Спѣшу съ рукой, подъятой для удара,
И съ удивленьемъ вижу, что она
Припавъ къ ногамъ монахини младой,
Лежитъ, дрожа; а та, склонясь надъ нею,
Ее ласкаетъ нѣжною рукой....
Какъ истуканъ, стоялъ я безъ движенья
Съ моимъ копьемъ подъятымъ. Но она
Ко мнѣ свой взоръ молящій устремила.
Такъ, молча, мы смотрѣли другъ на друга, —
Но долго-ли — сказать не въ силахъ я:
Тогда часы исчезли для меня.
Мнѣ взоръ ея проникъ глубоко въ душу,
И сердцемъ я мгновенно измѣнился.
Что говорилъ тогда я, что въ отвѣтъ
Прелестная сказала мнѣ, — напрасно
Выспрашивать меня: какъ сонъ прекрасный
Младенчества туманно-свѣтлыхъ лѣтъ
Рисуется оно передо мною.
Когда-жъ опять я сталъ владѣть собою,
Ее нашелъ я на груди своей.
Вдругъ слышу звонъ, — молитвы часъ онъ ей
Напомнилъ, — и она, въ одно мгновенье,
Передо мной исчезла, какъ видѣнье.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Меня страшитъ, о князь, твое признанье:
Ты въ святотатствѣ страшномъ погрѣшилъ,
На Божью дщерь простеръ грѣховное желанье,
Монастыря святыню посрамилъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Теперь одинъ лишь путь остался мнѣ:

Смирилося тревожное стремленье,
Я видѣлъ жизни цѣль и назначенье.
И какъ взираетъ странникъ на Востокъ,
Гдѣ свѣтъ ему блеститъ обѣтованный,
Такъ всѣ мои надежды и желанья
Манилъ къ себѣ одинъ завѣтный лучъ.
Ни разу день съ тѣхъ поръ не угасалъ,
Не сочетавъ двухъ любящихъ свиданьемъ.
Такъ въ тишинѣ союзъ сердецъ таился,
И лишь одинъ всевидящій эѳиръ
Былъ счастья нашего свидѣтель вѣрный:
Никто другой не нуженъ былъ для насъ.
То были дни блаженства золотые!
Нѣтъ, въ святотатствѣ я не погрѣшилъ:
Она обѣтомъ не связала сердца,
Которое навѣкъ мнѣ отдала.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Такъ монастырь пріютомъ только былъ
Для юности, а не могилой жизни?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Какъ дорогой залогъ, была она
Обители на время отдана.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Какой же кровью славится она?
Вѣдь знатный родъ отъ предковъ переходитъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Она взросла, какъ тайна для себя,
Не вѣдая ни рода, ни отчизны.

ХОРЪ *(Каэтану)*.

Ужели нѣтъ таинственныхъ слѣдовъ
Открыть истокъ ея происхожденья?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Почтенный мужъ, хранитель этой тайны,
Сказалъ, что родъ ея высокъ и знатенъ.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Но кто же онъ? открой мнѣ; лишь тогда
Могу служить тебѣ моимъ совѣтомъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Отъ матери единственный посолъ,
Старикъ слуга приходитъ къ ней порою.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Уже-ль его ты выпытать не могъ?
Вѣдь малодушна старость и болтлива.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Нѣтъ, я не смѣлъ выпытывать его,
Боясь нарушить тѣмъ мое блаженство.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Какое-жъ было словъ его значенье,
Въ тѣ дни, когда онъ дѣву посѣщалъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Онъ говорилъ, что время все откроетъ,
И годы тѣмъ ея онъ утѣшалъ.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Но развѣ онъ когда-нибудь яснѣе
На это время ей не намекалъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Еще не такъ давно грозилъ онъ ей,
Что близокъ день завѣтной перемѣны.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Онъ ей грозилъ, ты говоришь? Ужели
Нерадостная вѣсть тебя страшитъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Счастливые боятся перемѣнъ:
Гдѣ выгодъ нѣтъ въ виду — грозитъ потеря.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Но, можетъ быть, и для твоей любви
Извѣстье то благопріятно будетъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

А можетъ быть, мое разрушитъ счастье,
И потому я выбралъ, что̀ вѣрнѣй.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Что говоришь ты, государь? Меня
Тревожитъ твой поступокъ торопливый.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Съ недавнихъ поръ ей старецъ иногда
Высказывалъ, въ таинственныхъ намекахъ,
Что близокъ день, который возвратитъ
Ее въ завѣтный кругъ ея родныхъ.
Но лишь вчера онъ ясно ей сказалъ,
Что съ первымъ свѣтомъ утренняго солнца
(Сегодня этотъ день), ея судьбу
Желанное рѣшенье ожидаетъ.
Я времени терять не могъ: поспѣшно
Намѣренье задумалъ и свершилъ.
Я въ эту ночь похитилъ тайно дѣву,
И скрылъ ее въ Мессинѣ.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

О, какой
Насильственный и дерзостный поступокъ!
Прости мнѣ, государь, прямую рѣчь:
То старости разумной долгъ и крови,
Когда безумно юность увлечется.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Недалеко отъ «Братій милосердыхъ»
Она теперь въ саду уединенномъ,
Гдѣ любопытный взоръ не страшенъ ей.
Спѣша сюда на примиренье съ братомъ,
Сегодня тамъ я разлучился съ ней;
Въ тревогѣ сердца тамъ ее одну
Оставилъ я.... Она и не мечтаетъ,
Что скоро, въ блескѣ царскаго вѣнца,
На высотѣ величія и славы,
Она предъ всей Мессиною предстанетъ.
И ей меня иначе не видать,
Какъ въ торжествѣ и блескѣ украшенья,
Въ главѣ дружины рыцарей моихъ.
Я не хочу, чтобъ странницей безкровной
Она, невѣста Дона Мануила,
Предстала матери, ей мною данной:
Нѣтъ, я хочу ввести ее царицей
Въ наслѣдственный дворецъ моихъ отцовъ!

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Повелѣвай! мы ждемъ твоихъ велѣній.

ДОНЪ МАНУИЛЪ

Я изъ ея исторгнулся объятій,
Но лишь о ней заботы всѣ мои.
Теперь со мной отправтесь на базаръ,
Гдѣ на продажу Мавры выставляютъ
Восточныхъ странъ богатые дары
Изъ золота и тканей драгоцѣнныхъ.
Роскошныя сандаліи сперва
Для ногъ ея прелестныхъ изберите.
Ткань Индіи потомъ для одѣянья,
Блестящую, какъ Этны первый снѣгъ,

И чтобъ легко, какъ утреннимъ туманомъ,
Былъ облитъ ею станъ ея младой.
Изъ пурпура и золота сплетенъ
Ея быть долженъ поясъ, коимъ будетъ
Подъ перьями охвачена тюника.
А мантію, изъ шолка дорогаго
Съ пурпуровымъ отливомъ, на плечѣ
Должна скрѣплять цикада золотая.
Да не забыть при этомъ и браслетъ
Для украшенья рукъ ея прелестныхъ;
Для ожерелья-жъ — перлы и кораллы —
Морской богини дивные дары.
Пусть обовьетъ лилейное чело
Изъ драгоцѣнныхъ камней діадима,
Чтобъ въ ней горѣлъ съ рубиномъ изумрудъ,
Свои лучи огнистые сливая;
Чтобъ, съ головы спускаясь, покрывало,
Какъ облакомъ прозрачнымъ, обливало
Ея красотъ сіянье; наконецъ
Изъ миртъ душистыхъ дѣвственный вѣнецъ
Пусть довершитъ убора совершенство.

ХОРЪ (*Каэтанъ*).

Исполнимъ все, что ты повелѣваешь:
Все это есть, и все безъ затрудненья
Въ готовности найдется на базарѣ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Потомъ возьмите лучшаго коня,
Отборнаго изъ всей моей конюшни;
Онъ бѣлый долженъ быть, какъ кони Феба;
Покровъ его изъ пурпура, а сбруя
И удила — въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ:
Моей царицѣ долженъ онъ служить!

Вы будьте всѣ въ готовности ее
Во всемъ сіяньи рыцарскаго блеска,
При звукѣ трубъ сюда сопровождать.
Всѣмъ этимъ я иду теперь заняться,
И двухъ изъ васъ беру итти за мной;
А прочимъ — ждать меня. Мои слова
Храните вы, какъ тайну завѣщанья,
Пока я вамъ не разрѣшу молчанья.

(Уходитъ въ сопровожденіи двухъ рыцарей.)

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Скажите, за что же теперь намъ приняться,
Пока отъ вражды отдыхаютъ князья?
Чѣмъ дней пустоту мы наполнимъ отнынѣ
И все безконечное время, друзья?
Чего-то искать, и желать, и страшиться
Намъ нужно для каждаго новаго дня,
Чтобъ жизнью вседневно пустой не томиться,
Чтобъ легче намъ бремя нести бытія,
И чтобъ въ круговомъ, непрерывномъ движеньи,
Крутясь, освѣжало насъ жизни теченье.

ОДИНЪ ИЗЪ ХОРА *(Манфредъ)*.

Миръ благодатный! какъ юноша милый,
Онъ отдыхаетъ на брегѣ ручья,
А на лугу золотистомъ играетъ
Рѣзво веселыхъ барашковъ семья;
Онъ заиграетъ — и вторитъ далеко
Звукамъ рожка его эхо горы;
Иль при мерцаньѣ вечерней зари
Дремлетъ онъ мирно подъ говоръ потока. —
Но хороша и почетна война:
Съ нею въ судьбѣ человѣка движенье;
Жизнь въ ней живая! мила мнѣ она

Въ вѣчной тревогѣ, стремленьѣ, пареньѣ,
Гдѣ то взнесетъ, то низринетъ волна!
Въ мирѣ герой изнываетъ душой:
Мужеству гробъ — беззаботный покой.
Только безсильнымъ законъ покровитель:
Бурной тревоги всегдашній смиритель,
Онъ все равняетъ своею рукой.
Но лишь въ борьбѣ проявляется сила;
Все возвышаетъ изъ праха война,
Доблесть и слабымъ даруетъ она.

ВТОРОЙ *(Беренгаръ)*.

Храмы любви не отверсты-ль предъ нами?
Чарамъ красы поклоняется свѣтъ!
Страхъ и надежда владѣютъ сердцами, —
Тотъ здѣсь и царь, кто находитъ привѣтъ!
Да, и любовь доставляетъ движенье
Жизни, скрывая цвѣтовъ помраченье.
Дщерь благодатная пѣны морской
Юности годы чаруетъ красой;
Въ пошлую жизнь повседневныхъ томленій
Вноситъ картины златыхъ сновидѣній.

ТРЕТІЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Веснѣ остается веселье цвѣтовъ;
Того лишь плѣняетъ красы обаянье,
Чьихъ кудрей не тронуло бремя годовъ.
Но зрѣлаго мужа тѣ чужды желанья, —
Иному служить божеству онъ готовъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Манфредъ)*.

За строгой Діаною, чуждые лѣни,
Пойдемъ мы бродить по дремучимъ лѣсамъ,
Гдѣ дебри темнѣе раскинули сѣни,
И бить козероговъ, скача по скаламъ.

Охота есть то же подобіе битвы,
Невѣста веселая бога войны.
Зардѣется утро, и время молитвы
Настанетъ; веселой отваги полны,
При звукахъ роговъ полетимъ мы въ долины,
Покрытыя паромъ, чрезъ горы, стремнины,
И въ свѣжемъ потокѣ воздушной струи
Купаемъ усталые члены свои!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Беренгаръ)*.

Иль ввѣриться намъ беззаботно отнынѣ
Той, вѣчно текущей, лазурной богинѣ,
Которой зеркальнаго лона струи
Радушно насъ манятъ въ объятья свои?
Построить-ли намъ на волнѣ той зыбучей,
Съ веселой надеждой, свой замокъ пловучій?
Кто синее поле пучины морской
Отважно браздитъ корабельной кормой,
Въ союзѣ съ фортуной, онъ міромъ владѣетъ, —
И жатву сбираетъ онъ тамъ, гдѣ не сѣетъ!
Вѣдь море — обширное поле надеждъ:
Въ немъ дивная цѣпь приключеній предъ нами!
Тутъ станетъ мгновенно богачъ бѣднякомъ,
Бѣднякъ такъ же скоро сравнится съ царями.
Какъ вѣтръ, что̀ играя, цвѣтами крушитъ,
Такъ въ морѣ непрочны фортуны даянья,
Лишь только оиа колесо обратитъ:
Тамъ съ бурной волной все волной убѣжитъ;
Тамъ нѣтъ у людей своего достоянья.

ТРЕТІЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Не въ морѣ одномъ, на волнѣ прихотливой,
Превратности счастья намъ видѣть должно:
И здѣсь, на землѣ, отъ вѣковъ утвержденной

На прочныхъ столпахъ, измѣняетъ оно
Свое пребыванье стопой окриленной....
Этотъ миръ внушаетъ опасенья:
Нѣтъ, ему довѣриться нельзя:
Я на лавѣ послѣ изверженья
Не построю для себя жилья!
Глубокò вражда укоренилась,
Злодѣяній много свершено, —
Ни одно изъ нихъ не позабылось,
И во вѣкъ не будетъ прощено.
Не хочу пророчить заключенья,
Но меня предчувствія страшатъ:
Дерзкій шагъ — святыни оскорбленье,
И дѣяній беззаконныхъ рядъ,
И любовь подъ тайной роковою —
Это все къ добру не поведетъ:
Доброе ведетъ прямой стезею;
Злое сѣмя злой приноситъ плодъ!

(Беренгаръ.)

Тутъ сбылось ужасное дѣянье:
Прежній князь, какъ всѣмъ извѣстно намъ,
Надъ отцовскимъ ложемъ поруганье
Совершилъ, жену похитивъ самъ
У отца, — и въ гнѣвѣ справедливомъ
Князь-отецъ надъ ложемъ нечестивымъ
Свой обрушилъ страшной клятвы громъ.
Гнусными, позорными дѣлами
Омраченъ несчастный этотъ домъ!

ХОРЪ *(Каэтанъ).*

Недоброе было ихъ дѣлъ начинанье,
Худой и конецъ имъ узнать суждено:
За каждое злобы безумной дѣянье

Подъ солнцемъ возмездье постигнуть должно.
И это не случай ничтожный, слѣпой,
Что братья терзаютъ другъ друга войною:
Ихъ матери лоно — подъ клятвою злою, —
Чрезъ то разрѣшилось враждой и бѣдой.
Да смолкнетъ же гласъ опасеній и страсти!
Вѣдь мстители-боги творятъ въ тишинѣ;
Оплакивать будемъ бѣды и напасти,
Когда насъ внезапно постигнутъ онѣ.

(Хоръ удаляется.)

Сцена представляетъ садъ; вдали видно море. Изъ галлереи выходитъ

Беатриса.

(Она безпокойно озирается кругомъ; вдругъ останавливается и прислушивается.)

Нѣтъ, то не онъ! то вѣтра тихій стонъ,
Межъ вѣтвей пальмъ мгновенное жужжанье;
Свѣтило дня лобзаетъ небосклонъ;
Меня томятъ боязнь и ожиданье;
Условный часъ свиданья замедленъ....
Какъ страшно это мертвое молчанье!
И тщетно взоръ съ надеждою блуждаетъ....
Мой другъ меня томиться оставляетъ!

Тутъ близъ меня волнуется народъ,
Мнѣ слышится какъ-будто шумъ плотины,
А тамъ, вдали, о берегъ съ ревомъ бьетъ
Сердитая волна морской пучины.

И сердце вдругъ отъ ужаса замретъ:
Средь грознаго величія картины,
Теряюсь я, ничтожной и смущенной,
Какъ въ вихрѣ листъ, грозою унесенный.

Зачѣмъ ушла изъ кельи я моей?
Я тамъ жила безъ горя и страданій!
Тамъ дни мои струились, какъ ручей,
Тамъ никакихъ не знала я желаній.
Вдругъ свѣтъ умчалъ меня волной своей
Въ водоворотъ тяжелыхъ испытаній....
И прежнія расторгла я оковы,
Довѣрившись безумно клятвѣ новой!

Какой совершила
Я шагъ роковой?
Иль разумъ затмило
Мнѣ страстью слѣпой?
Я дѣвъ покрывало
Сама растерзала
Преступной рукой!

Я кельи священной врата растворила!
Иль духъ мой осѣтила адская сила?
Я дерзкому мужу себя допустила
Въ преступное бѣгство увлечь за собой!

О, гдѣ-жъ ты, мой милый?
Зачѣмъ не летишь ты, волшебною силой
Любви возратить мнѣ душевный покой?
Терзаетъ раскаянье духъ мой унылый....
Мнѣ будетъ отрадой свиданье съ тобой.

Могла-ль я не предаться всей душою
Тому, кто самъ меня такъ полюбилъ?

Среди чужихъ я всѣмъ была чужою....
Издавна рокъ завѣсою покрылъ
Мою судьбу; онъ строгою рукою
Родимыхъ ласкъ давно меня лишилъ.
Одинъ лишь разъ я видѣла родную, —
Но какъ мечту видѣнья золотую.

Я возросла въ глуши уединенья,
Гдѣ жизни пылъ смирялся тишиной;
Но вдругъ у вратъ обители спасенья,
Красою богъ, величіемъ — герой,
Явился онъ.... Души моей волненья
Не выразить словами. Онъ чужой
Былъ для меня; но мы слились сердцами,
Какъ-будто вѣкъ такъ было между нами.
О мать моя! невѣдомо драгая!
Прости меня, что въ роковой тотъ мигъ
Свою судьбу поспѣшно избрала я....
Ахъ!.. нѣтъ, не я, рокъ самъ меня постигъ!
Отъ божества не сохранитъ земная
Преграда насъ: къ Персею богъ проникъ;
Куда бъ ни скрылась жертва, убѣгая, —
Завѣтный рокъ ее настигнетъ вмигъ,
И до вершинъ заоблачныхъ Атласа
Домчится къ ней онъ на крылахъ Пегаса.

Теперь очей назадъ не обращу я,
Ужь для меня отчизны болѣ нѣтъ!
Довѣрчиво любви себя вручу я, —
Ахъ, ею лишь прекрасенъ этотъ свѣтъ!
Моя душа чужда теперь желаній,
Мнѣ въ жизни нѣтъ другихъ очарованій!
Не знаю я, и нѣтъ во мнѣ стремленья

Узнать, — кому я жизнію должна,
Когда чрезъ то грозитъ мнѣ разлученье,
О, милый мой, съ тобою!... не нужна
Мнѣ болѣ тайна моего рожденья, —
Я вѣкъ съ нея покрова не сорву;
Я знаю все: я для тебя живу!

(Прислушивается.)

Чу! я слышу голосъ милый!...
Нѣтъ! то эхо стонъ глухой
Иль пучины ревъ унылый
У скалы береговой, —
То не другъ прекрасный мой!
Горе, горе! гдѣ-жъ онъ медлитъ?
Въ душу мнѣ холодный трепетъ
Проникаетъ.... Небосклонъ
Все темнѣетъ! вкругъ меня
Все пустѣетъ! сердце ноетъ
Все сильнѣе!... Гдѣ же онъ?...

(Она безпокойно ходитъ взадъ и впередъ.)

Изъ ограды мирной сада
Я не смѣю ни на шагъ.
Вдругъ объялъ невольный страхъ
Душу мнѣ, когда вступила
Я въ сосѣдній Божій храмъ:
Но невѣдомая сила
Сердцу робкому внушила
Помолиться небесамъ,
Какъ раздался звонъ къ часамъ:
Я влеченью уступила
И колѣна преклонила
Предъ святынею съ мольбой.
Если взоръ меня чужой

Вдругъ замѣтилъ тамъ случайно?
Полонъ злобы этотъ свѣтъ,
И коварство сѣтью тайной
Непорочный губитъ цвѣтъ!
Страшно вспомнить, какъ дерзнула
Я изъ кельи разъ моей
Удалиться, — и сомкнула
Вдругъ меня толпа людей.
Это было въ погребенье
Государя.... Кару я
Понесла бъ за дерзновенье, —
Только Богъ хранилъ меня:
Какъ предсталъ передо мною
Незнакомецъ молодой,
Въ душу мнѣ проникъ стрѣлою
Взоръ блестящій, огневой....
Онъ внушилъ мнѣ содраганье!
И теперь воспоминанье
Страхомъ сердце мнѣ мутитъ!
Съ милымъ другомъ на свиданьи
Той вины моей сознанье
Душу тягостно томитъ!

(Прислушиваясь.)

Чу! слышится голосъ!
Ахъ, это мой другъ!
Теперь не обманутъ
Мечтою мой слухъ!
Все ближе.... слышнѣе....
Скорѣе, скорѣе!
Въ объятья къ нему!

(Она бѣжитъ съ распростертыми объятіями въ глубину сада. Донъ Цезарь выходитъ ей навстрѣчу.)

Донъ Цезарь. Беатриса. Хоръ.

БЕАТРИСА *(отступая съ ужасомъ).*

О горе мнѣ! что вижу я?

(Въ это время входитъ хоръ.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не бойся,
Прелестная! *(Къ хору.)* Оружій вашихъ блескъ
Наводитъ страхъ на дѣву. Отступите
И стойте въ отдаленьи.

(Къ Беатрисѣ.)

Не страшись!
Невинность и краса священны мнѣ.

(Хоръ отступаетъ. Онъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.)

Гдѣ ты была? Скажи, какая сила
Тебя такъ долго отъ меня таила?
Тебя вездѣ искалъ я; день и ночь
Лишь ты была единственною думой
Моей души съ-тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ
Увидѣлъ я тебя на погребеньѣ,
Какъ свѣтлое небесное видѣнье.
И для тебя была не скрыта власть,
Которою меня ты покорила:
Огонь очей, невольное дрожанье
Моей руки въ твоей, и лепетъ устъ —
Открыли все. Инаго мнѣ признанья
Не дозволялъ святыни строгій чинъ.
Служенья гласъ позвалъ меня къ молитвѣ:
Когда-жъ я всталъ съ колѣнопреклоненья, —
Мой первый взоръ къ тебѣ былъ обращенъ,

Но ужь тебя онъ въ храмѣ не нашелъ.
Исчезла ты, но силою волшебной
Съ собой мое ты сердце увлекла.
Съ-тѣхъ-поръ искалъ тебя неутомимо
Въ стѣнахъ дворцовъ, въ преддверіяхъ церквей,
Во всѣхъ мѣстахъ, сокрытыхъ отъ людей:
Гдѣ можетъ лишь невинность появляться,
Разсѣялъ я лазутчиковъ толпу, —
Но не было исканіямъ успѣха;
Пока сегодня наконецъ одинъ
Изъ посланныхъ, руководимый Богомъ,
Здѣсь, въ этомъ храмѣ, отыскалъ тебя.

(При этихъ словахъ Беатриса, стоявшая все время отвернувшись и дрожа, дѣлаетъ движеніе ужаса.)

Такъ ты — моя, и прежде жизни сила
Умретъ во мнѣ, чѣмъ разлучусь съ тобой!
Чтобъ зависть рока счастья не смутила,
Чтобъ удержать мнѣ случай дорогой,
Предъ ними я тебя здѣсь объявляю
Моей женой — порука въ томъ тебѣ
Моя рука и рыцарское слово.

(Онъ представляетъ ее хору.)

И не хочу я узнавать, кто ты:
Съ тобою мнѣ ничтожно все иное.
Твой первый взоръ мнѣ сердце убѣдилъ,
Что ты чиста и родомъ, какъ душою;
Но еслибъ онъ и низокъ даже былъ, —
Ты все должна подругой быть моею:
Я воли ужь на выборъ не имѣю.

Но, чтобъ и ты увѣрена была,
Что высокò поставленъ я судьбою,

Что властенъ я любезную мою
Вознесть къ себѣ могучею рукою, —
Мнѣ стòитъ лишь назвать тебѣ меня:
Донъ Цезарь я, — въ Мессинѣ надо мною
Другаго нѣтъ, кто бъ выше былъ, чѣмъ я.

(Беатриса содрагается. Онъ это замѣчаетъ и продолжаетъ послѣ краткаго молчанія.)

Хвалю твое молчанье и смущенье:
Оно — вѣнецъ всѣхъ прелестей твоихъ;
Удѣлъ красы — стыдливое смиренье,
Ее страшитъ и сила чаръ своихъ.
Теперь тебя оставлю я на время;
Спокой свой духъ смущенный: насъ пугаетъ
Все новое.... и даже счастья лучъ.

(Къ хору.)

А вы теперь воздайте почесть ей,
Приличную невѣстѣ властелина;
Пусть о своемъ величіи узнаетъ
Она отъ васъ! Я скоро возвращусь
Принять ее, достойно насъ обоихъ.

(Уходитъ.)

Беатриса и Хоръ.

ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Дѣвѣ плѣнительной,
Нашей владычицѣ,
Славой увѣнчанной,
Честь и хвала!

Будущей матери
Рода державнаго

Доблестныхъ витязей
Честь и хвала!

(Рожеръ.)

О благо трикратное! —
Съ примѣтами счастія,
Ты входишь, счастливая,
Въ хранимый богами, счастливый чертогъ,
Гдѣ стѣны красуются славы вѣнцами,
И скипетръ златой переходитъ чредою
Отъ доблестныхъ предковъ къ могучимъ сынамъ.

(Богемундъ.)

Приходъ твой желанный
Возрадуетъ древнихъ
Почтенныхъ пенатовъ
Хранителей дома.
Тебя на порогѣ
Привѣтливо встрѣтитъ
Цвѣтущая Геба
Съ Побѣдой златою,
Крылатой богиней,
Которая съ мощной десницы Юпитера
Съ лавромъ и пальмою вѣчно парѝтъ.

(Рожеръ.)

Издàвна сіяютъ
Цвѣтущей красой
Державныя жоны
Мессины родной:
Одна, оставляя
Путь жизни, другой
Въ наслѣдье вручаетъ
И прелести поясъ
И скромности милой покровъ.

Но вида прекраснѣй
Мой взоръ не встрѣчалъ:
Я вижу невѣсты цвѣтущую прелесть,
Когда еще матери цвѣтъ не увялъ.

БЕАТРИСА

(приходитъ въ себя отъ оцѣпененія).

Горе мнѣ! Въ какую власть
Ввержена я такъ жестоко!
Больше всѣхъ гоненій рока
Эта мнѣ страшна напасть!
Ахъ, теперь понятенъ сталъ
Мнѣ тотъ ужасъ сокровенный,
Что всегда меня смущалъ,
Если кто мнѣ называлъ
Этотъ злобой распаленный,
Ненавистный, страшный родъ,
Гдѣ, враждою ослѣпленный,
Братъ на брата возстаетъ!
Звѣрской злобѣ ихъ, бывало,
Съ содраганьемъ я внимала, —
А теперь въ водоворотъ
Ихъ вражды неукротимой
Ввергнулъ рокъ неумолимый
Беззащитную меня!

(Она убѣгаетъ въ павильонъ.)

ХОРЪ *(Бѣгемундъ).*

Завидую долѣ любимца боговъ всемогущихъ,
Счастливаго властью земной!
Ему достается все лучшее въ мірѣ,
И онъ со всего, что плѣняетъ красою,
Что смертные цѣнятъ высокой цѣною,
Срываетъ цвѣтокъ дорогой.

(Рожеръ.)

Изъ перловъ, добытыхъ тяжелымъ трудомъ водолаза,
Чистѣйшій беретъ онъ себѣ.
Ему добровольно мы все уступаемъ,
Что въ потѣ лица добывается нами.
По жребію-ль дѣлятся доли рабами, —
Всѣхъ лучшая доля ему.

(Богемундъ.)

Но есть у него еще высшее благо земное, —
Онъ мощный во всемъ властелинъ, —
Въ одномъ лишь ему позавидовать можно:
Счастливецъ, онъ цвѣтъ нашихъ дѣвъ избираетъ,
Котораго прелесть сердца восхищаетъ:
Онъ имъ обладаетъ одинъ!

(Рожеръ.)

Съ оружьемъ корсары на берегъ морской нападаютъ
Внезапно ночною порой;
И женъ, и мужей увлекаютъ въ неволю,
И алчность свою грабежемъ насыщаютъ;
Но лучшей коснуться красы не дерзаютъ:
Ея обладатель — король.

(Богемундъ.)

Но время подумать о долгѣ: пойдемте, у входа
Завѣтный порогъ сторожить,
Чтобы взоръ любопытный не смѣлъ дерзновенно
Проникнуть въ обитель тайны священной,
Чтобъ насъ похвалилъ повелитель народа,
Намъ давшій залогъ свой хранить.

(Хоръ удаляется въ глубину сцены.)

Комната во дворцѣ.

ДОННА ИЗАБЕЛЛА *стоитъ между* ДОНОМЪ МАНУИЛОМЪ И ДОНОМЪ ЦЕЗАРЕМЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ наконецъ насталъ отрадный день,
Торжественный, давно желанный мною:
Сердца дѣтей въ союзѣ вижу я
И руки ихъ легко соединяю,
И въ первый разъ въ довѣрчивомъ кругу
Мать радостно открыть имъ сердце можетъ.
Межъ нами нѣтъ воинственной толпы,
Готовой въ бой вступить ежеминутно,
И звонъ мечей мнѣ слуха не страшитъ.
Какъ стая совъ, таинственныхъ жильцовъ
Заброшенныхъ развалинъ, гдѣ она
Гнѣздилася издàвна, черной тучей
Взлетѣвъ, несется, помрачая день,
Когда придетъ ихъ прежній обитатель,
И, новое строенье воздвигая,
Веселымъ стукомъ возмутитъ покой:
Такъ ненависть со всей своей толпой —
Съ коварною враждою, съ подозрѣньемъ
Неистовымъ и съ завистію блѣдной
Изъ этихъ стѣнъ летитъ, стекая, въ адъ,
И съ миромъ къ намъ вступаетъ, улыбаясь,
Довѣрчивость и милое согласье.

(Послѣ краткаго молчанія.)

Но этотъ день вдвойнѣ вамъ благодатенъ:
Онъ, каждому изъ васъ даруя брата,

Въ объятья къ вамъ ведетъ еще сестру.
Вы съ удивленьемъ смотрите на мать?
Такъ, милые, теперь настало время
Нарушить мнѣ завѣтное молчанье
И снять печать съ давно хранимой тайны
Узнайте же — и дочь есть у меня;
У васъ еще есть младшая сестра, —
И вы ее обнимете сегодня.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Возможно-ли? у насъ жива сестра,
И никогда о ней мы не слыхали!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Да, помню, — въ годы дѣтства золотые
Мы знали, что у насъ была сестра;
Но былъ и слухъ, что смерть ее у насъ
Похитила еще отъ колыбели.

ИЗАБЕЛЛА.

То ложный слухъ, — она жива.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Жива?
И ты отъ насъ таила это!

ИЗАБЕЛЛА.

Я
Отдамъ отчетъ въ молчаніи моемъ.
Послушайте, какой отрадный плодъ
Созрѣлъ теперь, посѣянный издавна.
Еще вы были дѣти, но сердца
Вамъ горькая вражда разъединяла
И наши дни тоскою омрачала.
О, еслибъ ей не возвратиться вновь!
Тогда однажды вашему отцу
Приснился сонъ таинственно чудесный:

Онъ увидалъ, что выросли два лавра
Отъ ложа брачнаго его, и густо
Переплелись вѣтвями, а межъ нихъ
Вдругъ лилія роскошно расцвѣла
И стала пламенемъ; оно мгновенно,
Густыя вѣтви лавровъ охвативъ,
Столбомъ взвилось, и, яростно бушуя,
Въ единый мигъ весь поглотило домъ.

Испуганный танственнымъ видѣньемъ,
Просилъ отецъ Араба-астролога,
Которому былъ преданъ всей душой
И вѣрилъ, какъ оракулу, чтобъ онъ
Значенье сна ему истолковалъ.
И онъ сказалъ ему, что у меня
Родится дочь, что умертвитъ она
Его сыновъ обоихъ, и погибнетъ
Черезъ нее весь родъ его. И вскорѣ
Я разрѣшилась дочерью. Тогда
Отдалъ отецъ жестокое велѣнье —
Малютку въ морѣ утопить; но я
Разрушила кровавый приговоръ,
И дочь свою отъ смерти неизбѣжной
Спасла усердьемъ вѣрнаго слуги.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

Благословенъ да будетъ твой помощникъ!
О, какъ разумна матери любовь!

ИЗАБЕЛЛА.

Но не одной любви могучій голосъ
Спасти малютку побудилъ меня:
И мнѣ, когда носила я подъ сердцемъ
Мое дитя, приснился вѣщій сонъ.

Мнѣ видѣлось: въ травѣ дитя играетъ,
Прелестное, какъ божество любви;
Вдругъ изъ лѣсу, неся въ кровавой пасти
Свою добычу, вышелъ левъ, и съ лаской
Сложилъ ее у ногъ малютки той;
А съ высоты, съ трепещущею ланью
Въ когтяхъ, слетѣлъ орелъ и положилъ
Привѣтливо ее у ногъ малютки,
И оба — и орелъ, и левъ — потомъ
Смиренно тутъ же улеглись четою.
Мнѣ этотъ сонъ истолковалъ монахъ,
Богоугодный мужъ, дававшій мнѣ
Въ земныхъ бѣдахъ совѣтъ и утѣшенье.
Онъ мнѣ сказалъ, что у меня родится
Дочь, и сердца̀ враждующихъ сыновъ
Соединитъ горячею любовью.
Его слова въ душѣ я сохранила:
Довѣрившись охотнѣй гласу правды,
Чѣмъ гласу лжи, спасла я дочь, небесъ
Завѣтный даръ, залогъ моей надежды,
Долженствовавшій быть орудьемъ мира,
Когда вражда межъ вами возрастетъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(обнимая брата)*.

Мы безъ сестры въ союзъ любви вступили;
Но пусть она скрѣпитъ его сильнѣй.

ИЗАБЕЛЛА.

Сокрывъ ее въ обители пустынной,
Далеко отъ себя, я поручила
Ее чужимъ; себѣ же отказала
Я даже въ радости — взглянуть порой
На милыя черты моей желанной, —
Меня страшилъ родитель строгій вашъ:

Онъ, мучимый тревожнымъ подозрѣньемъ
Мои шаги повсюду наблюдалъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но ужь прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ,
Какъ онъ сокрытъ могилой, — что-жъ мѣшало
Тебѣ извлечь ее изъ заточенья,
На радость намъ, себѣ на утѣшенье?

ИЗАБЕЛЛА.

Что-жъ, какъ не вашъ губительный раздоръ,
Который снова запылалъ у гроба
Почившаго отца, и не давалъ
Ни времени, ни мѣста примиренью?
Могла-ли я представить вамъ сестру
Среди мечей, на брани обнаженныхъ?
Могли-ли вы среди такой грозы
Услышать голосъ матери молящей?
Какъ было мнѣ залогъ безцѣнный мира,
Моихъ надеждъ святой, послѣдній якорь,
Слѣпой враждѣ безвременно отдать?
Нѣтъ, прежде вамъ сойтись долженствовало,
Какъ братьямъ, чтобъ потомъ могла сестра
Межъ вами стать, какъ свѣтлый Ангелъ мира:
Теперь могу я вамъ ее вручить.
Ужь мною къ ней служитель посланъ вѣрный, —
Я жду его возврата каждый часъ, —
Онъ дочь мою изъ тихаго пріюта,
Сюда назадъ къ ея родимой груди
И въ братскія объятья приведетъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

И не одну ее сегодня ты
Прижмешь съ любовью къ материнской груди
Во всѣ врата сюда стремится радость;

И, ставъ жилищемъ прелести цвѣтущей,
Вновь оживится опустѣлый домъ.
Теперь и я тебѣ открою тайну:
Ты мнѣ даешь сестру, — я за нее
Даю тебѣ другую дочь. О мать!
Благослови меня! я сдѣлалъ выборъ,
Я отыскалъ себѣ подругу жизни;
И прежде чѣмъ угаснетъ этотъ день,
Къ твоимъ стопамъ я приведу супругу.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, я приму ее въ свои объятья,
Коль счастье въ ней нашелъ мой первенецъ;
Да процвѣтетъ отнынѣ благодатью
Путь жизни ей! всѣхъ радостей вѣнецъ
Тебѣ, мой сынъ, да будетъ награжденьеяъ,
Что мать даришь ты высшимъ наслажденьемъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не расточай своихъ благословеній
Лишь первому, рожденному тобой!
Когда любовь даетъ благословенье, —
То я тебѣ готовъ представить дочь,
Достойную имѣть такую мать,
Согрѣвшую мнѣ грудь любовью новой.
Такъ, прежде чѣмъ угаснетъ день, къ тебѣ
Донъ Цезарь приведетъ свою супругу.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Всесильняя любовь! не даромъ отъ людей
Дано тебѣ царицы душъ названье!
Стихіи всѣ подъ властію твоей,
Враждебному даешь ты сочетанье;
Все признаетъ величіе твое,

И брата духъ суровый, надъ собою
Не знавшій власти, побѣжденъ тобою!

(Обнимаетъ брата.)

Теперь тебѣ я вѣрю, и съ надеждой
Прижму тебя къ моей груди; во мнѣ
Сомнѣнья нѣтъ, — и ты любить умѣешь.

ИЗАБЕЛЛА.

Благословенъ мнѣ трижды этотъ день,
Который вдругъ заботъ тревожныхъ бремя
Сложилъ съ моей груди отягощенной!
Теперь мой родъ на твердомъ основаньѣ:
Теперь могу спокойно и довольно
Въ далекое грядущее глядѣть.
Еще вчера подъ покрываломъ скорби,
Всѣмъ чуждою, бездѣтною вдовой,
Ходила я по заламъ опустѣлымъ,
А нынче — въ блескѣ юности со мной
Три дочери цвѣтущія пойдутъ.
Найдется-ли изъ матерей другая,
Мнѣ равная въ блаженствѣ, на землѣ?
Но какъ-же я во всей странѣ окружной
Властителя не знаю, у кого бы
Цвѣли невѣсты дочери? Могли-ль
Вы сдѣлать выборъ, недостойный васъ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Лишь нынче, мать, не заставляй меня
Съ блаженства моего поднять завѣсу.
Настанетъ день, который все откроетъ.
Пусть все тебѣ повѣдаетъ невѣста;
Но вѣрь, что ты найдешь ее достойной.

ИЗАБЕЛЛА.

Весь духъ и нравъ особенный отца

Я вижу въ старшемъ сынѣ. Такъ и онъ
Любилъ всегда упорно, недоступно
Таить въ себѣ всѣ замыслы души!
На краткій срокъ охотно уступаю.
Но я увѣрена, что сынъ мой, Цезарь,
Дочь короля теперь мнѣ назоветъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я не люблю таиться; я не скрытенъ;
Передъ тобой, о мать, мои всѣ чувства
Свободны и открыты, какъ чело.
Но отвѣчать на твой вопросъ, повѣрь,
Я не умѣю, не могу теперь.
Я самъ себя не спрашивалъ про это.
Кто-жъ будетъ вопрошать, откуда къ намъ
Струится свыше лучъ небесный свѣта,
Которымъ міръ предъ нами озаренъ?
Свѣтъ говоритъ: отъ свѣта льется онъ.
Такъ въ очи ей прелестныя взирая,
Я въ глубину души ея глядѣлъ;
Жемчужину, по блеску узнавая,
Объ имени спросить я не хотѣлъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Но какъ же это, сынъ мой? объяснись!
Ты первому послѣдовалъ влеченью,
Довѣрчиво, какъ голосу небесъ.
Я юности порыва ожидаю,
Но не поступка дѣтскаго. Скажи, —
Что выборъ твой руководило?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Выборъ?
Не выборъ то, когда рука судьбы
Таинственно постигнетъ человѣка.

Нѣтъ, не искать невѣсты вышелъ я,
Такая мысль ужь вѣрно не могла
Въ душѣ моей родиться въ домѣ смерти:
Я тамъ нашелъ, чего и не искалъ.
Донынѣ равнодушно и съ презрѣньемъ
На родъ болтливый женщинъ я взиралъ:
Я не видалъ другой, тебѣ подобной,
Которую я чтилъ, какъ божество.
То было въ день печальный погребенья;
Въ толпѣ народа, какъ тебѣ извѣстно,
Переодѣтые присутствовали мы:
Такъ намъ разумно повелѣла ты,
Чтобъ мы вражды внезапно дикимъ взрывомъ
Не прервали торжественность молитвъ.
Подъ черной тканью были стѣны храма,
И двадцать геніевъ вкругъ алтаря
Съ горящими свѣчами предстояли,
И черный гробъ предъ ними возвышался
Съ серебрянымъ крестомъ на пеленѣ.
На немъ лежали жезлъ отца державный,
Корона царская, златыя шпоры
И мечъ его съ алмазнымъ украшеньемъ.
И все кругомъ припало ницъ съ моленьемъ
Когда-жъ невидимо съ высокихъ хоръ
Раздался вдругъ органа звукъ унылый,
И слился съ нимъ стогласый пѣвчихъ клиръ,
И медленно, со всѣмъ своимъ подножьемъ,
Спустился гробъ въ подземный темный міръ:
Одинъ покровъ, широко распростертый,
Могильное отверстіе закрылъ,
А на землѣ, не слѣдуя за прахомъ,
Земныя лишь остались украшенья:

Тогда на крыльяхъ серафимскихъ хора
Свободный духъ умчался въ горній міръ,
Ища небесъ и лона милосердья.
Все это, мать, я въ памяти твоей
Въ подробности затѣмъ возобновляю,
Чтобъ видѣть ты могла, что въ этотъ часъ
Я былъ далекъ отъ всѣхъ земныхъ желаній.
И въ этотъ мигъ, торжественный и мрачный,
Угодно было року озарить
Лучемъ любви неопытное сердце;
Но какъ? — себя не могъ я допросить..

ИЗАБЕЛЛА.

Но доскажи, — дай все вполнѣ узнать!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Откуда, какъ она передо мною
Явилась вдругъ, — не спрашивай. Когда
Я поднялъ взоръ, она стояла подлѣ
Меня, и вмигъ таинственное чувство
Проникло мнѣ могущественно въ грудь.
Не чарами плѣнительной улыбки,
Не прелестью блистающей ланитъ,
Не красоты божественной сіяньемъ
Былъ я плѣненъ; о нѣтъ! вся жизнь ея,
Глубокая, объяла вдругъ меня
Таинственнымъ, могучимъ обаяньемъ!
Какъ-будто бы какимъ очарованьемъ
Въ насъ сочетались души, безъ рѣчей,
Когда съ моимъ слилось ея дыханье;
Я былъ ей чуждъ, но сердцемъ преданъ ей
И тайный духъ повѣдалъ мнѣ, вѣщая:
«Она твоя, или — никто иная!»

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(съ жаромъ).*

Такъ! вотъ святой любви небесный свѣтъ!
Онъ, грудь пронзивъ, ее воспламеняетъ,
Когда родной родное обрѣтаетъ:
Ни выбора тогда, ни власти нѣтъ;
Какъ разорвать, что небо съединяетъ?
Нѣтъ, братъ мой правъ, и я его хвалю, —
Онъ разсказалъ въ своей судьбу мою.
Онъ снялъ съ того же чувства покрывало,
Что̀ и меня такъ смутно оживляло.

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, вижу я, что тайными путями
Сама судьба ведетъ моихъ дѣтей!
Съ горы бѣжитъ потокъ свирѣпый, ложе
Себѣ взрывая самъ; онъ проложилъ
Свой путь, презрѣвъ размѣренной стезею,
Которую ему устроилъ разумъ.
Такъ покорюсь — противиться нѣтъ силъ —
Святой рукѣ боговъ: она мой домъ
Ведетъ своимъ невѣдомымъ путемъ.
Сердца дѣтей — надеждъ моихъ залогъ:
Въ нихъ духъ, какъ родъ ихъ доблестный, высокъ.

Изабелла. Донъ Мануилъ. Донъ Цезарь. Діего (*показывается въ дверяхъ.*)

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ, вотъ пришелъ и вѣрный мой служитель!
Сюда, ко мнѣ, мой преданный Діего!
Гдѣ дочь моя? Имъ все извѣстно. Тайны
Межъ нами нѣтъ. Гдѣ, гдѣ она? Скажи!

Ахъ, не скрывай ея! Сердца готовы
Услышать высшей радости слова.

(Она хочетъ идти къ двери.)

Но что съ тобой? ты медлишь? ты молчишь?
Твой мрачный взоръ недоброе вѣщаетъ!
Что съ нею? говори! я вся дрожу....
Гдѣ дочь? гдѣ Беатриса? *(Хочетъ идти.)*

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(про себя, пораженный).*

Беатриса!

ДІЕГО *(удерживая ее).*

Остановись!

ИЗАБЕЛЛА.

Но гдѣ-жъ она? Тоска
Меня терзаетъ.

ДІЕГО.

Нѣтъ ея со мной.
Я дочери твоей не возвращаю.

ИЗАБЕЛЛА.

Что съ нею? ради Неба, говори!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Несчастный! отвѣчай же, — гдѣ сестра?

ДІЕГО.

Похищена! украдена корсаромъ!
О, для чего я этотъ день увидѣлъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О, мать! спокойся!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Успокойся, мать!
Сбери всѣ силы выслушать его!

ДІЕГО.

По твоему, мнѣ данному велѣнью,
Я поспѣшилъ знакомою дорогой

Въ послѣдній разъ къ монастырю. Туда
Я радостно летѣлъ, какъ на крылахъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Скорѣе!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Говори!

ДІЕГО.

И вотъ вхожу я
Во дворъ монастыря, столь мнѣ знакомый,
Спѣшу спросить о дочери твоей,
Но вижу страхъ на лицахъ и во взорахъ,
И съ трепетомъ ужасное узналъ.

(Изабелла, блѣдная и дрожащая, упадаетъ въ кресла. Донъ Мануилъ подаетъ ей помощь.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ты говоришь, что Маврами она
Похищена? Кто-жъ этому свидѣтель?

ДІЕГО.

Тамъ видѣли разбойничій корабль
На якорѣ, по близости, въ заливѣ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Во время бури многія суда
Спасаются въ заливѣ. Гдѣ-жъ корабль?

ДІЕГО.

Сегодня рано, съ утреннимъ приливомъ,
Ушелъ онъ вдаль на полныхъ парусахъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но о другихъ не слышно похищеньяхъ?
Одной такой добычи мало имъ.

ДІЕГО.

Они съ собою увели и стадо,
Которое паслось на берегу.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но какъ могли изъ стѣнъ монастыря
Въ немъ тщательно хранимое похитить?

ДІЕГО.

Проникнуть имъ туда не трудно было
По лѣстницѣ черезъ ограду сада.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но въ кельи какъ могли они пробраться?
Надежный глазъ тамъ инокинь хранитъ.

ДІЕГО.

Она была не связана обѣтомъ,
И потому могла гулять свободно.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Теперь скажи мнѣ, — этою свободой
Пріятно-ль было пользоваться ей?

ДІЕГО.

Она любила глушь нѣмую сада;
Но нынче лишь оттуда не пришла.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(послѣ краткаго размышленія).

Она была доступна похищенью,
Такъ и сама легко могла бѣжать.

ИЗАБЕЛЛА *(вставъ).*

Насилье это! дерзостный разбой!
Нѣтъ! дочь моя не позабудетъ долга,
Не убѣжитъ по склонности сама!
Донъ Мануилъ! Донъ Цезарь! я сестру
Вамъ даровать хотѣла; но теперь
Ее отъ васъ могу лишь получить.
О милые! возстаньте въ полной силѣ!
Ужели вы оставите спокойно
Свою сестру разбойнику въ добычу?

Къ оружію! садитесь на суда!
Прибрежныя всѣ страны осмотрите!
По всѣмъ странамъ преслѣдуйте корсара!
Скорѣе, въ путь! сестру свою спасите!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Прощай! спѣшу на поискъ, на отмщенье!

(Онъ уходитъ. Донъ Мануилъ, пробудясь отъ глубокой задумчивости, безпокойно обращается къ Діего.)

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Какъ ты сказалъ, когда она пропала?

ДІЕГО.

Лишь нынѣ утромъ не нашли ея.

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(къ Изабеллѣ).*

И Беатрисой дочь твою зовутъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Да, такъ. Но ахъ! не спрашивай! спѣши!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Еще одно, о мать, повѣдай мнѣ....

ИЗАБЕЛЛА.

Скорѣй, скорѣй! примѣру брата слѣдуй!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Но, ради Неба! гдѣ была она?...

ИЗАБЕЛЛА *(побуждая его идти).*

Ты видишь-ли тоску мою и слезы?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Но гдѣ-жъ была она тобою скрыта?

ИЗАБЕЛЛА.

Гдѣ лучше скрыть могила не могла бы....

ДІЕГО.

Ахъ! душу мнѣ внезапный страхъ смутилъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Какой? скажи! открой, что знаешь ты.

ДІЕГО.

Быть можетъ, я — виновникъ похищенья.

ИЗАБЕЛЛА.

О, говори, несчастный! что случилось?

ДІЕГО.

Еще одно я утаилъ, царица,
Щадя твое заботливое сердце.
Въ тотъ день, когда монарха хоронили,
И весь народъ, влекомый любопытствомъ,
Къ печальному стекался торжеству, —
Молва о томъ проникнула и въ стѣны
Монастыря, и дочь твоя тогда
Пришла ко мнѣ съ мольбою неотступной —
Дозволить ей взглянуть на погребенье.
И я, несчастный, тронулся мольбой!
Она одѣлась въ траурное платье
И такъ стояла въ храмѣ межь другихъ.
Но я боюсь, что, можетъ быть, въ толпѣ,
Которая стеклась туда отвсюду,
Взоръ хищника ее замѣтить могъ:
Ея красы не скроетъ и покровъ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(про себя, спокойно)*.

Его слова мнѣ облегчили сердце!
Теперь я убѣжденъ: то не она.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ предалъ ты меня, старикъ безумный!

ДІЕГО.

Я думалъ сдѣлать доброе, царица!
Я полагалъ, что слышу въ томъ желаньи
Самой природы голосъ, силу крови:
Я видѣлъ въ томъ святую волю Неба,
Которое таинственно ко гробу

Родителя манило дочь его!
Я допустилъ исполнить долгъ священный,
И съ цѣлью доброю — содѣлалъ зло!

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(про себя)*.

Къ чему стою я въ страхѣ и сомнѣньи?
Пойду скорѣй свѣтъ истины открыть.

(Хочетъ идти.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(возвратясь)*.

Братъ, подожди! я за тобою вслѣдъ....

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Нѣтъ! не хочу! никто за мной не слѣдуй!

(Уходитъ.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Скажи мнѣ, мать, что сдѣлалося съ братомъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Не знаю, не могу его понять.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ты видишь, мать, я снова возвратился.
Я позабылъ, волненьемъ увлеченный,
Спросить тебя о признакахъ, по коимъ
Свою сестру я могъ бы отличить.
Какъ слѣдъ ея найду, когда не знаю,
Откуда, гдѣ она похищена?
Въ какомъ монастырѣ она жила?

ИЗАБЕЛЛА.

Онъ посвященъ Цециліи святой,
И тамъ стоитъ, среди лѣсистыхъ горъ,
Уступами до Этны восходящихъ,
Сокрытый, какъ обитель душъ нѣмая.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Спокойна будь! довѣрься сыновьямъ!
Я приведу къ тебѣ сестру, хотя бы

Пришлось ее искать по всѣмъ морямъ.
Еще одно, о мать, меня тревожитъ:
Невѣсту я оставилъ у чужихъ.
Хочу тебѣ драгой залогъ я ввѣрить, —
Пришлю сюда, и ты ее увидишь;
Ея любовь и нѣжныя лобзанья
Да усладятъ души твоей страданья!

(Уходитъ.)

ИЗАБЕЛЛА.

Когда спадетъ проклятье роковое,
Которое надъ домомъ симъ лежитъ?
Какой же духъ коварный, надо мною
Смѣясь, мои надежды всѣ мутитъ?
Ужь я была у пристани надежной,
И счастію довѣрилась вполнѣ,
Какъ-будто смолкъ и голосъ бурь тревожный,
И видѣлся завѣтный берегъ мнѣ,
Безоблачнымъ закатомъ озаренный....
Но буря вновь подкралась въ тишинѣ:
Я вновь въ борьбѣ съ волною раздраженной!

(Она уходитъ во внутреннія комнаты. Діего слѣдуетъ за нею.)

Сцена представляетъ садъ.

Оба хора. *Потомъ* Беатриса.

(Хоръ Дона Мануила идетъ въ праздничныхъ одеждахъ, украшенный вѣнками, неся брачные подарки. Хоръ Дона Цезаря хочетъ заградить ему входъ.)

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Зачѣмъ ты здѣсь? дай мѣсто мнѣ скорѣе!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Уйду, когда велитъ мнѣ, кто сильнѣе.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Ты видишь самъ, — ты въ тягость мнѣ теперь.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Я остаюсь тебѣ на зло, — повѣрь!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Я мѣсто здѣсь свое занять желаю.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Я не пущу, — я здѣсь повелѣваю.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Донъ Мануилъ сюда меня послалъ.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Мой властелинъ мнѣ быть тутъ приказалъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Но младшій старшаго подвластенъ волѣ.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Кто первый сталъ, тотъ мѣстомъ и владѣй.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Прочь, ненавистный! мнѣ очисти поле!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Нѣтъ, мы рѣшимъ то силою мечей.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Иль вѣкъ тебя встрѣчать вездѣ я стану?

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Гдѣ захочу, — вездѣ тебѣ предстану.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Что здѣсь тебѣ стеречь и наблюдать?

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Что здѣсь тебѣ вопросы мнѣ давать?

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Не для отчета я передъ тобою.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

А я тебя и словъ не удостою.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

О юноша! смирись предъ сѣдиной.

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Я въ храбрости поспорю и съ тобой.

БЕАТРИСА *(вбѣгая)*.

О, Небо! что за дикая ватага!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Не устрашитъ меня твоя отвага!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Мой властелинъ славнѣе твоего.

БЕАТРИСА.

Ахъ, если онъ теперь придетъ! о горе!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Ты лжешь! во всемъ мой превзошелъ его!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Мой пожиналъ побѣды въ каждомъ спорѣ.

БЕАТРИСА.

Ахъ, онъ теперь придетъ, — то часъ его!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Когда бъ не миръ, тебя бъ я наказалъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

О нѣтъ! не миръ, но страхъ тебя сковалъ!

БЕАТРИСА.

Ахъ, если бъ былъ теперь далеко онъ!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

О, не тебя страшусь я, но закона!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

И хорошо: онъ слабыхъ оборона.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Начни! — я дамъ отпоръ!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Мой мечъ ужь обнаженъ!

БЕАТРИСА *(въ сильномъ смятеніи)*.

Мечи блестятъ! они хотятъ сразиться!
О сила Неба! удержи его!
Пошли ему преграды на дорогѣ,
Тенетами, сѣтями спутай ноги,
Чтобъ сладкій часъ свиданья своего
Онъ пропустилъ! Забудь мои моленья,
О Небо! мнѣ его не возвращай,
Его шаговъ сюда не направляй!

(Она убѣгаетъ. Въ ту минуту, когда оба хора нападаютъ другъ на друга, является Донъ Мануилъ.)

Донъ Мануилъ. Хоръ.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Что это? стой!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(второму)*.

Впередъ! ну, нападай!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

Руби его! впередъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ

(бросаясь между ними съ обнаженнымъ мечемъ).

Остановитесь!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ).*

То князь!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Беренгаръ).*

То княжій братъ! смиримся, други!

ДОНЪ МАНУИЛЪ

Я мертвымъ положу того на мѣстѣ,
Кто взглядомъ лишь однимъ посмѣетъ вновь
Грозить врагу и затѣвать раздоръ!
Въ умѣ-ли вы? какой враждебный демонъ
Васъ подстрекнулъ возжечь угасшій пламень,
Когда князья, въ согласіи святомъ,
Конецъ враждѣ на-вѣки положили?
Кто начиналъ? Я знать хочу. Скажите!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ, Беренгаръ).*

Они стояли тутъ....

ВТОРОЙ ХОРЪ

(Рожеръ, Богемундъ перерывая).

Они пришли....

ДОНЪ МАНУИЛЪ *(первому хору).*

Ты говори!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ).*

Мы съ брачными дарами
По твоему велѣнью шли сюда.
Для торжества надѣвши украшенья,
Нисколько мы не думали о битвѣ;
Но мирно шли сюда безъ подозрѣнья,
Довѣрясь заключенному союзу:
Какъ вдругъ они, заранѣ путь занявъ,
Намъ входъ сюда враждебно преградили.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Безумцы! или нѣтъ нигдѣ угла,
Свободнаго отъ вашей дикой злобы,
Что мирное невинности жилище
Дерзнули вы раздоромъ возмутить?

(Ко второму хору.)

Назадъ! здѣсь тайны есть, которыхъ ваше
Присутствіе не смѣетъ нарушать.

(Хоръ медлитъ.)

Назадъ! вашъ князь повелѣваетъ вамъ
Черезъ меня: въ насъ духъ одинъ и сердце;
Мое велѣнье есть — его. Идите!

(Къ первому хору.)

Останьтесь тутъ и охраняйте входъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Что предпринять? Князья въ союзѣ мирномъ;
А бросившись въ раздоръ державныхъ главъ,
Незваные, съ напрасной заботой,
Мы не въ почетъ, въ опалу попадемъ,
Когда враждой властитель утомится,
На слугъ своихъ, его покорныхъ волѣ,
Наброситъ онъ окровавленный плащъ
Своей вины, и чистъ предстанетъ самъ.
Такъ пусть князья считаются, какъ знаютъ, —
Я думаю — смириться лучше намъ.

(Второй хоръ удаляется, между тѣмъ какъ первый становится въ глубинѣ сцены. Въ это время выбѣгаетъ Беатриса и бросается въ объятія Дона Мануила.)

Беатриса. Донъ Мануилъ.

БЕАТРИСА.

Ахъ, это ты! Ты мой опять! — Жестокій!
Какъ долго ты страдать меня заставилъ,
Предавъ меня всѣмъ ужасамъ на жертву!
Но все теперь забыто! Ты со мной!
Ты мой опять — въ твоихъ объятьяхъ, милый,
Отъ всякихъ бѣдъ защиту я найду.
Они ушли! бѣжимъ теперь отсюда!
Бѣжимъ! минутъ не надо намъ терять!

(Она хочетъ увлечь его, но вглядѣвшись въ него пристальнѣе, продолжаетъ):

Но что съ тобою? Ты меня встрѣчаешь
Съ такимъ сурово-таинственнымъ видомъ.
Зачѣмъ ты рвешься изъ моихъ объятій,
Какъ-будто хочешь здѣсь меня покинуть?
Не узнаю тебя, — ты-ль Мануилъ?
Ты-ль мой супругъ? мой милый?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Беатриса!

БЕАТРИСА.

Нѣтъ, нѣтъ, молчи! не время говорить!
Бѣжимъ! скорѣй, намъ дороги минуты.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Постой! скажи мнѣ....

БЕАТРИСА.

О, бѣжимъ, пока
Та дикая толпа не возвратилась.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Останься! намъ она не повредитъ.

БЕАТРИСА.

О, ты не знаешь ихъ. Бѣжимъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Чего-жъ
Тебѣ страшиться подъ моей защитой?

БЕАТРИСА.

Ахъ, нѣтъ! повѣрь мнѣ, — сильны эти люди!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Такъ, милая; но не сильнѣй меня.

БЕАТРИСА.

Тебя? одинъ противъ ватаги цѣлой?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Одинъ! тѣ люди, страшные тебѣ....

БЕАТРИСА.

Но знаешь-ли, кому они подвластны?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Мнѣ одному, — я повелитель ихъ.

БЕАТРИСА.

Тебѣ? такъ ты.... мнѣ ужасъ обнялъ душу!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Узнай меня теперь, о Беатриса!
Я былъ не то, чѣмъ я тебѣ казался,
Не рыцарь я, безвѣстный въ свѣтѣ, бѣдный,
Который лишь любви твоей искалъ.
Я знатную породу, санъ высокій
И власть мою — все отъ тебя скрывалъ.

БЕАТРИСА.

Не Донъ-ли Мануилъ? о горе! Кто ты?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Да, я — Донъ Мануилъ, и нѣтъ другаго
Здѣсь въ городѣ, кто-бъ выше былъ меня:
Донъ Мануилъ я — властелинъ Мессины.

БЕАТРИСА.

Такъ ты.... Донъ Мануилъ, братъ Цезаря?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Да, онъ мнѣ братъ.

БЕАТРИСА.

Донъ Цезарь братъ тебѣ?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Какъ? ты дрожишь? тебѣ знакомъ Донъ Цезарь?
Иль кто еще изъ рода моего?

БЕАТРИСА.

Такъ ты — Донъ Мануилъ, который съ братомъ
Живетъ въ такой враждѣ непримиримой?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Мы примирились нынче лишь, и стали
Съ нимъ братьями не только по рожденью,
Но и по сердцу.

БЕАТРИСА.

Какъ? вы примирились!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Скажи мнѣ, что̀ тебя такъ возмущаетъ?
Иль домъ ты знаешь мой не по названью
Лишь одному? Иль тайну отъ меня
Скрываешь ты? Все-ль, все-ль ты мнѣ открыла?

БЕАТРИСА.

Какая мысль! что-жъ я могла таить?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Ты ничего о матери своей
Не говорила. Кто она? Ее
Узнала-ли бы ты, когда бы я
Тебѣ ее изобразилъ, представилъ?

БЕАТРИСА.

Ее ты знаешь? — знаешь, и таился!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О, горе намъ обоимъ, если знаю!

БЕАТРИСА.

Какъ солнца свѣтъ ея отраденъ взоръ!
Мнѣ видится она; воспоминанье
Вновь ожило; ея небесный образъ
Изъ глубины души явился мнѣ.
Я вижу, — кольца черныя волосъ
Изгибъ прелестной шеи оттѣняютъ;
Мнѣ видится ея высокій лобъ,
Ея глаза большіе съ томнымъ блескомъ;
Мнѣ слышится ея отрадный голосъ,
Исполненный души....

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О, горе мнѣ!
Ее ты мнѣ изобразила!

БЕАТРИСА.

Ахъ!
И я бѣжала отъ нея! и я
Могла ее покинуть, можетъ быть,
Въ тотъ самый день, который навсегда
Соединилъ бы насъ! Ахъ, для тебя
Отъ матери я даже отреклась!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Ты мать найдешь — въ мессинской королевѣ.
Мы къ ней теперь идемъ, въ ея объятья.

БЕАТРИСА.

Какъ? къ матери Донъ Цезаря? къ твоей?
Чтобъ я пошла? Нѣтъ! ни за что на свѣтѣ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Что-жъ ты дрожишь? что значитъ этотъ ужасъ?
Иль мать моя тебѣ не незнакома?

БЕАТРИСА.

Несчастное, печальное открытье!
О, еслибъ вѣкъ его мнѣ не знавать!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Но что-жъ тебя страшитъ? меня ты знаешь;
Властителя ты видишь въ незнакомцѣ.

БЕАТРИСА.

Ахъ, возврати мнѣ незнакомца! съ нимъ
Нашла бы я блажество и въ пустынѣ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(за сценой)*.

Назадъ! что за народъ столпился тутъ?

БЕАТРИСА.

О Боже! этотъ голосъ! гдѣ мнѣ скрыться?

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Но почему-жъ ты знаешь этотъ голосъ?
Вѣдь онъ не можетъ быть тебѣ знакомъ.

БЕАТРИСА.

Бѣжимъ скорѣй отсюда! ахъ, не медли!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Зачѣмъ бѣжать? то голосъ брата; онъ
Меня искалъ; но странно, что онъ могъ....

БЕАТРИСА.

Ахъ, ради Бога, избѣгай его!
Онъ раздраженъ; бѣги его, сокройся!
Чтобъ онъ тебя со мной здѣсь не нашелъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О милая! чего-жъ тебѣ страшиться!
Ты слышала, что миръ теперь межъ нами.

БЕАТРИСА.

Спаси меня, о Небо, въ этотъ часъ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О, Боже мой! какой внезапной мыслью

Я пораженъ! Возможно-ль? — этотъ голосъ
Не незнакомъ тебѣ — о Беатриса! —
Была-ли ты — мнѣ страшно и спросить —
Была-ли ты на царскомъ погребеньѣ?

БЕАТРИСА.

О горе мнѣ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Была-ли ты?

БЕАТРИСА.

Прости мнѣ!

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Несчастная! была-ль ты тамъ?

БЕАТРИСА.

Была.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

О ужасъ!

БЕАТРИСА.

Ахъ, желанье было сильно!
Прости меня! — открывъ его тебѣ,
Я видѣла, какъ мрачно и сурово
Ты выслушалъ его, и замолчала
Но видно ужь враждебная звѣзда
Влекла меня неодолимой силой —
Моей души желанье утолить:
Старикъ слуга въ томъ помощь оказалъ мнѣ,
И я тебя ослушалась — пошла.

(Она обнимаетъ его; въ это время входитъ Донъ Цезарь, сопровождаемый всѣмъ хоромъ.)

Донъ Мануилъ. Донъ Цезарь. Оба хора. Беатриса.

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ Цезарю).*

Не вѣришь намъ, такъ вѣрь своимъ глазамъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(входитъ быстро и, при видѣ брата, отступаетъ съ ужасомъ).

Что вижу я? она въ его объятьяхъ!

(Подходитъ къ Дону Мануилу.)

Такъ вотъ твоя любовь? змѣй ядовитый!
Затѣмъ-то лгалъ ты хитрымъ примиреньемъ?
О, ненависть моя была гласъ Бога!
Ступай же въ адъ, змѣиная душа!

(Закалываетъ его.)

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

Я умираю!... Беатриса!... Братъ!...

(Онъ умираетъ. Беатриса въ безпамятствѣ падаетъ подлѣ него.)

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ).*

Убитъ! убитъ! Сюда, друзья! къ оружью!
За кровь его мы кровью отомстимъ!

(Всѣ обнажаютъ мечи.)

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ).*

О благо намъ! оконченъ споръ кровавый!
Теперь одинъ въ Мессинѣ властелинъ!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

Месть! месть ему! падетъ, падетъ убійца
За падшаго, какъ жертва примиренья!

ВТОРОЙ ХОРЪ.

О государь! не бойся, мы съ тобой!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(становится между ними, съ достоинствомъ).

Назадъ! я моего сразилъ врага,
Онъ братскою притворною любовью
Довѣрчивое сердце обманулъ.
Ужасенъ вамъ поступокъ мой кровавый;
Но то — небесъ правдивый приговоръ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ).*

Тебѣ, Мессина! горе! горе! горе!
Ужасное свершилось злодѣянье
Въ твоихъ стѣнахъ? О, горе матерямъ,
И дѣтямъ ихъ, и юношамъ, и старцамъ!
О, горе всѣмъ — и не рожденнымъ въ свѣтъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Напрасенъ плачъ теперь; — подайте помощь!

(Показывая на Беатрису.)

Ей возвратите жизнь! и удалите
Ее отъ мѣста ужаса и смерти.
Я не могу здѣсь долѣе остаться, —
Меня зоветъ мой долгъ искать сестру.
Ее снесите къ матери, скажите:
«Къ тебѣ ее Донъ Цезарь посылаетъ.»

(Онъ уходитъ; второй хоръ кладетъ безчувственную Беатрису на носилки и уноситъ; первый хоръ остается при трупѣ Мануила; отроки, принесшіе брачные дары, составляютъ около него полукругъ.)

ХОРЪ *(Каэтанъ).*

Повѣдайте, други, какою судьбою
Такъ скоро намъ часъ исполненья насталъ?
Хотя ужь давно я провидѣлъ душою,
Какъ мѣрно и вѣчно-идущей стопою
Ужасный, кровавый конецъ поспѣшалъ.
Но душу мою потрясло содраганье,

Что такъ передо мной онъ свершился въ очахъ,
Что я былъ невольный свидѣтель дѣянья,
Которое смутно пророчилъ мнѣ страхъ.
Вся кровь отъ смятенья во мнѣ застываетъ
Предъ тѣмъ, что такъ страшно мнѣ взоръ поражаетъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ХОРА *(Манфредъ)*.

Пусть раздается голосъ печали!
Юноша милый
Палъ недвижимъ,
Только цвѣсти его дни начинали!
Вѣчная ночь распростерлась надъ нимъ
Здѣсь у преддверія свадебной сѣни!
Не возвратятъ его къ милымъ живымъ
Горести вопли и пени!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Мы идемъ, мы идемъ
За невѣстой младой;
Съ нами отроковъ строй,
Мы несемъ съ торжествомъ
Ей цвѣты и одежды съ дарами,
И готовится пиръ передъ нами,
И свидѣтели ждутъ; но женихъ молодой
Безъ движенья лежитъ предъ гостями!
Ужь его не разбудитъ веселый ихъ рой:
И тяжелъ, и глубокъ мертвыхъ сонъ гробовой!

ВЕСЬ ХОРЪ.

Да, мертваго сонъ и тяжелъ, и глубокъ!
Его не разбудитъ ни голосъ отрадный
Невѣсты, ни звучный охотничій рогъ;
Лежитъ онъ одинъ, безотвѣтный и хладный!

ТРЕТІЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Такъ что же надежды? что всѣ предпріятья?

О чемъ такъ мечтаетъ сынъ бренный земли?
Не нынѣ-ль они обнимались, какъ братья,
И ласки изъ устъ ихъ взаимно текли!
Не это-ль текущее къ ночи свѣтило
Сегодня ихъ братскій союзъ озарило?
И что же? теперь онъ во прахѣ лежитъ,
Въ груди его страшная рана зіяетъ, —
Онъ брата преступной рукою убитъ!...
Ахъ, что̀ всѣ надежды и предначертанья,
Которыя смертный такъ свято хранитъ
И строитъ на зыбкомъ такомъ основаньѣ?

ХОРЪ *(Беренгаръ)*.

Съ горестнымъ бременемъ къ матери сирой,
Други, отсюда пойдемъ!
Сей кипарисъ смертоносной сѣкирой
Прежде мы съ корня ссѣчемъ, —
Одръ изъ него погребальный мы сложимъ,
Чтобъ, послужившій для мертваго ложемъ,
Жизни онъ съ этого часа не зналъ,
Чтобъ онъ не радовалъ взора красою,
Страннику тѣни вовѣкъ не давалъ;
Что возрастилось кровавой землею, —
Смерти да служитъ жертвой клятòю!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Горе же, горе убійцѣ!
Пусть омраченный безумьемъ идетъ!
Кровь твоя, въ нѣдра земли проникая,
Жаркой струею течетъ и течетъ.
Тамъ, въ глубинѣ безотраднаго края,
Вѣчно безъ свѣта, безъ слова и пѣнья,
Дщери Ѳемиды живутъ;
Вѣчно все помнятъ, и правду всему воздавая

Кровь собираютъ въ свой мрачный сосудъ,
И накопляютъ ужасное мщенье.

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Легко исчезаютъ дѣяній слѣды
Съ земли, освѣщенной лучами свѣтила,
Какъ съ лика оттѣнки мгновенной мечты
Но нѣтъ ни утраты тому, ни забвенья,
Что въ лонѣ творящемъ въ таинственный часъ
Могучее время сокрыло отъ насъ.
Какъ нива цвѣтущая — время,
Силъ жизни въ природѣ богатый запасъ,
Всегда въ ней все плодъ и все сѣмя.

ТРЕТІЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

О, горе же, горе убійцѣ! ты самъ
Посѣялъ кровавое сѣмя!
Теперь ужь иное, чѣмъ въ прежнее время,
Твоимъ устрашеннымъ предстанетъ очамъ.
Пока еще мщеніе въ сердцѣ кипѣло,
Взиралъ ты на дѣло и добро и смѣло;
Свершенное нынѣ — оно предъ тобой
Стоять будетъ вѣчно, какъ призракъ ночной.
Такъ фуріи сами Ореста смущали
И адскія змѣи къ нему обращали
Всечасно, чтобъ сынъ свою матерь убилъ,
И призракомъ права святаго и чести
Коварно настроили духъ его къ мести,
Пока онъ кровавой вины не свершилъ;
Когда же рука его дерзко пронзила
Ту грудь, что съ любовью его воскормила,
Тогда обратились
Къ нему самому
Ужасныя дѣвы, —

Онъ ихъ узнаетъ предъ собою вездѣ;
Онѣ охватили убійцу, — нигдѣ
Ему не давали покоя, вонзали
Змѣиныя жала въ злодѣя и гнали
Отъ моря до моря, сквозь дебри, пустыни,
Пока не достигъ онъ дельфійской святыни.

(Хоръ удаляется и уноситъ съ собою на носилкахъ тѣло Дона Мануила.)

Зала съ колоннами. Ночь. Сцена освѣщена сверху одною большою лампою.

Донна Изабелла и Діего *(входятъ)*.

ИЗАБЕЛЛА.

Все вѣсти нѣтъ отъ сыновей моихъ!...
Нашелся ли хоть слѣдъ моей пропавшей?

ДІЕГО.

Ахъ, нѣтъ еще, царица! Но надѣйся
На твердость и старанье сыновей.

ИЗАБЕЛЛА.

О, какъ въ душѣ страдаю я, Діего!
Вѣдь я могла предупредить бѣду.

ДІЕГО.

Зачѣмъ язвишь упрека жаломъ сердце?
Какую-жъ ты забыла осторожность?

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, мнѣ бъ ее заранѣе открыть,
Какъ то внушалъ мнѣ голосъ сердца тайный.

ДІЕГО.

Но разумъ запрещалъ: ему вняла ты;
А слѣдствіе — въ десницѣ Провидѣнья.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ чистой радости! когда бъ не это —
Какъ полно было бъ счастіе мое!

ДІЕГО.

Оно замедлило, но не исчезло:
Ты счàстлива согласіемъ дѣтей.

ИЗАБЕЛЛА.

Я видѣла, какъ дружески объятьемъ
Они слились.... о незабвенный мигъ!

ДІЕГО.

То было не для виду, но отъ сердца:
Правдивость ихъ обмана ненавидитъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я видѣла съ отрадой, что они
Доступны чувствамъ нѣжнымъ и прекраснымъ,
Что чтить они умѣютъ тò, что любятъ.
Отъ воли необузданной они
Готовы отказаться, и законъ
Не тяготитъ ихъ юности кипучей;
И даже страсть была въ нихъ безпорочна.
Охотно сознаюсь тебѣ, Діего, —
Со страхомъ я смотрѣла на мгновенье,
Въ которое былъ долженъ распуститься
Цвѣтъ чувства ихъ: любовь въ натурахъ пылкихъ
Въ неистовство нерѣдко переходитъ.
Чтò если бъ въ этотъ страшный сѣрный пепелъ
Старинной ихъ вражды, едва угасшей,
Лучъ ревности, какъ молнія, ударилъ?...
Мнѣ страшно и подумать!... ихъ сердца,

Не сходныя ни въ чемъ и никогда,
Могли столкнуться прямо въ то мгновенье....
Но благо мнѣ! и туча громовая,
Висѣвшая такъ страшно надо мною,
Безвредно мнѣ въ иной умчалась путь,—
И такъ легко, свободно дышитъ грудь!

ДІЕГО.

Да, радуйся дѣламъ своимъ! Любовью
И кротостью спокойной и разумной
Достигла ты того, чего свершить
Не могъ отецъ всей силой власти. Слава
Тебѣ; но и звѣздѣ твоей хваленье!

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ удавалось многое, и счастье
Служило мнѣ во многомъ.... Лишь оно
Мнѣ помогло, въ теченье столькихъ лѣтъ,
Таиться такъ искусно отъ супруга,
Столь зоркаго, какъ рѣдкій изъ мужей,
И заглушать въ себѣ влеченье крови,
Которая, какъ сдавленное пламя,
Насильственно рвалось изъ-подъ ярма.

ДІЕГО

Да будетъ это счастіе залогомъ
Того, что насъ отрадный ждетъ конецъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я не хочу звѣзду мою хвалить,
Пока еще конца того не вижу.
Мнѣ дочери побѣгъ напоминаетъ,
Что духи зла не дремлютъ надо мной.
Хвали иль осуждай поступокъ мой,
Діего,— но тебѣ я все открою.
Я не могла въ покоѣ праздномъ ждать

Извѣстія, межъ тѣмъ, какъ сыновья
Заботливо сестру повсюду ищутъ.
Я дѣйствовала также: гдѣ ничтожны
Всѣ наши силы, — тамъ рѣшаетъ Небо.

ДІЕГО.

Открой мнѣ то, что вѣдать можно мнѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

На Этнѣ есть обитель, въ ней живетъ
Благочестивый старецъ. Съ давнихъ лѣтъ
Зовутъ его пустынникомъ горы.
Онъ тамъ, живя всѣхъ ближе къ небесамъ,
Чѣмъ родъ людской, скитающійся долу,
Эѳиромъ легкимъ, тонкимъ озарилъ
Земную мысль, и съ высоты годовъ
Взираетъ внизъ на странную игру
Извилисто-текущей нашей жизни.
Онъ знаетъ и судьбу моей семьи:
Онъ вопрошалъ о насъ нерѣдко Небо
И отвращалъ молитвами проклятье.
Къ нему-то я послала молодаго
И сильнаго гонца, чтобъ онъ прислалъ мнѣ
Извѣстіе о дочери моей;
Я жду его возврата ежечасно.

ДІЕГО.

Когда меня не обмануло зрѣнье,
Такъ это онъ, бѣгущій къ намъ сюда,
И онъ хвалы достоинъ за раченье.

Гонецъ. Прежніе.

ИЗАБЕЛЛА.

Ни вѣсти злой, ни доброй не скрывай,
Но говори всю правду откровенно!
Какое далъ извѣстье горный старецъ?

ГОНЕЦЪ.

Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я спѣшилъ скорѣе
Сюда назадъ, — пропавшая нашлась.

ИЗАБЕЛЛА.

О радостное слово!... Ты всегда
Меня желанной вѣстью утѣшаешь!
Который же изъ сыновей моихъ
Открылъ ея слѣды?

ГОНЕЦЪ.

Твой старшій сынъ
Проникъ въ ея сокрытое жилище.

ИЗАБЕЛЛА.

Донъ Мануилъ! онъ дочь мнѣ возвращаетъ!
Онъ былъ всегда мой сынъ благословенный!
Ты отдалъ-ли священную свѣчу,
Которую я въ даръ послала старцу,
Чтобъ онъ ее зажегъ передъ иконой?
Благочестивый Господа служитель
Чуждается иныхъ даровъ земныхъ.

ГОНЕЦЪ.

Онъ молча взялъ ее изъ рукъ моихъ
И къ алтарю пошелъ, гдѣ предъ иконой
Лампада теплилась; зажегъ свѣчу
И ею вдругъ поджегъ и келью, гдѣ
Служилъ онъ Богу девяносто лѣтъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ? что сказалъ ты? это что за ужасъ?

ГОНЕЦЪ.

И три раза воскликнувъ: горе! горе!
Съ горы сошелъ онъ, повелѣвъ мнѣ знàкомъ
Не слѣдовать за нимъ, не озираться.
И съ ужасомъ сюда я поспѣшилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

И вотъ опять въ тревожное сомнѣнье
Погружена душой смущенной я
Отъ этого двусмыслія въ отвѣтѣ.
Мнѣ возвратитъ потерянную дочь
Мой старшій сынъ, Донъ Мануилъ.... и что же!
Вѣсть радости меня не ободряетъ:
Она пришла съ примѣтою зловѣщей.

ГОНЕЦЪ.

Взгляни назадъ, царица, — предъ тобою
Свершаются отшельника слова:
Коль все не ложь и не обманъ, такъ это
Она, твоя потерянная дочь,
И съ ней дружина рыцарей сыновнихъ.

(Второй полухоръ вноситъ Беатрису на носилкахъ и ставитъ на авансцену. Она еще въ обморокѣ.)

Изабелла. Діего. Гонецъ. Беатриса. Хоръ

(Богемундъ, Рожеръ, Ипполитъ и еще девять рыцарей Дона Цезаря).

ХОРЪ *(Богемундъ).*

Покорные властителя велѣнью,
Къ твоимъ стопамъ мы дѣву принесли.
Онъ приказалъ исполнить это намъ

И предъ тобой сказать его словами:
Къ тебѣ ее Донъ Цезарь посылаетъ.

ИЗАБЕЛЛА

(бросается къ ней съ распростертыми объятіями и отступаетъ съ ужасомъ).

О Небеса! она блѣдна, безъ жизни!

ХОРЪ *(Богемундъ).*

Она жива! она придетъ въ себя!
Опомниться ей дай отъ потрясенья,
Которое сковало духъ ея.

ИЗАБЕЛЛА.

Дитя мое! дочь горя и заботъ!
Вотъ какъ мы свидѣлись! Вотъ какъ тебя
Ввела судьба подъ кровъ роднаго дома!
О, дай возжечь мнѣ жизнь твою моею!
Тебя прижму я къ материнской груди,
Дыханіемъ отвѣю холодъ смерти,
И снова кровь забьется въ теплыхъ жилахъ.

(Къ хору.)

О разскажи! что страшное случилось?
Гдѣ ты нашелъ ее? Что ввергло дочь
Въ печальное такое положенье?

ХОРЪ *(Богемундъ).*

Не спрашивай, сказать я не могу.
Твой сынъ, Донъ Цезарь все тебѣ откроетъ:
Онъ намъ велѣлъ къ тебѣ ее отнесть.

ИЗАБЕЛЛА.

Донъ Мануилъ — хотѣлъ ты мнѣ сказать?

ХОРЪ *(Богемундъ).*

Ее къ тебѣ прислалъ твой сынъ, Донъ Цезарь.

ИЗАБЕЛЛА *(къ гонцу).*

Тебѣ пустынникъ назвалъ Мануила?

ГОНЕЦЪ.

Такъ точно, такъ сказалъ онъ мнѣ, царица!

ИЗАБЕЛЛА.

Кто бъ ни былъ — онъ обрадовалъ меня;
Онъ дочь мнѣ далъ, — ему благословенье!
Какой же духъ враждебный отравилъ
Отраду мнѣ желаннаго мгновенья?
Зачѣмъ должна я подавлять восторгъ?
Я вижу дочь мою въ дому отца,
Она жъ меня не видитъ и не слышитъ,
И безотвѣтна къ радости моей.
О милые глаза, откройтесь мнѣ!
Согрѣйтесь руки нѣжныя! забейся,
На радость мнѣ, безжизненное сердце!
Діего! вотъ она! вотъ дочь моя,
Сокрытая, спасенная, — теперь
Предъ свѣтомъ всѣмъ признать ее могу я!

ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Ахъ, новое предчувствіе чего-то
Ужаснаго смутило вдругъ меня....
Какъ разрѣшится это заблужденье?

ИЗАБЕЛЛА

(къ хору, который стоитъ, пораженный смущеніемъ).

О, въ васъ сердца такъ недоступно тверды!
Отъ мѣдныхъ латъ суровой вашей груди,
Какъ отъ скалы морской, восторгъ души
Безъ отзыва летитъ ко мнѣ обратно!
Напрасно я средь этой всей толпы
Ищу себѣ сочувствующихъ взоровъ.
Гдѣ сыновья, чтобъ я могла найти
Участіе хоть въ нихъ? Ахъ! мнится мнѣ,

Что вкругъ меня, среди пустыни дикой,
Ужасныя чудовища стоятъ!

ДІЕГО.

Она жива! она глаза открыла!

ИЗАБЕЛЛА.

Она жива?... Мнѣ первый взоръ ея!

ДІЕГО.

Она опять со страхомъ ихъ закрыла.

ИЗАБЕЛЛА *(къ хору)*.

Подите прочь! вашъ видъ ее пугаетъ.

ХОРЪ *(Богемундъ, отступая)*.

Я отъ нея охотно удаляюсь.

ДІЕГО.

Она въ тебя, дивясь, вперила взоръ.

БЕАТРИСА.

Гдѣ я? мнѣ памятны ея черты.

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ медленно въ ней чувства оживаютъ.

ДІЕГО

Но вотъ — она колѣна преклоняетъ.

БЕАТРИСА.

О, ликъ небесный матери моей!

ИЗАБЕЛЛА.

Дитя мое! приди въ мои объятья!

БЕАТРИСА.

Виновная у ногъ твоихъ лежитъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Ты вновь моя! пусть все забыто будетъ!

ДІЕГО.

И на меня взгляни! тебѣ знакомъ я?

БЕАТРИСА.

Ахъ, это честный, добрый мой Діего!

ИЗАБЕЛЛА.

Хранитель вѣрный юности твоей.

БЕАТРИСА.

Такъ я опять въ кругу моихъ родныхъ?

ИЗАБЕЛЛА.

И разлучить насъ можетъ — смерть одна.

БЕАТРИСА.

Меня къ чужимъ ты болѣ не отринешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, никогда: судьба примирена!

БЕАТРИСА *(бросаясь въ ея объятія)*.

Ужель я точно на груди твоей?
Все было сонъ, что передо мной свершилось?
Тяжелый, страшный сонъ.... о мать моя!
Я видѣла, какъ мертвый онъ упалъ!...
Но какъ я здѣсь? припомнить не могу....
О, какъ я счàстлива, что спасена
Въ объятіяхъ твоихъ! Они хотѣли
Вести меня къ мессинской королевѣ....
Ахъ, лучше въ гробъ!

ИЗАБЕЛЛА.

О дочь моя! опомнись!
Та королева....

БЕАТРИСА.

Нѣтъ не называй
Ты мнѣ ее! при имени злосчастномъ
Бѣжитъ по членамъ холодъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Но послушай....

БЕАТРИСА.

Два сына есть у ней, другъ другу ненавистныхъ,
Донъ Мануилъ, Донъ Цезарь — ихъ зовутъ.

ИЗАБЕЛЛА.

То я сама! узнай же мать свою!

БЕАТРИСА.

Какъ? что сказала ты? Какое слово?

ИЗАБЕЛЛА.

Я — мать твоя, Мессины королева.

БЕАТРИСА.

Ты мать Донъ Цезаря, Донъ Мануила?

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ, и твоя! ты братьевъ назвала.

БЕАТРИСА.

О горе, горе мнѣ! о свѣтъ ужасный!

ИЗАБЕЛЛА.

Но что съ тобой? что значитъ этотъ страхъ?

БЕАТРИСА *(дико озираясь, видитъ хоръ).*

А! вотъ они! теперь я ихъ узнала!
То былъ не сонъ обманчивый! Они
Всѣ были тамъ.... вся роковая правда!
Несчастные! гдѣ скрыли вы его?..

(Она стремительно бѣжитъ къ хору, который отъ нее отвращается; вдали слышенъ похоронный маршъ.)

ХОРЪ.

О горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Кто же скрытъ? что̀ правда?
Вы въ ужасѣ молчите.... вамъ понятны
Ея слова. Ахъ, я по вашимъ взорамъ,
По голосу предчувствую несчастье,
Которое скрываютъ отъ меня.
Я знать хочу — скажите: что такое?
Зачѣмъ со страхомъ смотрите на двери?
Какіе звуки слышу въ отдаленьѣ?

ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Вотъ близко! вотъ скоро со страхомъ, царица,
Откроется все предъ тобой!
Свой духъ укрѣпи для смертельнаго горя,
Снеси его съ твердой душой!

ИЗАБЕЛЛА.

Что ждетъ меня? что близко? слышу, слышу,
Какъ звуки смерти потрясаютъ сводъ....
О! гдѣ они? гдѣ сыновья мои?

(Первый полухоръ вноситъ на носилкахъ тѣло Донá Мануила и ставитъ его въ сторонѣ. Оно покрыто чернымъ покровомъ.)

Изабелла. Беатриса. Діего. Оба хора.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

По улицамъ града,
Слѣдимое горемъ,
Несчастіе ходитъ;
И крадется тайно
Къ жилищамъ людей:
Сегодня у тѣхъ
Дверей постучится,
А тамъ у другихъ.
Оно никого, никого не щадитъ.
Какъ гость нежеланный,
Нерадостный вѣстникъ,
Оно неизбѣжно:
И рано иль поздно
Постигнетъ, и каждый порогъ посѣтитъ.

(Беренгаръ.)

Если годомъ свянетъ

Листъ, коль срокъ настанетъ,
Если въ сѣнь могилы
Сходитъ старецъ хилый:
То законъ природы
Вѣчно-неизмѣнный,
И, ему народы
Покорясь смиренно,
Въ смерти той не видятъ ужаса кончины!

Но и ужасное съ твердой душою
Встрѣтить готовься ты въ жизни земной.
Часто убійство священныя связи
Рушитъ могучей, кровавой рукой.
Смерть увлекаетъ въ стигійскія волны
Также и юности цвѣтъ золотой!

(Каэтанъ.)

Когда всю природу грома потрясаютъ,
Когда омрачится сводъ неба грозой, —
Невольно тогда всѣ сердца ощущаютъ
Могучую силу судьбы надъ собой.
Но часто съ лазури безоблачно-ясной
Нежданно ударитъ губительный громъ.
Такъ бойся, чтобъ въ свѣтломъ весельѣ твоемъ
Тебѣ не столкнуться съ бѣдою ужасной!
Разумно-ли сердце свое прилѣплять
Къ минутнымъ, летучимъ фортуны даяньямъ?
Кто ими владѣетъ — учись ихъ терять!
Кто счастіе знаетъ — учись и страданьямъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Что слышу я? Что скрыто подъ покровомъ?

(Она хочетъ подойдти къ носилкамъ, но останавливается въ нерѣшимости.)

Меня влечетъ туда, — но тайный ужасъ
Холодною рукою удержалъ....

(Къ Беатрисѣ, которая бросается къ носилкамъ.)

Пусти меня! что̀ бъ ни было — открою!

(Она поднимаетъ покровъ и узнаетъ трупъ Дона Мануила.)

О праведное Небо! это сынъ!

ХОРЪ *(Каэтанъ, Беренгаръ, Манфредъ).*

Несчастная! такъ, это онъ, — твой сынъ!
Произнесла ты слово роковое;
Но не мои уста его сказали.

ИЗАБЕЛЛА.

Мой сынъ! мой Мануилъ! О Боже, Боже!
Такимъ-ли я должна тебя увидѣть!
Ты жизнію своею искупилъ
Сестру изъ рукъ разбойника! Гдѣ жъ былъ
Твой братъ, что онъ тебя не защитилъ?
Проклятіе рукѣ, тебя сразившей!
Проклятіе и матери, родившей
Убійцу сына моего! Проклятье роду
Всему его!...

ХОРЪ.

О горе! горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Вы *такъ* сдержали слово, силы Неба?
И это-ль ваша правда? Горе тѣмъ,
Кто вѣритъ вамъ правдивою душой!
Чего же я надѣялась, страшилась,
Когда всему такой конецъ? О, вы,
Стоящіе кругомъ, питая взоры
Отчаяньемъ моимъ, познайте ложь
И сновъ таинственныхъ, и прорицаній,
И вѣрьте послѣ голосу боговъ!

Когда въ себѣ я эту дочь носила,
Тогда ея отцу приснился сонъ:
Онъ увидалъ, что выросли два лавра
Изъ ложа брачнаго его; межъ ними
Вдругъ лилія взросла и обратилась
Въ огонь, который, вѣтви охвативъ,
Свирѣпствуя вокругъ, въ единый мигъ
Объялъ весь домъ губительнымъ пожаромъ.
Таинственнымъ видѣньемъ устрашенный,
Отецъ хотѣлъ узнать его значенье
И вопросилъ о томъ волхва и мага.
И магъ ему сказалъ: что у меня
Родится дочь, что умертвитъ она
Его сыновъ обоихъ, и погибнетъ
Черезъ нее весь родъ его державный!

ХОРЪ *(Каэтанъ и Богемундъ)*.

Царица! что сказала ты? о горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Отецъ велѣлъ убить ее; но я
Спасла ее отъ участи жестокой.
Несчастная отторжена была
Еще дитей отъ материнской груди,
Чтобъ не взросла она братоубійцей!
Вотъ братъ одинъ погибъ отъ рукъ злодѣя, —
Не отъ ея жъ невинныхъ, чистыхъ рукъ!

ХОРЪ.

О горе! горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Не хотѣла
Я довѣрять язычника вѣщанью —
Я лучшею надеждою питалась.
Я слышала другое предсказанье

О дочери, и вѣрила тому,
Что нѣкогда она сердца сыновъ
Соединитъ горячею любовью.
Вотъ какъ противорѣчили взаимно
Оракулы, кладя благословенье
Съ проклятіемъ на дочери главу!
Несчастная невинна въ томъ проклятьѣ,
А оправдать благословенья ей
Не суждено. Какъ тотъ, такъ и другой
Сказали ложь. Искусство прорицанья
Гадателей — пустой, ничтожный даръ:
Лжецы они, иль сами въ ослѣпленьѣ.
Нѣтъ! въ будущемъ ты правды не узнаешь,
Гдѣ бъ ни искалъ — ни въ лонѣ адскихъ рѣкъ,
Ни въ высотѣ негаснущаго свѣта.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

О горе! о горе! смири, заглуши
Въ груди твоей гласъ дерзновенный роптанья!
Неложно вѣщаетъ оракулъ въ тиши:
Исходъ оправдаетъ его предсказанье.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, не хочу свой ропотъ заглушать!
Скажу, что мнѣ повелѣваетъ сердце.
Къ чему въ святые храмы ходимъ мы,
И къ небесамъ возводимъ взоръ молящій?
Какая польза намъ отъ нашей вѣры?
Безумны мы! — Какъ до луны далекой
Не долетитъ пернатая стрѣла,
Такъ и молитва до боговъ высокихъ.
Грядущее отъ смертнаго сокрыто,
И не пронзитъ мольба броней небесъ!
Ничтоженъ мнѣ полетъ пернатыхъ вѣщій,

Ничтожно мнѣ теченіе свѣтилъ!
Ни смысла нѣтъ, ни истины въ природѣ:
Видѣнья — сонъ, а предсказанья — ложь!

ВТОРОЙ ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Умолкни, несчастная! горе тебѣ!
Ты хочешь отвергнуть въ своей слѣпотѣ
Сіяніе солнца! Но боги живутъ!
Узнай ихъ присутствіе страшное тутъ!

ВСѢ РЫЦАРИ.

Такъ, боги живутъ!
Узнай ихъ присутствіе страшное тутъ!

БЕАТРИСА.

О мать! зачѣмъ спасала ты меня!
Зачѣмъ не предала меня проклятью,
Которое висѣло надо мной?
Мать ослѣпленная! зачѣмъ мечтала ты
Мудрѣе быть всезнающихъ и мудрыхъ,
Что близкое съ далекимъ сочетаютъ
И видятъ позднія въ грядущемъ сѣмена?
Себѣ и мнѣ, и всѣмъ намъ на погибель
Ты отъ боговъ исторгла дерзновенно
Имъ должную добычу! и теперь
Они вдвойнѣ, втройнѣ ее возьмутъ.
Нѣтъ, не могу тебя благодарить
За твой печальный даръ: ты сохранила
Меня на жертву скорби и страданій!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

(Съ безпокойствомъ обращается къ дверямъ.)

Откройтесь, о раны!
Зіяйте, зіяйте!
Пусть черной волною
Изъ васъ застpуится кровавый потокъ!

(Беренгаръ.)

Слышу: шаги роковые звучатъ!
Слышу: тамъ адскія змѣи шипятъ!
Близится фурій карающихъ рядъ!

(Каэтанъ.)

Обруштесь, о стѣны!
Земля! разступись подъ ужасной стопой!
Возстаньте, возстаньте,
Какъ черная туча, пары надъ землей!
Сокройте сіяніе дня золотого!
Бѣгите, пенаты, печальнаго крова!
Да вступятъ богини отмщенья толпой!

Донъ Цезарь. Изабелла. Беатриса. Хоръ.

(При входѣ Дона Цезаря хоръ быстро удаляется отъ него на обѣ стороны; онъ одинъ остается посреди сцены.)

БЕАТРИСА.

О горе! это онъ!

ИЗАБЕЛЛА *(идетъ къ нему на встрѣчу.)*

О сынъ мой, Цезарь!
Взгляни сюда! смотри на дѣло злобы,
Свершенное рукою проклятòй!

(Она подводитъ его къ трупу.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(съ ужасомъ отступаетъ, закрывая лицо).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ, Беренгаръ).*

Откройтесь, о раны!
Зіяйте, зіяйте!
Пусть черной волною
Изъ васъ заструится кровавый потокъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Ты задрожалъ! ты ужасомъ объятъ!
Вотъ что тебѣ отъ брата остается!
Вотъ всѣ мои надежды! Дружбы цвѣтъ
Плѣнительный въ зародышѣ увялъ;
Мнѣ не видать прекраснаго плода!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Утѣшься, мать! ахъ, дружбы той желали
Мы отъ души! Но такъ рѣшило Небо.

ИЗАБЕЛЛА.

О, знаю, — ты любилъ его! съ восторгомъ
Взирала я на сладостный союзъ!
Ты на груди своей хотѣлъ ему
Вознаградить потерянные годы....
Твою любовь убійство предварило,
И мщенье лишь осталось для тебя.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Уйдемъ отсюда! здѣсь тебѣ не мѣсто.
Ахъ, удались отъ зрѣлища печали!

(Хочетъ увлечь ее.)

ИЗАБЕЛЛА *(бросаясь къ нему на шею).*

Ахъ! ты теперь одинъ остался мнѣ!

БЕАТРИСА.

Мать! что ты дѣлаешь?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

О, выплачь горе
Свое на этой любящей груди!
Твой сынъ тебѣ остался, и любовь
Его къ тебѣ вовѣки неизмѣнна!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ, Беренгаръ, Манфредъ).*

Откройтесь, о раны!
Вѣщайте, нѣмыя!

Пусть черной волною
Изъ васъ застроится кровавый потокъ!

ИЗАБЕЛЛА *(беретъ ихъ руки)*.

О дѣти, дѣти!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Мнѣ отрадно видѣть
Ее въ твоихъ объятьяхъ. О, пусть будетъ
Она твоею дочерью! — Сестра....

ИЗАБЕЛЛА *(перерывая его)*.

Ты спасъ ее, мой сынъ! благодарю!
Ты возвратилъ ее въ мои объятья.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(изумленный)*.

Кого.... кого тебѣ я возвратилъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Ее, она передъ тобой, — сестру.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Она моя сестра?

ИЗАБЕЛЛА.

Но кто-жъ иная?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Моя сестра!

ИЗАБЕЛЛА.

Ты самъ ее прислалъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Какъ? и ему сестра?

ХОРЪ.

О горе! горе!

БЕАТРИСА.

О мать моя!

ИЗАБЕЛЛА.

Что это значитъ?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Будь проклятъ день рожденья моего!

ИЗАБЕЛЛА.

О Боже! что съ тобой?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Проклятье лону,
Носившему меня! Проклятье тайнѣ,
Скрываемой тобою! — отъ нея
Все бѣдствіе! Да ниспадетъ на сердце
Твое небесный громъ и разразитъ его!
Я долѣе щадить тебя не стану —
Узнай же все: я — я братоубійца!...
Въ ея объятьяхъ я его засталъ....
Ее, ее любилъ я, и въ супруги
Себѣ избралъ.... и брата я нашелъ
Въ ея объятьяхъ.... все теперь ты знаешь!
Когда она ему и мнѣ сестра,
То въ страшномъ я виновенъ преступленьѣ,
И нѣтъ ему въ раскаяньѣ прощенья!

ХОРЪ (*Богемундъ*).

Слышишь-ли грозное слово печали?
Въ немъ отъ тебя не сокрыто ничто.
Вѣрно сбылось, что волхвы предвѣщали:
Доли своей не избѣгнетъ никто!
Кто же дерзнетъ отстранить назначенье, —
Самъ приготовитъ его исполненье!

ИЗАБЕЛЛА.

Что̀ мнѣ теперь — обманъ-ли темный боги
Иль истину вѣщали мнѣ тогда?
Все зло они явили надо мною!
Я вызываю ихъ — разить меня
Еще сильнѣй. Кому лишаться болѣ

Ужь нечего, тотъ не страшится ихъ.
Убитъ мой лучшій сынъ, а отъ живаго
Теперь сама я отрекаюсь, — онъ
Не сынъ мнѣ болѣ: василиска въ немъ
Взростила я, вскормила этой грудью....
Онъ умертвилъ любимца моего!
Уйдемъ отсюда, дочь моя; здѣсь быть
Намъ болѣе нельзя!... Пусть духи мести
Домъ этотъ истребляютъ! Преступленье
Ввело меня въ него, и преступленье
Изгнало вонъ. Я съ горькимъ отвращеньемъ
Вошла въ него, со страхомъ въ немъ жила,
Съ отчаяньемъ отсюда удаляюсь.
Все это я безвинно претерпѣла....
Но честь оракуламъ, и правы боги!

(Она уходитъ. Діего слѣдуетъ за нею.)

Беатриса. Донъ Цезарь. Хоръ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(удерживая Беатрису)*.

Постой, сестра! хоть ты не удаляйся
Такъ отъ меня! Пусть проклинаетъ мать,
Пусть эта кровь взываетъ къ Небесамъ,
Пусть цѣлый міръ клянетъ меня! Но ты
Не проклинай!... Я отъ тебя не въ силахъ
Того снести!

БЕАТРИСА

(отвернувшись отъ него; указываетъ на трупъ).

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не милаго, не друга
Тебя лишилъ я: мною братъ убитъ.
Тебѣ не ближе онъ, почившій нынѣ,

Чѣмъ я, еще живущій; но я болѣ,
Чѣмъ онъ теперь, достоинъ состраданья:
Невинный онъ угасъ, а я — преступникъ!

БЕАТРИСА *(рыдаетъ)*.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Плачь, плачь о немъ! съ тобою плакать буду, —
И болѣе — за брата я отмщу.
Но не о миломъ плачь! я не снесу
Къ усопшему такого предпочтенья.
Ахъ! дай же мнѣ изъ страшной бездны горя
Извлечь одну послѣднюю отраду,
Что сердцу онъ не ближе твоему,
Чѣмъ я теперь! Ужасная судьба
Права сравняла наши и несчастье.
Мы, трое любящихъ, одною сѣтью
Опутаны, и вмѣстѣ сокрушились; —
Намъ право слезъ равно принадлежитъ.
Но если я подумаю, что ты
Скорбишь о миломъ больше, чѣмъ о братѣ,
Тогда съ моей тоскою вдругъ сольется
И бѣшенство, и зависть, отравляя
Послѣднее мнѣ въ скорби утѣшенье.
Не съ радостью тогда, какъ бы желалъ,
Я — жертвою почту его останки.
Но мирно я свой духъ пошлю за нимъ,
Коль буду знать я, что въ единой урнѣ
Ты прахъ его съ моимъ соединишь.

(Страстно обнимаетъ ее.)

Ахъ! я любилъ тебя, какъ никого
Дотолѣ не любилъ.... и вотъ за то,
Что я любилъ тебя такъ безпредѣльно,
Проклятіе несу братоубійцы!

Любовь къ тебѣ — вотъ вся моя вина!
Теперь ты мнѣ сестра, и отъ тебя
Я требую, какъ дани, состраданья.

(Онъ смотритъ на нее пристально и съ горестнымъ ожиданіемъ, потомъ отвращается отъ нее съ негодованіемъ.)

Нѣтъ не могу я видѣть эти слезы!
При этомъ трупѣ я лишаюсь силъ,
И грудь мою сомнѣнье раздираетъ.
Оставь меня при заблужденьѣ! Плачь,
Плачь въ тишинѣ! Не приходи ко мнѣ!...
Нѣтъ! никогда!... Отнынѣ ни тебя,
Ни матери я видѣть не хочу....
Она меня съ рожденья не любила!
И вотъ, въ тоскѣ, ей сердце измѣнило:
Она его любимцемъ назвала!
Она меня притворствомъ ослѣпляла!
И ты коварна, какъ она! Зачѣмъ
Притворствовать? яви мнѣ отвращенье!
Мой ненавистный видъ не будетъ болѣ
Тебя смущать.... Покинь меня на вѣкъ!

(Онъ уходитъ. Она стоитъ въ нерѣшимости, въ борьбѣ съ собою; потомъ стремительно уходитъ за нимъ.)

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Блаженъ, кто въ тиши безмятежно-глубокой,
Средь пышнаго луга покой обрѣтя,
Отъ шума житейской тревоги далеко,
На персяхъ природы лежитъ, какъ дитя!
Мнѣ сердце тѣснитъ во дворцѣ властелина,
Когда безпощадной и быстрой рукой,
Съ вершины блаженства и славы, судьбина
Свергаетъ и высшихъ и лучшихъ порой!

Блаженъ, кто отъ бури житейскаго моря
Въ обитель покоя заранѣ ушелъ,
И, чуждый тревоги, страданій и горя,
Въ тиши монастырской миръ сладкій нашелъ.
Тамъ сбросилъ онъ бремя ничтожныхъ исканій,
Его не язвитъ тамъ и жало страстей;
Тамъ вѣчный огонь ненасытныхъ желаній
Смирилъ онъ въ груди безмятежной своей.
Къ нему не домчится изъ дольняго міра
Неистовый голосъ волненій земныхъ;
Въ своей благодатной обители мира
Не видитъ онъ горькихъ страданій людскихъ.
Какъ воздухъ заразы, гнилой и тлетворный,
Клубясь, не восходитъ до горнихъ вершинъ, —
Такъ ядъ преступленій и зависти черной
Гнѣздится на днѣ населенныхъ долинъ.

(Беренгаръ, Богемундъ и Манфредъ).

На высяхъ нагорныхъ свобода и воля!
Эѳиръ не отравленъ дыханьемъ могилъ!
Природа вездѣ совершенна, доколѣ
Съ бѣдою въ нее человѣкъ не вступилъ!

(Весь хоръ повторяетъ):

На высяхъ нагорныхъ и т. д.

Донъ Цезарь. Хоръ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(съ большею твердостію).*

Права властителя исполнить я хочу
Въ послѣдній разъ — предать могилѣ милый трупъ:
Она для мертваго послѣдній славы блескъ.
Узнайте же теперь мой строгій вамъ завѣтъ,
И вѣрно, въ точности исполните его.

*

Свѣжо вамъ памятенъ печальный тотъ обрядъ:
Еще не такъ давно, какъ вы въ могильный склепъ
Сопровождали прахъ монарха своего.
Едва замолкъ въ стѣнахъ плачевный смерти стонъ,
Какъ новый трупъ вослѣдъ за первымъ въ гробъ идетъ,
Такъ встрѣтится почти ихъ погребальный ходъ,
И факелъ свой зажжетъ у перваго второй....
Устроїте все теперь для пышныхъ похоронъ
Въ домовомъ храмѣ здѣсь, гдѣ прахъ отца сокрытъ
Заприте входъ и тамъ, въ тиши нѣмоїй,
Устройте снова все, какъ въ тотъ печальный день.

ХОРЪ *(Богемундъ).*

Мы поспѣшимъ свершить велѣніе твое,
О государь! Еще печальный катафалкъ
Стоитъ, какъ памятникъ событія того;
Съ-тѣхъ-поръ ничья рука не тронула его.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

То былъ недобрый знакъ: въ обители живыхъ
Одна отверстою осталась гроба дверь.
Но какъ же то сбылось, что этотъ грустный тронъ
Не сняли вы потомъ, какъ былъ обрядъ свершенъ?

ХОРЪ *(Богемундъ).*

И время тяжкихъ смутъ, и горестный раздоръ,
Который вдругъ потомъ въ Мессинѣ запылалъ,
Насъ отъ почившаго къ оружью увлекли,
И опустѣлый храмъ былъ запертъ и забытъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Спѣшите же скорѣе къ дѣлу! въ эту ночь
Покончить вы должны полунощный обрядъ
Чтобъ новый день слѣдовъ убійства не видалъ,
И для счастливѣйшихъ привѣтно возсіялъ.

(Второй хоръ удаляется съ трупомъ Манупла.)

ПЕРВЫЙ ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Не пригласить-ли намъ клиръ иноковъ честныхъ,
Чтобъ по старинному обычаю они
Напутствовали здѣсь молитвою святой
Отшедшаго отъ насъ на вѣчный свой покой?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Пусть ихъ святая пѣснь всегда, изъ вѣка въ вѣкъ,
Звучитъ при блескѣ свѣчъ надъ нашими гробами;
Лишь нынче не нужна ихъ чистая мольба:
Убійства гнуснаго чуждается святыня.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Страшись, о государь, въ отчаяньѣ слѣпомъ
Свершить кровавое насилье надъ собою!
Нѣтъ въ мірѣ никого, ктобъ могъ тебя карать, —
Одно раскаянье насъ примиряетъ съ Небомъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Когда меня никто не можетъ покарать, —
Я кару надъ собой свершу своей рукою.
Раскаянье души пріемлютъ Небеса;
Но кровью должно смыть кровавое убійство.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Ты долженъ отражать удары злой судьбы
Отъ дома твоего, а не сугубить горя.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Проклятье древнее собою я сниму, —
Смерть вольная одна расторгнетъ рока цѣпи.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Но вспомни долгъ царя къ странѣ осиротѣлой, —
Не ты ли самъ ее лишилъ другой главы?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ! прежде первый долгъ мой примутъ боги смерти,
А о живущихъ пусть иной печется богъ.

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Еще надежда есть, пока сіяетъ день;
За гробомъ нѣтъ ея! подумай ты о томъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Подумай прежде самъ, какъ долженъ молча рабъ
Свершать свой долгъ! Оставь меня итти вослѣдъ
За тѣмъ насильственно меня влекущимъ духомъ.
Счастливому нельзя мнѣ въ сердце заглянуть.
И если ты во мнѣ властителя не чтишь, —
Страшись преступника, гонимаго проклятьемъ!
Главу несчастнаго почти, — она свята
Самимъ богамъ!... Кто испыталъ тѣ муки,
Что я терплю въ душѣ, тотъ болѣ никому
Здѣсь на землѣ не отдаетъ отчета!

Изабелла. Донъ Цезарь. Хоръ.

ИЗАБЕЛЛА

(входитъ медленными шагами и съ нерѣшимостію смотритъ на Дона Цезаря. Наконецъ подходитъ къ нему и говоритъ съ твердостію).

Мой взоръ тебя не долженъ былъ бы видѣть, —
Такъ поклялась я въ горести моей;
Но въ воздухѣ теряются обѣты,
Которые въ слѣпомъ негодованьѣ,
Забывшись, противъ сердца скажетъ мать.
Мой сынъ! ужасный слухъ меня извлекъ
Изъ моего печальнаго пріюта.
Могу-ль я вѣрить? Точно-ль день одинъ
Лишилъ меня сыновъ моихъ обоихъ?

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

Ты видишь, — онъ съ твердой рѣшился душой
Сойдти добровольно, свободной стопой,

Въ обители смерти ужасной.
Сама испытай силу крови, любви, —
Быть можетъ, онъ просьбы услышитъ твои —
Слова мои были напрасны.

ИЗАБЕЛЛА.

Зову назадъ ужасныя проклятья,
Какими я любезную главу
Въ отчаяньѣ слѣпомъ обременила.
Не можетъ мать проклятьемъ поразить
Свое дитя, рожденное въ страданьяхъ.
И Небеса грѣховной той мольбы
Не примутъ. Нѣтъ! тяжелая слезами
Она падетъ отъ свѣтлаго ихъ свода.
Живи, мой сынъ! отраднѣй видѣть мнѣ
Въ тебѣ убійцу сына одного,
Чѣмъ слезы лить объ участи обоихъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Ты не подумала, чего желаешь,
О мать, себѣ и мнѣ! Я на землѣ
Ужь не жилецъ.... Да, если можешь ты
Сносить убійцы образъ ненавистный,
То я, о мать, я не снесу твоей
Нѣмой тоски всегдашняго укора.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, я тебя не огорчу укоромъ!
Я жалобой ни громкой, ни безмолвной
Твоей души не оскорблю! Тоска
Найдетъ себѣ усладу въ тихой грусти.
Мы вмѣстѣ будемъ плакать о несчастьѣ,
И слезы тѣ покроютъ преступленье.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(кротко, взявъ ея руку)*.

Все такъ и будетъ, мать! — твоя тоска

Найдетъ себѣ усладу въ тихой грусти.
Когда, о мать, одинъ могильный сводъ
Соединитъ убитаго съ убійцей,
Когда ихъ прахъ одинъ покроетъ камень, —
Тогда конецъ проклятію, — тогда
Ты сыновей не будешь различать, —
И токи слезъ очей твоихъ прекрасныхъ
Равно для нихъ обоихъ потекутъ.
Ахъ, смерть посредникъ вѣрный, всемогущій!
Она угаситъ всякій пламень гнѣва,
И примиритъ вражду, — и сожалѣнье,
Какъ нѣжная сестра, склонясь на урну,
Любимый прахъ слезами ороситъ.
О мать! молю, — не отвлекай меня
Покинуть жизнь и примирить проклятье!

ИЗАБЕЛЛА.

Богата милостью святая вѣра:
Прибѣгнувъ къ ней, измученное сердце
Найдетъ успокоенье. Храмъ Лоретты
Для многихъ былъ пріютомъ облегченья,
И силою небесной благодати
Владѣетъ Гробъ Спасителя святой.
Сильна мольба мужей благочестивыхъ:
Ихъ жизнь обильна всякою заслугой,
И Божій храмъ очиститъ, вознесясь,
То мѣсто, гдѣ убійство совершилось.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Легко стрѣлу извлечь изъ сердца можно,
Но раны той вовѣкъ не изцѣлить.
Живи, кто можетъ жизнью сокрушенья
И покаяньемъ строгимъ искупить
Свой вѣчный грѣхъ.... но я — я не могу

Влачить свой вѣкъ съ растерзанной душою:
Мнѣ-ль радостью веселыхъ утѣшаться,
Въ эѳиръ душой свободной улетать?
Всечасно жизнь мнѣ зависть отравляла,
Когда твою любовь дѣлили мы;
Уже-ль теперь снесу я предпочтенье
Твоей тоски по немъ передо мной?
О, смерть владѣетъ силой очищенья:
Во храминѣ ея несокрушимой
Все смертное, отринувъ прахъ земной,
Получитъ блескъ алмаза, и сотрутся
Всѣ пятна золъ и слабостей людскихъ.
И высоко, какъ звѣзды надъ землею,
Онъ возноситься будетъ надо мной....
И если насъ, во всемъ другъ другу равныхъ,
Еще при жизни зависть раздѣляла, —
То какъ терзать она мнѣ будетъ сердце,
Что вѣчность онъ похитилъ у меня,
Что, перешедъ за грань всѣхъ состязаній,
Онъ все живетъ, какъ богъ, въ сердцахъ людей!

ИЗАБЕЛЛА.

Ужели я призвала васъ въ Мессину
За тѣмъ, чтобъ здѣсь обоихъ схоронить?
Для примиренья васъ я призвала;
Но грозная судьба неумолимо
Разрушила надежды всѣ мои!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Не обвиняй судьбы, о мать! Ея
Завѣтъ исполнился. Сюда вошли мы
Съ отрадною надеждой примиренья,
И мирно вмѣстѣ будемъ почивать,
Примирены навѣкъ въ жилищѣ смерти.

ИЗАБЕЛЛА.

Живи, мой сынъ! не оставляй меня
Съ отчаяньемъ, одну, среди чужихъ,
На жертву ихъ жестокимъ посмѣяньямъ,
Лишенную защиты сыновей!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Когда тебя съ презрѣніемъ холоднымъ
Отринетъ свѣтъ, ты приходи на гробъ
Сыновъ и призови ихъ божество;
И мы тогда мольбу твою услышимъ.
Какъ близнецовъ созвѣздіе съ небесъ
Привѣтливо сіяетъ мореходу, —
Такъ мы твой духъ утѣшимъ, ободримъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Живи, мой сынъ! для матери живи!
Ахъ, мнѣ такой потери не снести!

(Она обнимаетъ его съ нѣжною горячностію; но онъ тихо освобождается изъ ея объятій и, отвернувшись, подаетъ ей руку.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Прости!

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, горько видѣть мнѣ, что надъ тобой
Всѣ матери моленія ничтожны!
Иль нѣтъ инаго голоса, который
Твоей душѣ доступнѣй моего?

(Она идетъ ко входу сцены.)

Поди сюда, о дочь! когда его
Умершій братъ влечетъ къ себѣ въ могилу,
То, можетъ быть, сестры любимой голосъ,
Сіяніемъ плѣнительной надежды,
Его обратно къ міру привлечетъ.

(У входа является БЕАТРИСА.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(при видѣ ея, глубоко тронутый, закрываетъ лицо).

О мать! къ чему прибѣгла ты? зачѣмъ?

ИЗАБЕЛЛА *(подводя ее).*

Его напрасно матерь умоляла, —
Ты заклинай, моли его, чтобъ жилъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

О, какъ коварно ты меня пытаешь!
Ты въ новую борьбу меня ввергаешь,
Чтобъ на пути къ той ночи вѣковѣчной
Я пожалѣлъ о свѣтлыхъ жизни дняхъ!
Передо мной прелестный Ангелъ жизни
Стоитъ въ лучахъ, и щедрою рукой
Мнѣ тысячи цвѣтовъ, златыхъ плодовъ,
Живительно-душистыхъ, разсыпаетъ;
И въ теплотѣ лучей отрадно сердцу!...
И вновь въ груди замершей оживаютъ
Всѣ радости и свѣтлыя надежды.

ИЗАБЕЛЛА.

Моли его: тебя одну онъ слышитъ, —
Моли, чтобъ насъ подпоры не лишалъ!

БЕАТРИСА.

Коль жертвы требуетъ почившій милый, —
Да приметъ онъ ее. О мать! позволь
Мнѣ ею быть! Еще не зная жизни,
Ужь я была на смерть обречена.
Меня, одну меня, зоветъ проклятье
Гнетущее несчастный этотъ домъ,
И жизнь моя — у Неба похищенье.
Его убила — я!... Я пробудила
Уснувшихъ фурій брани.... мнѣ одной
Его останки должно примирить!

ХОРЪ *(Каэтанъ)*.

О мать злосчастная! въ объятья смерти
Стремятся жадно дѣти всѣ твои,
Тебя одну на свѣтѣ оставляя
Въ тоскѣ влачить безрадостную жизнь.

БЕАТРИСА.

Братъ! не губи твоей главы любезной!
Живи для матери: ей нуженъ сынъ.
Лишь нынче дочь свою она узнала:
Ей будетъ легче потерять ее.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(горестно)*.

Мать! будемъ ли мы жить, или умремъ:
Лишь только бъ ей соединиться съ милымъ!

БЕАТРИСА.

Уже-ль завидуешь ты праху брата?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Онъ счастливъ, — онъ живетъ въ твоей печали;
А я межъ мертвыхъ буду вѣчно мертвъ!

БЕАТРИСА.

О братъ!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(съ выраженіемъ сильнѣйшей страсти).

Сестра! ты плачешь обо мнѣ?

БЕАТРИСА.

Для матери живи!

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ

(выпускаетъ ея руку, отступая).

Для матери....

БЕАТРИСА *(склоняясь къ нему на грудь)*.

Живи для насъ! утѣшь твою сестру!

ХОРЪ *(Богемундъ)*.

Она побѣдила! моленіямъ нѣжнымъ

Сестры не возможетъ противиться онъ.
Утѣшься, о мать! и довѣрься надеждамъ:
Онъ жизнь не отвергнетъ, онъ будетъ спасенъ!

(Въ это мгновеніе раздается священное пѣніе хора. Дверь въ глубинѣ сцены отворяется. Въ церкви видѣнъ катафалкъ и гробъ, обставленный горящими свѣчами.)

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ *(обратясь къ гробу).*

Нѣтъ, братъ мой, нѣтъ! я жертвы у тебя
Не отниму! твой голосъ изъ могилы
Зоветъ меня сильнѣе слезъ родной,
Сильнѣй моленій любящей души....
Въ моихъ рукахъ все, чѣмъ земная жизнь
Равняется боговъ блаженныхъ долѣ, —
И мнѣ-ль, убійцѣ, счастье это знать?
И въ глубину могилы безъ отмщенья
Сойдетъ твоя священная невинность!...
Нѣтъ! нашихъ дней блюститель правосудный
Подобнаго раздѣла не дозволитъ!
И обо мнѣ ея струились слезы:
Я успокоенъ! — Я иду къ тебѣ!

(Онъ поражаетъ себя кинжаломъ и упадаетъ къ ногамъ сестры; она бросается въ объятія матери.)

ХОРЪ *(Каэтанъ).*

(Послѣ глубокаго молчанія.)

Я пораженъ! его предназначенье
Оплакивать иль славить должно мнѣ?
Но лишь одно я сознаю вполнѣ, —
Что жизнь еще не высшее изъ благъ,
Но худшее изъ бѣдствій — преступленье!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЬ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Переводъ Ѳедора Миллера

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Германъ Геслеръ, имперскій намѣстникъ *(Ландфогтъ)* въ Швицѣ и въ Ури.
Вернеръ Аттингаузенъ, владѣтельный баронъ.
Ульрихъ Фонъ-Руденцъ, его племянникъ.

Вернеръ Штауффахеръ,
Конрадъ Хунъ,
Ишель Рединтъ,
Гансъ Мауеръ,
Іоргъ Гофъ,
Ульрихъ Шмидъ,
Іостъ Вейлеръ,
} поселяне изъ Швица.

Вальтеръ Фюрстъ,
Вильгельмъ Телль,
Рессельманъ, пасторъ,
Петерманъ, кистеръ,
Куони, пастухъ,
Верни, охотникъ,
Руони, рыбакъ,
} изъ Ури.

Арнольдъ Мельхталь,
Конрадъ Баумгартенъ,
Мейеръ Сарненъ,
Струтъ Винкельридъ,
Клаусъ Фонъ-деръ-Флюе,
Буркгардъ Бюхель,
Арнольдъ Сева,
} изъ Унтервальдена.

Пфейферъ изъ Луцерна.
Кунцъ изъ Герзау.
Женни, мальчикъ рыбака.
Сенни, мальчикъ пастуха.
Гертруда, жена Штауффахера.
Гедвига, жена Телля, дочь Вальтера Фюрста.
Берта Фонъ-Брунекъ, богатая наслѣдница.
Армгарта, Мехтильда, Эльсбета, Гильдегарда, } поселянки.
Вальтеръ, Вильгельмъ, } дѣти Телля.
Фрисгардъ, Лейтгольдъ, } солдаты.
Рудольфъ Гаррасъ, шталмейстеръ Геслера.
Іоаннъ Парриципда, герцогъ швабскій.
Штюсси, стрѣлокъ.
Трубачъ.
Вѣстникъ.
Смотритель надъ постройками.
Каменьщикъ, его подмастерьи и работники.
Глашатай.
Братья милосердія.
Стражи Геслера и Ландербергера.
Поселяне и поселянки изъ лѣсныхъ городовъ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

—

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Высокій, скалистый берегъ озера четырехъ Кантоновъ, противуположный Швицу. Озеро образовало небольшой заливъ. Недалеко отъ берега стоитъ хижина. Женни плыветъ въ челнокѣ. На другой сторонѣ озера видны зеленыя долины и деревни Швица, освѣщенныя солнцемъ. Налѣво отъ зрителей видны скалы, покрытыя облаками; направо — снѣжныя горы, которыхъ цѣпь теряется въ отдаленіи. До поднятія занавѣса слышны звуки свирѣли, блеяніе стадъ и звонъ колокольчиковъ.

ЖЕННИ *(поетъ въ лодкѣ).*

Прохладныя воды спокойны и ясны,
На брегѣ зеленомъ спитъ мальчикъ прекрасный.
Вдругъ сладкіе звуки
Онъ слышитъ во снѣ,
Какъ будто святые
Поютъ въ вышинѣ.
И онъ пробудился отъ сладкаго сна;
У ногъ его рѣзво играетъ волна;
И слышитъ онъ голосъ:
«Малютка, ты мой! —
Сонливца возьму я
Въ пучину съ собой.»

КУОНИ *(поетъ на горѣ)*.

Простите луга!
Зима наступаетъ;
Пастухъ угоняетъ
Въ деревню стада,
Мы васъ оставляемъ, но свидимся съ вами,
Когда намъ кукушки весну пропоютъ,
Когда вы украситесь снова цвѣтами,
Когда по долинамъ ручьи потекутъ.
Простите, луга!
Зима наступаетъ;
Пастухъ угоняетъ
Въ деревню стада.

ВЕРНИ

(является на вершинѣ противуположной скалы).

Вершины гремятъ, стонетъ эхо въ горахъ;
Стрѣлокъ не робѣетъ на зыбкихъ стезяхъ.
Тамъ скалы покрыты
Корой ледяной,
По нимъ онъ ступаетъ
Безстрашной стопой.

Внизу подъ ногами, какъ море, туманъ
Предъ нимъ застилаетъ жилища селянъ;
И только въ разрывы
Сѣдыхъ облаковъ
Виднѣются нивы
И зелень луговъ.

(Картина перемѣняется; глухой ревъ слышенъ въ горахъ; тѣни облаковъ покрываютъ окрестность.)

Руоди, *рыбакъ, выходитъ изъ хижины.* Верни, *охотникъ, сходитъ со скалы.* Куони, *пастухъ, идетъ съ котомкою на плечахъ.* Сенни, *его мальчикъ, слѣдуетъ за нимъ.*

РУОДИ.

Скорѣе, Женни, сѣти собери!
Нахмурилося небо, вѣтеръ воетъ,
Нашъ вѣковой сосѣдъ принарядился
Въ свой облачный колпакъ, и не увидишь,
Какъ Богъ нашлетъ грозу.

КУОНИ.

Спѣшишь, землякъ?
Ужь дождь пошелъ; смотри, какъ жадно овцы
Ѣдятъ траву; собака роетъ землю.

ВЕРНИ.

Не даромъ скачетъ рыба, и лысуха
Ныряетъ то и дѣло: быть грозѣ!

КУОНИ *(мальчику).*

Что, Сенни, все-ли стадо?

СЕННИ.

Все, хозяинъ, —
И наша Лизли тутъ, — я по звонку
Ее узналъ.

КУОНИ.

Такъ и другія дома:
Она одна заходитъ дальше всѣхъ.

РУОДИ.

Звонки твои чудесные, пріятель.

ВЕРНИ.

И скотъ хорошъ; что весь онъ твой, землякъ?

КУОНИ.

Нѣтъ, я не такъ богатъ, — его хозяинъ,
Мой господинъ, почтенный Аттингаузенъ.

РУОДИ.

А вотъ корова съ лентою на шеѣ;
Какъ ей она пристала!

КУОНИ.

Да, про то
Она сама смѣкаетъ и гордится:
Сними я ленту, — ѣсть не станетъ.

РУОДИ.

Вздоръ!
Какъ будто бы она что понимаетъ.

ВЕРНИ.

Не говори, — и звѣрь имѣетъ разумъ;
То знаемъ *мы*. Какъ на горахъ, бывало,
Гоняешься за сернами; — такъ что-жь? —
У нихъ всегда одна стоитъ на стражѣ.
Чуть подошелъ охотникъ, — какъ засвищетъ,
И мигомъ всѣ укроются въ ущельяхъ.

РУОДИ *(пастуху)*.

Что ты домой ихъ видно гонишь?

КУОНИ.

Да;
Ужь на горахъ имъ корму больше нѣтъ.

ВЕРНИ.

Счастливый путь!

КУОНИ.

Тебѣ того жъ желаю:
Вашъ не всегда бываетъ безопасенъ.

РУОДИ.

Кто это къ намъ бѣжитъ? да какъ поспѣшно!

ВЕРНИ.

А, это нашъ Баумгартенъ изъ Альцельна.

БАУМГАРТЕНЪ

(прибѣгаетъ запыхавшись).

Рыбакъ! скорѣе лодку! ради Бога!

РУОДИ.

Ну, ну, куда такъ скоро?

БАУМГАРТЕНЪ.

Отвяжи!

Спаси меня!... перевези....

КУОНИ.

Землякъ,

Что сдѣлалось съ тобою?

ВЕРНИ.

Кто тебя

Преслѣдуетъ?

БАУМГАРТЕНЪ.

Ахъ! по слѣдамъ за мною

Бѣгутъ Ландфогтомъ посланные стражи....

О, я погибъ, когда меня поймаютъ!...

КУОНИ.

За что-жъ они преслѣдуютъ тебя?

БАУМГАРТЕНЪ.

Сперва спаси, — тогда все разскажу.

ВЕРНИ.

Но ты обрызганъ кровью, — что случилось?

БАУМГАРТЕНЪ.

Тотъ цесарскій намѣстникъ, что въ Росбергѣ....

КУОНИ.

Кто? Вольфеншисенъ? гонитъ онъ тебя?

БАУМГАРТЕНЪ.

Онъ болѣе не страшенъ: онъ убитъ
Моей рукой....

ВСѢ

(отступая въ ужасѣ).

Несчастный! что ты сдѣлалъ!

БАУМГАРТЕНЪ.

Что сдѣлалъ я! — что каждый бы изъ васъ
Рѣшился сдѣлать· я отмстилъ ему
За поношенье дома моего,
За честь жены....

КУОНИ.

Онъ оскорбилъ ее?

БАУМГАРТЕНЪ.

Да, еслибъ Богъ и острый мой топоръ
Въ томъ не были помѣхою злодѣю.

ВЕРНИ.

Ты топоромъ его?

КУОНИ.

О, разскажи,
Какъ это было? — ты еще успѣешь,
Пока рыбакъ отвязываетъ лодку.

БАУМГАРТЕНЪ.

Я былъ въ лѣсу, рубилъ дрова, — и вдругъ
Ко мнѣ жена въ испугѣ прибѣгаетъ:
«Намѣстникъ въ нашемъ домѣ; онъ велѣлъ
Ей баню приготовить для него;
Потомъ хотѣлъ онъ учинить надъ нею
Насиліе; но, вырвавшись, она
Пришла ко мнѣ просить защиты». Я
Какъ былъ, пошелъ домой, засталъ злодѣя,
И черепъ топоромъ ему разсѣкъ....

ВЕРНИ.

Ты правъ, тебя никто не обвинитъ.

КУОНИ.

Тиранъ! теперь наказанъ онъ достойно!
Ты отомстилъ ему за Унтервальденъ.

БАУМГАРТЕНЪ.

Объ этомъ тотчасъ въ городѣ узнали,
И нашъ судья послалъ за мной погоню.
Часы летятъ.... пока мы говоримъ....

(Слышенъ громъ.)

КУОНИ.

Скорѣй, рыбакъ, перевези его!

РУОДИ.

Нельзя теперь, — гроза ужь началась;
Намъ должно обождать.

БАУМГАРТЕНЪ.

О, Боже мой!
Я не могу, — меня убьетъ отсрочка!

КУОНИ *(рыбаку)*.

Э, съ Богомъ, братъ! Исполни долгъ священный:
Спаси его отъ смерти! Вѣдь и съ нами
Случиться можетъ то же.

(Громъ и вихрь.)

РУОДИ.

Но, смотрите,
Какъ озеро волнуется и стонетъ....
Я противъ бури не могу грести.

БАУМГАРТЕНЪ

(обнимаетъ его колѣна).

Спаси меня! Господь тебѣ воздастъ!...

ВЕРНИ

Ты жизнь ему спасешь!

КУОНИ.

Вѣдь онъ отецъ
Семейства: у него жена и дѣти!

(Удары грома повторяются.)

РУОДИ.

Но вѣдь и мнѣ жизнь также дорога:
И у меня есть и жена, и дѣти.
Смотрите, какъ свирѣпая пучина
Клокочетъ и крутитъ водоворотомъ.
Охотно бы спасти его готовъ,
Но видите, что это не возможно.

БАУМГАРТЕНЪ *(на колѣнахъ)*.

И такъ мнѣ нѣтъ надежды на спасенье!
Не избѣжать мнѣ плѣна и оковъ!...
Передо мною берегъ избавленья....
Онъ отъ меня такъ близко!... до него
Мой вопль достигнуть можетъ.... Вотъ и лодка!
Она меня помчала бы къ нему —
А я, одинъ, безъ помощи покинутъ!...

КУОНИ.

Кто это къ намъ идетъ сюда? — смотрите.

ВЕРНИ.

А! это Телль изъ Бюрглена.

ТЕЛЛЬ

(входитъ вооруженный лукомъ).

О чемъ
Васъ умоляетъ этотъ человѣкъ?
Кто онъ таковъ? откуда?

КУОНИ.

Изъ Альцельна
Онъ, защищая честь свою, убилъ
Имперскаго намѣстника въ Росбергѣ.

За нимъ Ландфогтомъ послана погоня;
Онъ проситъ рыбака о перевозѣ, —
Но тотъ, бояся бури, отказался.

РУОДИ.

Ну вотъ вамъ Телль, — и онъ весломъ владѣетъ, —
Пусть онъ мнѣ скажетъ, можно-ль плыть теперь.

(Сильные удары грома. Озеро волнуется.)

Не кинусь я на видимую смерть, —
Нѣтъ, я еще не потерялъ разсудка!

ТЕЛЛЬ.

Мужъ храбрый мыслитъ о себѣ въ послѣднихъ;
Спаси его съ надеждою на Бога!

РУОДИ.

На сушѣ хорошо давать совѣты!
Вотъ озеро, вотъ лодка, — испытай!

ТЕЛЛЬ.

Но озеро затихнетъ, а Ландфогтъ
Неумолимъ. Спаси его, рыбакъ!

ВСѢ.

Спаси его! спаси, спаси!

РУОДИ.

Нѣтъ! еслибъ
Онъ былъ мнѣ братъ, дитя мое родное,
Такъ и тогда-бъ я отказался! Нынче
День Симона — Іуды, — потому
Обычной жертвы требуетъ пучина.

ТЕЛЛЬ.

Оставь свою пустую болтовню, —
Часы летятъ; ему нужна защита; —
Ты хочешь ли съ нимъ плыть?

РУОДИ.

Нѣтъ, не могу!

ТЕЛЛЬ.

Ну такъ, на Божью волю! — Дай мнѣ лодку!
Попробую, сколь силы мнѣ позволятъ.

КУОНИ.

О, храбрый Телль!

ВЕРНИ.

И видно молодца!

БАУМГАРТЕНЪ.

О, добрый Телль! ты Ангелъ мой хранитель!

ТЕЛЛЬ.

Отъ рукъ судьи могу тебя спасти я,
Отъ бури же спасетъ тебя другой!
Но возложи на Бога упованье, —
Не на людей. *(Къ пастуху.)*
Землякъ! утѣшь жену,
Когда со мной случится что земное;
Я сдѣлалъ то, чего не могъ не сдѣлать.

(Сходитъ въ лодку.)

КУОНИ *(рыбаку)*.

Хорошъ же ты! — не смѣлъ на то рѣшиться,
На что рѣшился Телль.

РУОДИ.

Никто того
Не сдѣлалъ бы: у насъ въ горахъ ему
Подобнаго другаго не найдется.

ВЕРНИ *(входитъ на скалу)*.

Вотъ онъ плыветъ! Богъ помочь, храбрый мужъ!
Смотрите, какъ челнокъ скользитъ по волнамъ!

КУОНИ *(у берега)*.

Но онъ исчезъ — его волной залило!
А, вотъ опять мелькнулъ онъ! Молодецъ!
Какъ славно онъ весломъ владѣть умѣетъ!

СЕННИ.

Ну! стражи къ намъ бѣгутъ!

КУОНИ.

Да, въ самомъ дѣлѣ,
Они и есть! да поздно!

Толпа рейтаровъ Ландербергера.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ убійца?
Отдайте намъ его!

ВТОРОЙ.

Онъ здѣсь, мы знаемъ!
Напрасно вы хотите скрыть его.

КУОНИ И РУОДИ.

Кого вамъ нужно, господа?

ПЕРВЫЙ *(увидя лодку)*.

А, дьяволъ!
Смотри-ка!

ВЕРНИ *(на скалѣ)*.

Не за тѣмъ ли вы гнались,
Кто въ лодкѣ тамъ плыветъ? — Ну чтожь, друзья,
Скачите, — вы догоните его.

ВТОРОЙ.

Онъ ускользнулъ отъ насъ, проклятый!

ПЕРВЫЙ.

Вы,
Вы помогли снастись ему! — такъ знайте,
За это мы стада разгонимъ ваши,
Сожжемъ дома, и пепелъ ихъ развѣемъ!

(Уходятъ.)

СЕННИ.

Ахъ бѣдныя овечки! *(Убѣгаетъ.)*

КУОНИ.

Горе мнѣ!

Мои стада!

(Также убѣгаетъ.)

ВЕРНИ.

Злодѣи!

РУОДИ *(горестно)*.

О, Всевышній!

Когда придетъ отчизны избавитель?

(Уходитъ за ними.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Въ Швицѣ; противъ дома Штауффахера, у большой дороги, подлѣ моста, стоитъ липа.

ВЕРНЕРЪ ШТАУФФАХЕРЪ И ПФЕЙФЕРЪ ИЗЪ ЛЮЦЕРНА *входятъ, разговаривая.*

ПФЕЙФЕРЪ.

Да, Штауффахеръ, какъ я вамъ говорилъ,
Не присягайте Австріи. Коль можно,
Пребудьте вѣрны, тверды, какъ и были.
Да подкрѣпитъ васъ Богъ, во всѣхъ дѣлахъ!

(Съ чувствомъ жметъ ему руку и хочетъ удалиться.)

ШТАУФФАХЕРЪ.

Останьтесь, другъ, сейчасъ придетъ хозяйка!
Вы гость мой въ Швицѣ, въ Луцернѣ — я вашъ.

ПФЕЙФЕРЪ.

Благодарю. Мнѣ должно еще нынче
Дойти до Герзау. — Объ одномъ прошу,
Съ терпѣніемъ сносите оскорбленья
Неистовыхъ намѣстниковъ своихъ.
Все измѣнится, — императоръ новый
Взойдетъ на тронъ; но Австріи отдавшись,
Рабомъ ея останетесь на вѣкъ.

(Онъ уходитъ. Штауффахеръ садится на скамью подъ липою, и погружается въ задумчивость. Входитъ жена его, ГЕРТРУДА, *садится подлѣ него, и молча, смотритъ на него нѣсколько времени.)*

ГЕРТРУДА.

Такъ мраченъ! Другъ мой, что съ тобой, скажи мнѣ?
Ужь много дней я молча примѣчаю,
Что у тебя на сердцѣ что-то есть:
Какая-то печаль тебя снѣдаетъ.
Откройся мнѣ, своей подругѣ вѣрной,
И подѣлись со мной своей печалью.

(Штауффахеръ безмолвно жметъ ея руку.)

Скажи мнѣ, чѣмъ душа твоя страдаетъ?
Благословилъ Господь твои труды;
Ты всѣмъ богатъ, мой другъ, твои стада
И статные откормленные кони
Благополучно возвратились съ горъ
Въ покойныя конюшни, на зимовье.
И вотъ твой домъ, — какъ замокъ онъ красивъ,
И выстроенъ, какъ слѣдуетъ, по плану,
Изъ лучшаго бревенчатаго лѣса,
И окна въ немъ блестятъ, какъ зеркала;
И пестрыми гербами онъ расписанъ

И мудрыми рѣченьями,— и странникъ
Читаетъ ихъ, и смыслу ихъ дивится.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Красивъ мой домъ, по плану онъ построенъ,
Но, ахъ, — подъ нимъ не твердо основанье!

ГЕРТРУДА.

Что хочешь этимъ ты сказать, мой другъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Недавно я сидѣлъ подъ этой липой,
И радостно смотрѣлъ на новый домъ;
Вдругъ, вижу, ѣдетъ Ландфогтъ изъ Кюснахта
Со свитою, и тутъ остановился,
И посмотрѣлъ на домъ мой съ удивленьемъ.
Я тотчасъ всталъ, и съ должнымъ уваженьемъ
Приблизился къ тому, кого монархъ
Надъ сей страной поставилъ властелиномъ.
«Чей это домъ?» — коварно онъ спросилъ,
Какъ-будто самъ не знаетъ. — Я поспѣшно
Ему отвѣтилъ: «домъ сей, государь,
Принадлежитъ монарху моему
И вамъ, — а мнѣ онъ отданъ на аренду.»
Тогда сказалъ онъ: «Я, какъ повелитель
Страны, не потерплю, чтобъ селянинъ
Себѣ дома здѣсь произвольно строилъ,
И жилъ, какъ господинъ. Я постараюсь
Искоренить такое своевольство.»
Такъ говоря, поѣхалъ онъ надменно.
А я остался съ грустью на душѣ,
Въ раздумьѣ о словахъ его зловѣщихъ.

ГЕРТРУДА.

Мой добрый мужъ и господинъ! позволь мнѣ
Подать тебѣ совѣтъ чистосердечный.

Я мудраго Иберга дочь родная,
И я горжуся тѣмъ! Когда съ сестрами,
Бывало, мы по вечерамъ сидѣли
За пряжею, тогда къ отцу сбирались
Старѣйшины народа, и читали
Имперскія бумаги, размышляя
О счастіи страны своей родной.
Я пристально внимала ихъ словамъ
И сохранила глубоко на сердцѣ
Всѣ мудрыя ихъ рѣчи и желанья.
И такъ, послушай, что теперь скажу я:
Давно я знала, что тебя печалитъ....
Мой другъ, тебя намѣстникъ ненавидитъ:
Ты былъ ему помѣхою, что Швицъ
Не покорился новому правленью,
Но, съ твердостью, подобно древнимъ предкамъ,
Имперіи своей не измѣнилъ.
Не такъ-ли, Вернеръ? Правду-ль я сказала?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ, онъ меня за это ненавидитъ!

ГЕРТРУДА.

Ему досадно, что, свободный, ты
Живешь себѣ на собственномъ наслѣдьѣ,
Какого нѣтъ и у него. — Свой домъ
Ты получилъ въ аренду отъ монарха,
Ты можешь показать свое имѣнье,
Какъ князь свои помѣстья, надъ собой
Монарха лишь владыкой ты имѣешь;
Тогда, какъ онъ, вассалъ его ничтожный,
Лишь рыцарскимъ плащемъ своимъ владѣетъ
И потому на счастіе людей
Взираетъ онъ со злобой ядовитой.

Онъ погубить давно тебя поклялся;
Ты невредимъ еще, — ужели будешь
Спокойно ждать, чтобъ мщеніе злодѣя
Тебя постигло? Нѣтъ! — благоразумный
Самъ долженъ дѣйствовать.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но чтожь мнѣ дѣлать?

ГЕРТРУДА.

Вотъ мой совѣтъ: — я думаю ты знаешь,
Какъ нашъ Кантонъ Ландфогта ненавидитъ
За скупость и злодѣйства; — такъ повѣрь,
Что въ Унтервальденѣ и въ Ури — тоже
Найдется очень много недовольныхъ.
Что̀ Геслеръ здѣсь, то Ландербергеръ тамъ
За озеромъ. Оттуда съ каждой лодкой
Приходятъ къ намъ печальныя извѣстья
О новыхъ притѣсненіяхъ Ландфогтовъ.
Такъ хорошо, когда бы собралось
Васъ нѣсколько мужей благоразумныхъ,
И тайно бы сошлись на совѣщанье: —
Какъ сбросить это тяжкое ярмо?
И я надѣюсь — Богъ васъ не оставитъ,
И правое Онъ дѣло защититъ.
Что нѣтъ ли въ Ури друга у тебя,
Которому бъ сердечно могъ открыться?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мужей достойныхъ много тамъ я знаю,
И сильныхъ, и значительныхъ, — они
Меня всѣ любятъ, — имъ могу открыться.

(Встаетъ.)

Жена, ты бурю страшныхъ думъ
Въ груди моей спокойной разбудила!

Ты свѣтомъ дня мнѣ мысли озарила!
О чемъ мечтать не смѣлъ мой робкій умъ,
О томъ ты мнѣ такъ смѣло говорила!
Но свой совѣтъ обдумала ли ты? —
И звукъ мечей, и громы боевые
Ты призываешь на поля родныя!
И намъ ли, мирнымъ пастырямъ, вступить
Въ неравный бой съ владыкою вселенной?
Повѣрь, — имъ только нуженъ лишь предлогъ,
Чтобъ на сіи несчастныя долины
Послать свои свирѣпыя дружины,
Чтобъ, пользуясь правами сильныхъ, здѣсь
Они могли, подъ видомъ наказанья,
Всѣхъ прежнихъ льготъ свободы насъ лишить.

ГЕРТРУДА.

И вы владѣть умѣете сѣкирой, —
А смѣлыми Господь владѣетъ Самъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Жена! ужасна, гибельна война:
Она стада и пастырей караетъ.

ГЕРТРУДА.

Сносить должны мы Божье наказанье,
Но притѣсненья не должны сносить!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Жена! нашъ новый домъ тебѣ любезенъ:
Войной онъ будетъ въ пепелъ обращенъ.

ГЕРТРУДА.

Когда бъ къ нему привязана была я —
Своей рукой сожгла бы я его!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но грозный бичъ войны не пощадитъ
И слабаго младенца въ колыбели.

ГЕРТРУДА.

Невинность въ небесахъ найдетъ защиту;
Смотри впередъ, мой другъ, а не назадъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы умереть на полѣ битвы можемъ;
Но васъ, но васъ какая ждетъ судьба?

ГЕРТРУДА.

И слабому открытъ послѣдній выборъ:
Скачекъ съ утеса — и свободна я!

ШТАУФФАХЕРЪ

(бросаясь въ ея объятія).

О, кто такимъ владѣетъ сердцемъ, — тотъ
Сразится радостно за кровъ родимый!
Тому не страшны силы королей!
Немедленно отправлюсь въ Ури, — тамъ
Есть у меня пріятель, Вальтеръ Фюрстъ,
Онъ обо всемъ со мною сходныхъ мыслей.
Притомъ же тамъ барона Аттингауза
Увижу я, — хоть знатнаго онъ рода,
Но любитъ онъ народъ, и чтитъ его права.
Я посовѣтуюсь съ обоими о томъ,
Какъ защитить себя намъ отъ злодѣевъ
Страны родной. Прощай! Пока меня
Не будетъ дома, ты займись хозяйствомъ,
Чтобъ идущій на богомолье странникъ,
Монахъ, сбирающій для церкви, — всѣ
Нашли бы здѣсь пріютъ и подаянье.
Отъ взора ихъ не скроется мой домъ, —
Онъ на большой дорогѣ, — въ немъ готовъ
Для путника гостепріимный кровъ.

(Между тѣмъ, какъ онъ удаляется въ глубину сцены, входятъ Вильгельмъ Телль и Баумгартенъ.)

ТЕЛЛЬ *(къ Баумгартену)*.

Теперь тебѣ я болѣе не нуженъ.
Вотъ въ этотъ домъ войди, — въ немъ обитаетъ
Штауффахеръ, покровитель угнетенныхъ.
Но вотъ онъ самъ! — Ступай къ нему за мной!

(Они идутъ Сцена перемѣняется.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Открытое мѣсто въ Альтдорфѣ. На возвышеніи, въ глубинѣ сцены, строится крѣпость, которая уже представляетъ цѣлое; задняя часть ея уже окончена; спереди стоятъ еще подмостки, по нимъ ходятъ вверхъ и внизъ работники; вверху на крышѣ сидитъ кровельщикъ. Все въ движеніи, занято работою.

СМОТРИТЕЛЬ. КАМЕНЬЩИКЪ. ЕГО ПОДМАСТЕРЬИ И РАБОТНИКИ.

СМОТРИТЕЛЬ

(съ палкою, къ работникамъ).

Ну — ну! не праздновать! таскайте камни!
Скорѣй! мѣшайте известь! — чтобъ намѣстникъ,
Прибывъ сюда, увидѣлъ, что работа
Идетъ впередъ. Экъ, ходятъ — какъ улитки!

(Къ двумъ работникамъ, которые несутъ камни.)

Что? такъ ли носятъ? — подложить еще!
Лѣнтяи, вамъ отъ дѣла бъ лишь отхлынуть!

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да, признаюсь, куда какъ намъ пріятно
Таскать каменья для своей темницы!

СМОТРИТЕЛЬ.

Что тамъ еще ворчать? Народъ поганый!

Онъ только что коровъ доить способенъ,
Да лѣнь свою провѣтривать въ горахъ.

СТАРИКЪ

(садясь отдыхать).

Нѣтъ, не могу!

СМОТРИТЕЛЬ *(дергаетъ его).*

Ну — ну, старикъ, за дѣло!

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Ужель въ тебѣ нѣтъ сердца, что къ работѣ
Ты гонишь старика, который самъ
Едва таскаетъ ноги?

КАМЕНЬЩИКЪ И ПОДМАСТЕРЬИ.

О, безбожно!

СМОТРИТЕЛЬ.

Молчать! я дѣлаю, что мнѣ велятъ.

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

А что, смотритель, какъ бишь назовется
Темница, что мы строимъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Иномъ Ури.

И это иго васъ сожметъ, друзья!

ПОДМАСТЕРЬИ.

Какъ? игомъ Ури?

СМОТРИТЕЛЬ.

Что же тутъ смѣшнаго?

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Домишкомъ этимъ Ури сжать хотятъ!

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Посмотримъ, сколько гнѣздъ такихъ придется
Нагородить имъ, чтобъ они сравнялись
Хотя съ меньшой изъ нашихъ горъ родныхъ.

(Смотритель уходитъ въ глубину сцены.)

КАМЕНЬЩИКЪ.

Свой молотокъ я въ озеро закину,
За то, что онъ работалъ въ этомъ зданьѣ.

Телль и Штауффахеръ *входятъ.*

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, лучше бъ мнѣ не жить, чѣмъ видѣть это!

ТЕЛЛЬ.

Пойдемте дальше, — здѣсь не безопасно.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели въ Ури я? въ странѣ свободы?

КАМЕНЬЩИКЪ.

О, если бы вы видѣли подвалы
Подъ башнями! — Кто будетъ жить въ нихъ, тотъ
Не скоро крикъ услышитъ пѣтушиный....

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, Боже!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Да! взгляните-ка на своды:
Для вѣчности воздвигнуты они!

ТЕЛЛЬ.

Что руки строятъ, — то разрушатъ руки!
(Указывая на горы.)
Намъ Богъ воздвигъ сіи свободы зданья!

(Слышенъ барабанъ; приходятъ люди, несущіе на шестѣ шляпу; за ними слѣдуетъ глашатай; сцена наполняется женщинами и дѣтьми.)

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Что значитъ этотъ барабанъ? смотрите!

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Что за потѣха? Шляпа-то къ чему?

ГЛАШАТАЙ.

Во имя императора: внимайте!

ПОДМАСТЕРЬИ.

Тсъ! тише! слушайте!

ГЛАШАТАЙ.

Граждане Ури!
Вотъ эта шляпа на шестѣ высокомъ
Воздвигнется на площади въ Альдорфѣ;
И вотъ о чемъ намѣстника приказъ:
Онъ хочетъ, чтобъ сей шляпѣ воздавалось
Такое же почтенье, какъ ему, —
Чтобъ всѣ предъ ней съ открытой головою
Колѣна преклоняли. Черезъ это
Король узнать желаетъ всѣхъ покорныхъ.
Имѣнья и свободы тотъ лишится,
Кто не исполнитъ этого приказа.

(Народъ громко смѣется. Бьютъ въ барабанъ. Толпа уходитъ.)

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Вотъ выдумалъ еще какую новость
Намѣстникъ нашъ! Чтобъ кланялись мы шляпѣ!
Слыхалъ ли кто подобное, скажите?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Намъ преклонять колѣна передъ шляпой!
Морочить что-ль честныхъ людей онъ хочетъ?

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Будь это королевская корона, —
А то простая шляпа, — что виситъ
Надъ стуломъ, гдѣ аренды раздаютъ.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Австрійская она! — тутъ есть ловушка,
Чтобъ насъ передъ Имперіей предать.

ПОДМАСТЕРЬИ.

Никто сносить не будетъ поруганья!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Пойдемъ и спросимъ у другихъ совѣта.

(Уходятъ въ глубину театра.)

ТЕЛЛЬ *(Штауффахеру)*.

Теперь вы знаете. Прощайте, Вернеръ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Куда же ты? О, не спѣши отсюда!

ТЕЛЛЬ.

Нельзя! мнѣ должно дома быть. Прощайте!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Когда бъ ты зналъ, какъ тяжело на сердцѣ! —
Желалъ бы я поговорить съ тобой.

ТЕЛЛЬ.

Слова не облегчатъ тоски сердечной

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но къ дѣлу могутъ повести слова

ТЕЛЛЬ.

Терпѣнье и молчанье — наше дѣло.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели то сносить, что нестерпимо?

ТЕЛЛЬ.

Временщики господствуютъ не долго!
Когда надъ бездной буря забушуетъ,
То гасятся огни, и корабли
Спѣшатъ скорѣе въ пристань, и гроза
Безвредно пронесется надъ землею.
Пусть каждый тихо у себя живетъ:
Для мирнаго найдется миръ повсюду.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты думаешь?

ТЕЛЛЬ.

Не трогайте змѣи,
Она васъ не ужалитъ. Вѣрь, что сами
Они смирятся, видя общій миръ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Соединясь, мы сдѣлали бы много.

ТЕЛЛЬ.

Въ крушеньи легче одному спастись.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты холоденъ къ общественному дѣлу.

ТЕЛЛЬ.

Надѣйся каждый самъ лишь на себя.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Въ союзѣ дружномъ слабые могучи.

ТЕЛЛЬ.

Но сильный лишь одинъ всегда могучъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ на тебя отчизнѣ нѣтъ надежды,
Когда она возстанетъ на враговъ?

ТЕЛЛЬ

(подаетъ ему руку).

Ягненка Телль изъ пропасти спасаетъ,
Ужель оставитъ онъ своихъ друзей? —
Увольте отъ совѣтовъ лишь меня; —
Я не могу вамъ помогать словами,
Но будетъ вамъ нужна рука моя, —
Скажите слово, — Телль пойдетъ за вами!

(Они расходятся въ разныя стороны. На подмосткахъ внезапно раздается крикъ.)

КАМЕНЬЩИКЪ

(прибѣгая).

Что тамъ случилось?

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Кровельщикъ свалился
Сію минуту съ кровли.

БЕРТА *(вбѣгаетъ со свитою).*

Онъ разбился?
Спасите! помогите, если можно!
Вотъ золото, — спасите лишь его!

(Бросаетъ ожерелье.)

КАМЕНЬЩИКЪ.

Вы съ золотомъ, — и все для васъ ничтожно!
Но возвратитъ ли золото теперь
Отца семейству, матери супруга?
Нѣтъ! не оно искупитъ тѣ несчастья,
Которыя теперь насъ угнетаютъ.
До васъ мы были веселы, довольны;
Но вы пришли, — и мы узнали горе.

БЕРТА

(смотрителю, который пришелъ.)

Что, живъ ли онъ?

(Смотритель знакомъ показываетъ, что нѣтъ.)

О, стѣны! вы съ проклятьемъ
Построены, — въ васъ будетъ жить проклятье!

(Уходитъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилище Вальтера Фюрста.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ и АРНОЛЬДЪ МЕЛЬХТАЛЬ *входятъ съ разныхъ сторонъ.*

МЕЛЬХТАЛЬ.

А! Вальтеръ Фюрстъ!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Чтобъ не застали насъ!
Останься тамъ. Со всѣхъ сторонъ шпіоны.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Что, нѣтъ изъ Унтервальдена извѣстій?
Что мой отецъ? — Наскучило ужь мнѣ
Здѣсь плѣнникомъ сидѣть. И чтожъ я сдѣлалъ,
Чтобъ мнѣ отъ всѣхъ скрываться, какъ убійцѣ?
Я только палецъ перешибъ мерзавцу,
За то, что дерзкій, при моихъ глазахъ,
Хотѣлъ увесть воловъ моихъ пребрасныхъ,
По приказанью нашего Ландфогта.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Самъ виноватъ! зачѣмъ погорячился?
Его послалъ начальникъ твой, — Ландфогтъ.
Теперь сноси безмолвно наказанье,
Хоть тяжело оно — что жъ дѣлать, другъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но могъ ли я снести, чтобъ негодяй
Мнѣ говорилъ: «коль хочетъ поселянинъ
Ѣсть хлѣбъ, такъ пусть онъ самъ и возитъ плугъ.»

Онъ какъ ножемъ въ грудь поразилъ меня,
Когда моихъ воловъ сталъ выпрягать.
Они рѣвели глухо, будто чуя,
Что онъ мнѣ врагъ, и уперлись рогами.
Тогда не могъ собой владѣть я больше,
И въ гнѣвѣ палкой началъ бить его.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, если мы едва крѣпиться можемъ,
Гдѣ жъ юности обуздывать себя?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Мнѣ только жаль отца: ему подпора
Нужна, а сынъ далеко отъ него
Его Ландфогтъ не терпитъ, потому,
Что онъ всегда свободу защищаетъ.
Теперь стѣснитъ онъ старика, я знаю,
И некому вступиться за него!
Пойду туда, чтобъ ни было со мною.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, подожди, — возьми терпѣнье; скоро,
Быть можетъ, къ намъ придутъ оттуда вѣсти.
Но чу! стучатъ, не посланный ли то
Отъ Ландфогта? — Скорѣе спрячься, — въ Ури
Ты не спасенъ отъ гнѣва Ландерберга:
Одинъ тиранъ другому помогаетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Они собой примѣръ намъ подаютъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Ступай! я послѣ позову тебя.

(Мельхталь уходитъ.)

Несчастный! я открыть ему не смѣю
Своихъ ужасныхъ подозрѣній. — Кто
Стучится тамъ? — Чуть только скрипнетъ дверь,

Я жду бѣды. Вездѣ измѣна, злоба,
Насиліе врывается въ дома.
Ахъ, скоро намъ придетъ нужда привѣсить
Желѣзные запоры у дверей!

(Онъ отворяетъ двери, и отступаетъ съ удивленіемъ увидѣвъ Вернера Штауффахера.)

Кого я вижу? Вернеръ, вы ли это?
Мой дорогой, почтенный гость! — давно
Я лучшаго не видѣлъ человѣка!
Душевно радъ подъ кровлею моею
Васъ встрѣтить. Что же привело васъ къ намъ?

ШТАУФФАХЕРЪ *(жметъ его руку).*

Ищу Швейцарію, ищу былые годы.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

При васъ они! Увидѣвъ только васъ,
Я чувствую на сердцѣ облегченье.
Садитесь, Вернеръ, разскажите мнѣ,
Здорова-ль ваша умная супруга,
Гертруда, мудраго Иберга дочь?
Всѣ странники, которые идутъ
Въ Италію, черезъ долину Мейнрадъ,
Вашъ домъ гостепріимный выхваляютъ.
Но вы теперь изъ Флюлена, скажите,
Не видѣли-ль дорогой вы чего,
Когда вы нашимъ краемъ проходили?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да! видѣлъ я строеніе большое,
Но на него смотрѣть мнѣ грустно было.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, другъ! взглянувъ, вы вѣрно догадались?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такихъ домовъ не знали прежде въ Ури, —

Никто, никто здѣсь не видалъ темницъ;
Темницею была — одна могила.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но вѣдь и это вольности могила.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Нѣтъ, Вальтеръ Фюрстъ, не скрою я отъ васъ,
Что я пришелъ сюда не по-пустому;
Меня тревожатъ думы. Притѣсненья
Оставилъ дома я, и здѣсь ихъ вижу.
И долго ли намъ ихъ переносить,
Когда имъ нѣтъ конца? Швейцарецъ былъ
Всегда свободенъ, къ кротости привыкъ онъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ пастухи узнали горы,
Здѣсь не было подобныхъ притѣсненій.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Да, безпримѣрно своевольство ихъ!
И даже благородный Аттингаузенъ,
Который помнитъ прежніе года,
Самъ говоритъ, что тяжко это бремя.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И въ Унтервальденѣ творятся также
Кровавыя дѣла. — Тамъ Вольфеншисенъ,
Намѣстникъ Рòсбергскій, хотѣлъ недавно
Отъ запрещеннаго вкусить плода —
Въ Альцельнѣ онъ Баумгартена женѣ
Хотѣлъ безчестье нанести, но мужъ
Ея убилъ злодѣя топоромъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, правосудный Боже! что-жъ Баумгартенъ?
Скажите мнѣ, успѣлъ ли онъ спастись?
Нашелъ ли онъ убѣжище?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Вашъ зять
Его ко мнѣ чрезъ озеро привезъ,
И у меня теперь живетъ онъ тайно.
Но онъ мнѣ разсказалъ такое дѣло,
Случившееся въ Сарненѣ, что сердце
У каждаго должно облиться кровью.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(внимательно)*.

Какое-жъ это дѣло?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тамъ, въ Мельхталѣ,
Живетъ близъ Керна нѣкто — Генрихъ Гальденъ,
Правдивый мужъ, котораго слова
Имѣютъ вѣсъ у поселянъ окружныхъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Да кто его не знаетъ? — Что же съ нимъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

За небольшой проступокъ Ландербергеръ
Велѣлъ изъ плуга выпрячь двухъ воловъ
Прекраснѣйшихъ у Генрихова сына,
А юноша прибилъ раба и скрылся.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(съ нетерпѣніемъ)*.

Но что-жъ отецъ? скажите, съ нимъ что сталось?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Его къ себѣ потребовалъ намѣстникъ,
И приказалъ ему, чтобъ выдалъ сына;
Но старецъ поклялся, что онъ не знаетъ,
Куда бѣглецъ сокрылся, — и тогда
Тиранъ велѣлъ явиться палачамъ....

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(вскакиваетъ и хочетъ увлечь его на другую сторону).

О, тише — ради Бога!

ШТАУФФАХЕРЪ

(возвышая голосъ).

И сказалъ:

«Коль сына нѣтъ, — такъ ты въ моихъ рукахъ!»
И приказалъ его на землю бросить,
И острой сталью выколоть глаза!...

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, Небо!

МЕЛЬХТАЛЬ *(выбѣгая).*

Выколоть глаза, вы говорите?

ШТАУФФАХЕРЪ

(удивленный, къ Вальтеру Фюрсту).

Кто этотъ юноша?

МЕЛЬХТАЛЬ

(хватаетъ его судорожно).

Глаза его? скажите!...

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, злополучный!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Кто же это? сынъ?

(Вальтеръ Фюрстъ утвердительно киваетъ головою).

Возможно ли? О, Боже правосудный!

МЕЛЬХТАЛЬ.

А я былъ далеко! отецъ несчастный!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скрѣпи себя! какъ мужъ, снеси бѣду.

МЕЛЬХТАЛЬ.

И за *меня*, за *мой* проступокъ онъ
Ослѣпъ! ослѣпъ на вѣкъ, лишенный зрѣнья!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да, онъ ослѣпъ! изсякъ источникъ свѣта:
Онъ никогда не узритъ солнца вновь!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Щади его страданье!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Никогда!

(Онъ закрываетъ руками лицо, и молчитъ нѣсколько времени, потомъ, обращаясь къ обоимъ, говоритъ тихимъ, заглушаемымъ рыданіями, голосомъ):

О, свѣтъ очей — даръ неба драгоцѣнный!
Всѣ существа тобою лишь живутъ,
И каждое счастливое созданье —
Цвѣтокъ — и тотъ любуется на свѣтъ,
А для него повсюду вѣчный мракъ,
Повсюду ночь! Его не усладятъ
Зеленыя, цвѣтущія долины!
Онъ не увидитъ болѣе зари! ..
Что смерть? — ничто! но жить, не видя свѣта, —
Не значитъ жить! — Зачѣмъ же на меня
Вы смотрите съ участьемъ? — я не слѣпъ;
Но, ахъ! ни капли изъ потока свѣта,
Блестящаго, что въ очи мнѣ струится,
Я не могу несчастному отдать!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не уменьшить мнѣ должно скорбь твою,
Но увеличить. Знай, что у него
Намѣстникъ отнялъ все: ему остался
Одинъ лишъ посохъ, и несчастный старецъ,
И нагъ, и слѣпъ, теперь скитаться долженъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Одинъ лишъ посохъ бѣдному слѣпцу!
Лишенъ всего, и даже свѣта солнца,
Которымъ и бѣднякъ богатъ! Теперь

Никто ни слова мнѣ, чтобъ я скрывался!
Я, прѣзрѣнный, я о себѣ лишь думалъ,
Не о тебѣ, несчастный мой отецъ!
Тебя въ залогъ оставилъ я тирану!
Все кончено! Теперь я буду думать
О мщеньи лишь одномъ; — пойду къ нему —
Никто, никто меня не остановитъ, —
И у намѣстника потребую назадъ
Родительскихъ очей. — Я отыщу
Его въ толпѣ клевретовъ; отъ меня
Онъ не уйдетъ! мнѣ жизнь теперь ничто;
Я лишь хочу души моей страданье
Его злодѣйской кровью утолить!

(Хочетъ идти.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Остановись! тебѣ ли съ нимъ бороться?
Онъ въ Сарненѣ, въ своемъ высокомъ замкѣ, —
Ему не страшенъ гнѣвъ безсильный твой.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Хотя бъ онъ жилъ на ледяной вершинѣ
Шрекгорна, или выше, тамъ, гдѣ Юнгфрау
Покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, — и тогда
Къ нему дорогу проложилъ бы я.
Лишь двадцать юношей такихъ, какъ я —
И мы его разрушимъ замокъ. Если-жь
За мною не послѣдуетъ никто,
И если всѣ вы, за стада и домы
Страшась, преклонитесь подъ иго власти,
Тогда въ горахъ созову я пастуховъ,
И тамъ, подъ вольнымъ сводомъ неба, гдѣ
Духъ бодръ и свѣжъ и сердце въ чистотѣ,
Имъ разскажу объ ужасахъ злодѣйства.

ШТАУФФАХЕРЪ

(Вальтеру Фюрсту).

Созрѣло зло; мы подождемъ еще,
Коль будетъ хуже....

МЕЛЬХТАЛЬ.

Хуже? да чего же?
Чего-жъ еще намъ ждать, когда глаза, —
И тѣ у насъ самихъ не безопасны!
Мы-ль беззащитны? — Для чего-жъ насъ учатъ
Натягивать тугую тетиву,
Тяжелою сѣкирою владѣть?
Не каждому-ль животному дано
Въ отчаяньи орудье для защиты? —
Измученный олень, остервенясь,
Грозитъ собакамъ страшными рогами;
Коза охотника срываетъ въ бездну,
И даже волъ, смиренный рабъ людей,
Что выю гнетъ послушно подъ ярмо,
Разсвирѣпѣвъ, могучими рогами,
Кидаетъ въ воздухъ своего врага.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Когда бы наши три Кантона съ нами
Согласныхъ были мыслей, — о, тогда бы
Мы, можетъ быть, свершили что нибудь.

ШТАУФФАХЕРЪ.

На Ури зовъ — возстанетъ Унтервальденъ,
Возстанетъ Швицъ въ союзѣ тѣсномъ съ ними.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Есть въ Унтервальднѣ много у меня
Такихъ друзей, которые охотно
Прольютъ и кровь свою, была бы только
Подмога имъ. — Вы, мудрые отцы

Страны родной, — я юноша межъ вами,
И мнѣ при васъ молчать бы надлежало;
Пусть молодъ я и опытностью бѣденъ,
Но вы моихъ рѣчей не отвергайте....
Не молодая кровь кипитъ во мнѣ,
Меня влечетъ отчаянье, — оно
И въ камняхъ скалъ отыщетъ состраданье!
И вы, отцы, главы своихъ семействъ,
И вы себѣ желаете сыновъ
Достойныхъ, чтобъ власы сѣдые ваши
Отъ поруганья защищать могли;
О, если васъ еще не разорили,
И не теряли вы своихъ очей,
То не чуждайтеся и нашихъ бѣдъ —
Вѣдь и надъ вами мечъ виситъ тирана!
И вы, какъ мой отецъ, всегда старались
У Австріи владычество отнять,
А потому и вамъ страшиться должно,

ШТАУФФАХЕРЪ *(Вальтеру Фюрсту)*.

Рѣшитесь вы, — я слѣдую за вами.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Послушаемъ, что скажутъ господа,
Владѣтели Силлина, Аттингауза, —
Ихъ имя намъ друзей доставить можетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но чье, скажите, чье почтенѣй имя,
Чѣмъ ваши имена въ горахъ у насъ?
Народъ привыкъ ихъ слышать съ уваженьемъ,
Они въ странѣ имѣютъ вѣсъ большой.
Обширное отцевъ своихъ наслѣдье
Обогатили вы. Зачѣмъ же намъ
Звать рыцарей? Мы справимся одни;

Я думаю, безъ помощи другихъ
Себя мы храбро защитить съумѣемъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Вельможамъ не знакомы наши нужды....
Потокъ, бушуя въ низменныхъ мѣстахъ,
Еще пока не досягалъ вершины;
Но въ помощи намъ не откажутъ,
Когда мы всѣ возьмемся за оружье.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Когда бъ у насъ посредникъ былъ у трона,
Тогда бъ законъ и право мы нашли;
Но притѣснитель нашъ — самъ императоръ;
Онъ нашъ судья — такъ пусть Всевышній Самъ
Защитникомъ намъ будетъ. — Вы друзей
Сберите въ Швицѣ; въ Ури я сберу,
Но въ Унтервальденъ намъ кого бъ отправить?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Кого-жъ какъ не меня? — мнѣ ближе всѣхъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Я не хочу: ты гость мой, за твою
Свободу я отвѣтчикъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, пустите!
Я знаю всѣ ущелья, всѣ тропинки;
Да и друзей найду я тамъ довольно, —
Они меня сокроютъ отъ враговъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Пусть съ Богомъ онъ идетъ туда. Тамъ нѣтъ
Предателей: тамъ ненависть къ тирану
Такъ велика, что нѣтъ ему клевретовъ.
Да и Альцельнца мы пошлемъ туда же,
Собрать друзей и возмутить страну.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но какъ же намъ другъ другу вѣсть подать,
Чтобъ подозрѣнье обмануть тирана?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Сойтись мы можемъ въ Брунненѣ, иль въ Трейбѣ,
Гдѣ пристаютъ торговыя суда.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ, дѣйствовать открыто намъ не должно!
Вотъ что я думаю: отъ озера
Налѣво, гдѣ идетъ дорога въ Брунненъ.
Есть скрытая въ густомъ лѣсу долина, —
У пастуховъ она зовется Рютли.
На этомъ мѣстѣ сходятся границы

(Къ Мельхталю.)

Кантоновъ нашихъ. Въ легкомъ челнокѣ

(къ Штауффахеру.)

Изъ Швица вы какъ разъ туда домчитесь.
А мы ночной порой туда придемъ
На совѣщанье скрытою тропинкой.
Туда жъ мы можемъ привести съ собой
По десяти товарищей надежныхъ,
И сговорившись, съ помощію Божьей,
Немедленно начнемъ свои дѣла.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Пусть будетъ такъ. Теперь, друзья мои,
Соединимъ взаимно наши руки;
И какъ теперь мы трое здѣсь стоимъ
Сплетясь руками въ дружескомъ союзѣ, —
Такъ сединимъ на общую защиту
Мы наши три земли — на жизнь и смерть!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ И МЕЛЬХТАЛЬ.

На жизнь и смерть!

(Они, соединясь руками, молча стоятъ нѣсколько времени.)

МЕЛЬХТАЛЬ.

Отецъ, лишенный зрѣнья,
Ты не увидишь дня освобожденья;
Но ты услышишь, какъ съ вершинъ нагорныхъ
Подымутся сигнальные огни,
И съ грохотомъ падутъ твердыни гордыхъ,
Настанутъ намъ свободы вѣчной дни!
И вѣсть о томъ стрѣлой къ тебѣ домчится,
И ночь твоя днемъ яснымъ озарится!

(Они расходятся.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

—

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Замокъ барона Аттингаузена. Готическая зала, украшенная трофеями и шлемами.

БАРОНЪ, *85-ти-лѣтній старецъ, высокаго роста и благородной осанки, одѣтъ въ теплый шлафрокъ на мѣху, и держитъ посохъ съ охотничьимъ рогомъ вмѣсто набалдашника.* КУОНИ *и шесть служителей стоятъ вокругъ съ граблями и косами.* УЛЬРИХЪ ФОНЪ-РУДЕНЦЪ *входитъ въ рыцарскомъ одѣяніи.*

РУДЕНЦЪ.

Что вамъ угодно, дядюшка? я здѣсь.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Позволь сперва по древнему обычью
Съ вассалами напитокъ раздѣлить.

(Онъ пьетъ изъ кубка, и потомъ передаетъ его другимъ.)

Бывало въ поле самъ ходилъ я съ ними,
И самъ за ихъ работами смотрѣлъ,
Со знаменемъ на брань леталъ я съ ними;
Теперь мнѣ лишь дворецкимъ быть осталось,
И если солнце не придетъ ко мнѣ, —

То не могу идти за нимъ на горы.
И такъ, что день, то кругъ тѣснѣе мой,
Я движусь въ немъ все медленнѣй и тише.
Теперь я тѣнью сталъ своей, а скоро
Отъ тѣни той — останется лишь имя.

КУОНИ *(подавая Руденцу кубокъ)*.

Возьмите, рыцарь.

(Руденцъ медлитъ.)

Пейте; пусть у насъ
Одинъ сосудъ, одно и сердце будетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Ступайте, дѣти; вечеромъ ко мнѣ
Придете вы, — мы съ вами потолкуемъ.

(Вассалы уходятъ.)

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Я вижу, ты совсѣмъ ужъ снарядился:
Ты въ Альтдорфскій желаешь ѣхать замокъ?

РУДЕНЦЪ.

Да, дядюшка, и медлить мнѣ нельзя.

АТТИНГАУЗЕНЪ *(садясь)*.

Куда же ты спѣшишь? — Уже-ли юность
Твоя такъ временемъ скудна, что дядѣ
Не можешь ты минуты удѣлить?

РУДЕНЦЪ.

Я вижу, что вамъ нужды нѣтъ во мнѣ,
Что въ этомъ домѣ я какъ отчужденный.

АТТИНГАУЗЕНЪ

(пристально смотритъ на него нѣсколько времени).

Да, къ сожалѣнью, правда! край родной
Тебѣ давно сталъ чуждымъ! Ульрихъ, Ульрихъ!
Не узнаю тебя я болѣ. Весь въ шелку,
На головѣ павлиньи вѣютъ перья,

Плащъ бархатный накинутъ на плечо;
Съ презрѣніемъ ты смотришь на вассала, —
Тебя стыдитъ его привѣтъ радушный.

РУДЕНЦЪ.

Его почетъ ему я возвращаю;
Но право пусть останется при мнѣ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Вся сторона лежитъ подъ тяжкимъ гнѣвомъ
Властителя; у всѣхъ сердца печалью
Исполнены отъ злобнаго тиранства,
Что мы несемъ; — тебя лишь одного
Не трогаетъ общественное горе;
Лишь ты одинъ чуждаешься своихъ,
На сторонѣ враговъ земли родимой
Смѣешься надъ несчастіемъ народа;
Ты, преданный весельямъ, соревнуешь
Лишь милости владыкъ, тогда какъ здѣсь
Твоя отчизна страждетъ подъ ярмомъ.

РУДЕНЦЪ.

Отчизна подъ ярмомъ? Но отчего же?
Кто ввергъ ее въ подобное несчастье?
Одно лишь слово стоило сказать.
Чтобъ положить конецъ такому горю,
И гнѣвъ монарха измѣнить на милость.
Но горе тѣмъ, кто ослѣпилъ народъ
И отвратилъ его отъ лучшей доли!
Изъ собственной лишь выгоды они
Препятствуютъ, чтобъ наши города
Присягу дали Австріи, какъ всюду.
Имъ хорошо сидѣть въ своихъ помѣстьяхъ;
Они хотятъ монарха господиномъ
Имѣть, но съ тѣмъ, чтобъ быть безъ господина.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

И отъ тебя-ль я долженъ это слышать?

РУДЕНЦЪ.

Вы начали, позвольте кончить мнѣ.
Какую жъ роль играете вы сами?
Ужели въ васъ нѣтъ гордости, что вы
Хотите здѣсь владѣтельнымъ барономъ
Сидѣть и съ пастухами управлять?
Не лучше-ль, не славнѣе-ль будетъ выборъ
Державному властителю служить,
И при его дворѣ блестящемъ жить,
Чѣмъ здѣсь съ рабами только управляться,
И съ мужикомъ въ судѣ ихъ засѣдать?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Ахъ, Ульрихъ, Ульрихъ! вижу я, что голосъ
Прельстителей твой слухъ обворожилъ,
Твое онъ сердце ядомъ отравилъ!

РУДЕНЦЪ.

Да, я не скрою, горько было мнѣ
Сносить насмѣшки гордыхъ чужеземцевъ;
Я вынести ругательствъ ихъ не могъ.
Межъ тѣмъ какъ юноши летятъ отвсюду
За славою къ габсбу̀ргскимъ знаменамъ,
Я, праздный, здѣсь сижу въ своемъ наслѣдьи,
Въ занятіяхъ простыхъ теряю дни
Моей весны. Въ другихъ мѣстахъ дѣла
Великія свершаются; міръ славы
Тамъ движется, блистая, за горами; —
А у меня заржавѣлъ шлемъ и щитъ.
Ни стукъ мечей, ни звукъ трубы военной,
Не долетаютъ къ намъ въ долины; — здѣсь

Я слышу лишь пастушечьи напѣвы,
Да стадъ однообразные звонки.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Такъ! презирай отчизну, презирай, —
Слѣпецъ, мишурнымъ блескомъ завлеченный!
Стыдись ея обычаевъ священныхъ!
Но будетъ время — съ горькими слезами
Къ роднымъ горамъ стремиться будешь ты,
И самые напѣвы пастуховъ,
Которыми теперь пренебрегаешь,
Твой гордый духъ страданьемъ возмутятъ,
Когда ты ихъ услышишь на чужбинѣ.
О, въ насъ сильна любовь къ родному краю!
Не для тебя обманчивый тотъ міръ:
Тамъ, при дворѣ блестящемъ государя,
Ты будешь чуждымъ самому себѣ.
Въ томъ мірѣ нужны доблести не тѣ,
Какими здѣсь въ горахъ ты отличался.
Иди туда, продай свою свободу,
Возьми помѣстье, сдѣлайся рабомъ,
Когда не хочешь самъ быть господиномъ
И собственнымъ наслѣдьемъ управлять!
Ахъ, Ульрихъ! нѣтъ! останься лучше съ нами,
И не ходи въ Альтдорфъ!... Не покидай
Отечества въ опасности его!
Бездѣтенъ я, со мною пресѣчется
Мой древній родъ. Вотъ этотъ шлемъ и щитъ
Вы положить должны ко мнѣ въ могилу.
Ужели думать мнѣ въ послѣдній часъ,
Что ты лишь только ждешь моей кончины,
Чтобъ всѣ мои свободныя помѣстья,
Что Богъ мнѣ далъ, — отъ Австріи принять?

РУДЕНЦЪ.

Напрасно мы противимся монарху;
Ему покоренъ свѣтъ: ужели мы,
Одни съ своимъ упорствомъ своевольнымъ,
Возможемъ перервать ту цѣпь земель,
Которую вкругъ насъ обвелъ могучій?
Суды, дороги, рынки — все ему
Принадлежитъ, и даже табуны
Готтардскіе, — и съ тѣхъ беретъ онъ подать.
Мы заперты, опутаны, какъ сѣтью,
Со всѣхъ сторонъ владѣньями его.
И защититъ ли государство насъ? —
Оно себя оборонить не можетъ
Отъ сильной Австріи. — Когда самъ Богъ
Намъ помощь не пошлетъ, — какой король
Ее пошлетъ намъ? — Что̀ въ ихъ обѣщаньяхъ, —
Когда они, въ нуждѣ, за деньги могутъ
Всѣ города, прикрытые орломъ
Имперіи, продать и заложить?
Нѣтъ, дядюшка, умнѣй и лучше будетъ
Въ такія времена раздоровъ, стать
Подъ кровъ надежный сильнаго владыки.
Имперская корона переходитъ
Отъ рода къ роду, и для службы вѣрной
Нѣтъ памяти у ней. Но у монарха
Могучаго быть въ милости — все то же,
Что съ пользою посѣять.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Разсудилъ!...

Ты хочешь быть умнѣй своихъ отцевъ,
Которые свободу дорогую
Готовы были кровью искупить.

Ступай-ка въ Люцернъ, распроси-ка тамъ,
Какъ тягостно владычество Австрійцевъ:
Они и къ намъ придутъ, — овецъ и скотъ
Пересчитаютъ, Альпы размежуютъ,
Въ лѣсахъ свободныхъ запретятъ охоту,
Къ воротамъ нашимъ и къ мостамъ приставятъ
Свои шлагбаумы съ пошлиной, и будутъ
Обогощаться нашей нищетой,
И покупать сраженья нашей кровью.
Нѣтъ! если кровь свою намъ проливать,
Такъ лучше за себя, — сходнѣй тогда
Придется намъ свобода, чѣмъ неволя.

РУДЕНЦЪ.

Но что-жъ мы, пастухи, что можемъ сдѣлать
Альбертовымъ войскàмъ?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Дитя! узнай сперва
Ты этихъ пастуховъ, — тогда суди.
Я знаю ихъ: я ихъ водилъ на битвы,
Они при мнѣ сражались подъ Фавенцемъ.
Пусть ихъ придутъ, на насъ ярмо наложатъ,
Увидишь, какъ его мы понесемъ!
О, научись свой родъ и племя чтить!
И не бросай за блескъ пустой, мишурный,
Своей неложной, драгоцѣнной чести —
Главою быть свободнаго народа,
Который съ искренней къ тебѣ любовью
Довѣрчиво съ тобой пойдетъ на смерть.
Вотъ чѣмъ гордись! вотъ истинная слава!
Не расторгай родныхъ, священныхъ узъ,
Не оставляй своей отчизны милой,
Всѣмъ сердцемъ, всей душой къ ней прилѣпись!

Въ ней твердый корень силъ твоихъ хранится;
Но тамъ, въ странѣ чужой, ты одинокъ,
Какъ тонкій прутъ сломаешься отъ бури.
О, возвратись въ объятія своихъ!
Одинъ лишь день намъ подари, лишь нынче
Не ѣзди въ Альтдорфъ! слышишь? Только нынче;
Останься съ нами только въ этотъ день!

(Беретъ его руку.)

РУДЕНЦЪ.

Я слово далъ, — пустите, — имъ я связанъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ

(оставляетъ его руку).

Ты связанъ? Да, ты связанъ, злополучный!
Не словомъ данным и не клятвой; — нѣтъ!
Любовныя тебя связали узы.

(Руденцъ отворачивается.)

Скрывай свое лицо. Я знаю все:
Тебя плѣнила Берта фонъ Брунѐкъ, —
Она тебя влечетъ къ имперской службѣ.
Достать себѣ невѣсту хочешь ты
Измѣною отчизнѣ? — Ты въ обманѣ!
Невѣстою они те я желаютъ
Лишь приманить, — она-жь не для тебя.

РУДЕНЦЪ.

Я слышалъ ужь довольно. До свиданья!

(Уходитъ.)

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Остановись, безумецъ! Онъ ушелъ!
И удержать, спасти его нельзя мнѣ!
Вотъ такъ отпалъ отъ насъ и Вольфеншисенъ, —
Такъ и другіе отпадутъ! — ихъ всѣхъ
Насильственно влечетъ очарованье —

Туда, за горы, въ незнакомый край.
О, злополучный часъ, когда чужіе
Пришли въ сіи счастливыя долины
Нарушить мирныхъ нравовъ простоту!
Все новое втѣсняется сильнѣй,
Все древнее, почтенное отходитъ,
И времена, и мысли — все другое!
Зачѣмъ же я живу? — давно въ могилѣ
Всѣ тѣ, съ которыми я вмѣстѣ жилъ
Мой вѣкъ — земля покрыла; счастливъ тотъ,
Кто жить не долженъ съ новымъ поколѣньемъ!

(Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Долина, окруженная высокими скалами и лѣсомъ. На скалахъ проложены тропинки со ступенями, по коимъ сходятъ поселяне. Въ глубинѣ сцены видно озеро, надъ нимъ лунная радуга. Даль представляетъ перспективу высокихъ горъ, изъ-за которыхъ видны еще высочайшія снѣжныя горы. Темная ночь; только озеро и ледники блестятъ, освѣщенныя луною.

МЕЛЬХТАЛЬ, БАУМГАРТЕНЪ, ВИНКЕЛЬРИДЪ, МЕЙЕРЪ САРНЕНЪ, БУРКГАРДЪ БЮХЕЛЬ, АРНОЛЬДЪ СЕВА, КЛАУСЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ *и еще четыре поселянина; всѣ вооружены.*

МЕЛЬХТАЛЬ *(за сценою).*

Вотъ горная тропа! за мной ступайте!
Теперь узналъ и скалы я и крестъ;
На мѣстѣ мы, — здѣсь Рютли.

(Выходятъ съ факелами.)

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Чу! послушай!

СЕВА.

Все тихо.

МЕЙЕРЪ.

Ни души! мы прежде всѣхъ
Сюда пришли; мы, Унтервальденцы!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Что? чай ужь поздно?

БАУМГАРТЕНЪ.

Сторожъ въ Селисбергѣ
Два прокричалъ еще не такъ давно.

(Вдали слышенъ звонъ.)

МЕЙЕРЪ.

Чу! слышите?

БЮХЕЛЬ.

А, это тамъ, въ часовнѣ,
За озеромъ къ заутрени звонятъ.

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Чистъ воздухъ, — онъ далеко звукъ несетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Подите кто нибудь, зажгите хворостъ,
Чтобъ онъ горѣлъ, когда придутъ друзья.

(Двое поселянъ уходятъ.)

СЕВА.

Ночь лунная прекрасна; неподвижно,
Какъ зеркало, тамъ озеро лежитъ.

БЮХЕЛЬ.

Тѣмъ легче будетъ плыть имъ.

ВИНКЕЛЬРИДЪ *(показывая на озеро)*.

Ахъ! смотрите!
Смотрите-ка туда!

МЕЙЕРЪ.

Ну, что же тамъ?
Ахъ, въ самомъ дѣлѣ — радуга! — и ночью!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Свѣтъ мѣсяца ее образовалъ.

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Вотъ рѣдкое, чудесное явленье!
Иной умретъ, такого не видавъ.

СЕВА.

Надъ ней еще другая, поблѣднѣе.

БАУМГАРТЕНЪ.

Но вотъ теперь вдали видна ладья.

МЕЛЬХТАЛЬ.

То Штауффахеръ плыветъ. Старикъ почтенный;
Онъ не заставилъ долго ждать себя!

(Идетъ съ Баумгартеномъ къ берегу.)

МЕЙЕРЪ.

Да вотъ изъ Ури только что-то медлятъ.

БЮХЕЛЬ.

Нельзя жъ, — имъ по горамъ далекъ обходъ,
Чтобъ не сойтись съ разсыльными Ландфогта.

(Между тѣмъ два поселянина среди сцены разложили огонь.)

МЕЛЬХТАЛЬ *(у берега)*.

Кто тамъ? Скажите!

ШТАУФФАХЕРЪ *(снизу)*.

Все друзья страны.

(Всѣ уходятъ въ глубину сцены встрѣтить прибывшихъ. Изъ лодки выходятъ: Штауффахеръ, Итель Рединг, Гансъ Мауеръ, Іоргъ Гофъ, Конрадъ Хунъ, Ульрихъ Шмидъ, Іостъ Вейлеръ и еще три поселянина, также вооруженные.)

ВСѢ

Здорово.

(Между тѣмъ, какъ другіе остаются въ глубинѣ сцены, и привѣтствуютъ другъ друга, Мельхталь и Штауффахеръ выходятъ впередъ.)

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, Штауффахеръ! видѣлъ я
Того, кто на меня глядѣть не можетъ!
Къ его очамъ прикладывалъ я руку,
И изъ его лишенныхъ свѣта взоровъ
Я мщеніе кровавое вкусилъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не говори о мщеньи. Не отмщать,
Но встрѣтить зло грозящее должны мы.
Скажи теперь, какъ въ Унтервальднѣ ты
Устроилъ все? Нашелъ ли тамъ друзей?
Что думаютъ объ этомъ поселяне?
Какъ самъ ты спасся отъ сѣтей измѣны?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Черезъ Суренна грозныя вершины,
По ледянымъ полямъ необозримымъ,
Гдѣ только слышенъ хриплый крикъ орловъ,
Дошелъ я до Альпійскихъ паствъ, куда
Изъ Ури пастухи и съ Энгельберга
Свои стада гоняютъ совокупно.
Я жажду утолялъ свою водой,
Струящейся изъ ледниковъ въ лощины;
Я въ хижины пустыя заходилъ
Хозяиномъ и гостемъ, — наконецъ,
Достигъ жилищъ людей гостепріимныхъ.
Ужь разнеслась въ долинахъ этихъ вѣсть
О новыхъ здѣсь свершившихся злодѣйствахъ;
Мое несчастье доставляло мнѣ

У всѣхъ дверей привѣтъ и уваженье.
И я нашелъ, что всѣ и здѣсь равно
На новое правленье негодуютъ.
Какъ Альпы ихъ всегда, изъ года въ годъ,
Одни и тѣжъ растенія питаютъ,
Какъ ихъ ручьи текутъ однообразно,
Какъ облака и даже вѣтры ихъ
Летятъ своей стезею неизмѣнной —
Такъ неизмѣнно нравы старины
Отъ предковъ здѣсь къ потомкамъ перешли.
Они не терпятъ дерзкой новизны
Въ ходу своей однообразной жизни.
Они съ радушіемъ мнѣ жали руки,
Со стѣнъ снимали ржавые мечи,
И въ ихъ глазахъ горѣлъ огонь отваги,
Когда я произнесъ имъ имена,
Священныя для нашихъ поселянъ,
Твое и Вальтеръ Фюрста; и они
Клялись исполнить все, что вы велите, —
Клялись за вами слѣдовать на смерть.
Такъ я, изъ дома въ домъ, ходилъ подъ кровомъ
Священнаго гостепріимства правъ,
И такъ пришелъ въ родимую долину,
Гдѣ много у меня живетъ родныхъ,
Нашелъ отца, слѣпаго, въ нищетѣ,
И на чужой соломѣ, что ему
Изъ состраданья подостлали....

ШТАУФФАХЕРЪ.

Боже!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но я не плакалъ; не хотѣлъ въ ничтожныхъ
Слезахъ излить тоски моей ужасной;

Ее въ груди своей, какъ драгоцѣнность,
Я схоронилъ, и думалъ лишь о дѣлѣ.
Я проникалъ во всѣ ущелья горъ,
Я проходилъ всѣ скрытыя долины,
И у подошвы вѣчныхъ ледниковъ
Я посѣтилъ смиренныя жилища.
Куда свои стопы ни направлялъ,
Вездѣ я видѣлъ ненависть къ тиранству,
И даже тамъ, на рубежѣ творенья,
Гдѣ ничего земля не производитъ
Для жадности враговъ, — и даже тамъ
Я возбудилъ къ возстанію народъ.
Онъ нашъ теперь и сердцемъ, и душею!...

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты много сдѣлалъ въ столь короткій срокъ!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Я сдѣлалъ больше. Эти двѣ твердыни,
Росбергъ и Сарненъ, страшные для всѣхъ,
Гдѣ, скрытые за стѣнами, враги
Сидятъ, для насъ выдумывая ковы,
Хотѣлъ своими видѣть я глазами:
Я въ Сарнѣ былъ и замокъ осмотрѣлъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И ты посмѣлъ войти въ пещеру тигра?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Въ одеждѣ пилигрима я тамъ былъ;
Я видѣлъ тамъ Ландфогта за обѣдомъ.
Судите же, могу-ль собой владѣть я: —
Врага я видѣлъ тамъ — и не убилъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ну! счастье помогло твоей отвагѣ!

(Между тѣмъ прочіе поселяне приближаются.)

Теперь скажи мнѣ, кто твои друзья,
Которыхъ ты сюда привелъ съ собою?
Дай ихъ узнать, чтобъ мы могли другъ другу
Довѣрчиво сердца свои открыть.

МЕЙЕРЪ.

Кто насъ не знаетъ въ нашихъ трехъ кантонахъ?
Я называюсь Мейеромъ изъ Сарна,
А вотъ племянникъ мой, Струтъ Винкельридъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты имя мнѣ знакомое сказалъ:
Былъ Винкельридъ, который умертвилъ
Дракона въ вейлерскихъ болотахъ, — и
Самъ палъ въ бою.

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

То былъ мой предокъ, Вернеръ.

МЕЛЬХТАЛЬ

(показывая на двухъ поселянъ).

Вотъ эти за̀ лѣсомъ живутъ, — они
Церковные вассалы Энгельберга;
Но вы не презирайте ихъ за то,
Что нѣтъ у нихъ наслѣдья, какъ у насъ, —
Они отчизну любятъ.

ШТАУФФАХЕРЪ *(къ обоимъ).*

Дайте руку!
Счастливъ, кто независимъ отъ другаго,
Свободенъ на своей землѣ, — но честность
Во всякомъ званіи имѣетъ цѣну.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

Вотъ Рединтъ, нашъ старинный Ландаманъ.

МЕЙЕРЪ.

Его я знаю! онъ соперникъ мой:
У насъ съ нимъ тяжба объ одномъ участкѣ.

Да, Рединтъ, мы враги передъ судомъ,
Но здѣсь товарищи.

(Жметъ его руку.)

ШТАУФФАХЕРЪ.

Умно сказалъ!

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Они идутъ! чу! слышите рогъ Ури?

(Справа и слѣва по скаламъ входятъ вооруженные люди, съ факелами въ рукахъ.)

МАУЕРЪ.

Вонъ съ ними и служитель алтаря,
Почтенный ихъ священникъ; не смотря
На трудный путь и ночи мракъ, идетъ онъ,
Какъ вѣрный пастырь, стадо сохранять.

БАУМГАРТЕНЪ.

Съ нимъ Петерманъ идетъ и Вальтеръ Фюрстъ;
Но Телля я не вижу между ними.

(Вальтеръ Фюрстъ, Рессельманъ (пасторъ), Петерманъ (кистеръ), Куони, Верни, Руоди и еще пятеро поселянъ. Всѣ, числомъ тридцать три, становятся вкругъ огня.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

И такъ, на собственномъ своемъ наслѣдьи,
На отческой землѣ должны мы тайно
Сходиться здѣсь, какъ будто бы убійцы!
И въ ночь, подъ черной мрака пеленой,
Который лишь преступникамъ пріятенъ,
Должны свои права мы защищать,
Когда они и чисты, и свѣтлы,
Какъ солнца свѣтъ въ безоблачной лазури.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, нужды нѣтъ.... Что ночи мракъ посѣетъ,
То днемъ къ свободѣ, къ радости созрѣетъ.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Послушайте, что мнѣ внушилъ Господь:
Мы составляемъ общество сограждан,
И здѣсь за весь народъ имѣемъ голосъ;
Приступимъ же теперь мы къ совѣщанью
По древнему обычаю земли.
Чего-жъ не достаетъ въ собраньѣ нашемъ,
То обстоятельства намъ извинятъ;
Господь вездѣ, гдѣ правый судъ творится,
Не подъ Его ли небомъ мы стоимъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ! мы поступимъ, какъ велитъ обычай;
Хоть ночь теперь, но свѣтло наше право.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не полны мы числомъ, да сердце здѣсь
Всего народа: лучшіе при насъ.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

Хоть нѣтъ при насъ старинныхъ нашихъ книгъ,
Но мы въ сердцахъ хранимъ ихъ начертанье.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

И такъ, друзья, составимъ кругъ теперь.
Вонзите въ землю мечъ — орудье власти!

МАУЕРЪ.

Пусть Ландамманъ займетъ въ срединѣ мѣсто,
А мы всѣ станемъ по бокамъ его.

ПЕТЕРМАНЪ.

Здѣсь три народа, — такъ кого жъ изъ нихъ
Мы изберемъ главою быть надъ нами?

МЕЙЕРЪ.

Пусть съ Ури Швицъ объ этомъ соревнуетъ:
Имъ Унтервальденъ уступить готовъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да, онъ готовъ имъ уступить! Онъ проситъ
О помощи друзей своихъ могучихъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ пусть же Ури мечъ возьметъ: въ походахъ
Его хоругвь несется впереди.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ! этой чести Швицъ одинъ достоинъ:
Мы всѣ гордимся племенемъ его.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Я разрѣшу вашъ благородный споръ:
Въ совѣтѣ Швицъ, въ войнѣ пусть Ури правитъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(подаетъ Штауффахеру мечъ).

Возьмите.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Нѣтъ! здѣсь старше есть меня.

ГОФЪ.

Здѣсь старше всѣхъ годами Ульрихъ Шмидъ.

МАУЕРЪ.

Онъ храбръ, но онъ вассалъ, — и потому
Судьею въ Швицѣ быть нельзя ему.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но вотъ нашъ Рединтъ, Ландаманъ старинный —
Кого же лучше намъ еще искать?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Пусть будетъ онъ Аманомъ и главою!
Согласенъ кто, тотъ руку подыми.

(Всѣ подымаютъ правую руку.)

РЕДИНГЪ.

Нельзя руки мнѣ положить на книги,

Но вѣчными свѣтилами клянусь,
Что никогда не удалюсь отъ правды.

(Предъ нимъ вонзаютъ два меча; всѣ составляютъ кругъ: Швицъ занимаетъ средину, Ури — правую, а Унтервальденъ — лѣвую сторону. Рединг стоитъ опершись на мечъ.)

РЕДИНГЪ.

Скажите мнѣ, зачѣмъ, покинувъ горы,
Три племени въ полночный часъ пришли
Сюда, на берегъ озера пустынный?
Какой предметъ ихъ новаго союза,
Который здѣсь подъ небомъ заключаютъ?

ШТАУФФАХЕРЪ

(входитъ въ кругъ).

Союзъ не новый заключаемъ мы,
Но древній, нашихъ предковъ, мы теперь
Возобновить желаемъ. Знайте, братья,
Хоть воды насъ и горы раздѣляютъ,
И хоть у насъ и разное правленье,
Но родъ у насъ одинъ и кровь одна,
И насъ одно отечество вскормило.

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Такъ правда, что поется въ нашихъ пѣсняхъ,
Что мы сюда издалека пришли?
О, разскажите намъ, какъ это было,
Чтобъ старымъ новый подкрѣпить союзъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Вотъ какъ о томъ разсказываютъ старцы:
Жилъ нѣкогда на сѣверѣ далекомъ
Большой народъ; насталъ тяжелый годъ,
Все вздорожало, и рѣшились люди,
Чтобы изъ нихъ, по жребію, десятый
Оставилъ край родной; — такъ и сбылось.

*

И вотъ печально побрела толпа
Мужчинъ и женъ на полдень, пробивая
Себѣ мечемъ сквозь землю Нѣмцевъ путь,
Пока достигла этихъ горъ лѣсистыхъ.
Все шли они впередъ, и, наконецъ,
Пришли къ долинѣ дикой, гдѣ теперь
Течетъ Муотта въ берегахъ зеленыхъ.
Тутъ не было и слѣда человѣка,
Лишь хижина у берега стояла,
Да лодочникъ сидѣлъ для перевоза;
Но озеро такъ сильно волновалось,
Что плыть нельзя имъ было; осмотрѣвъ
Весь этотъ край, замѣтили они,
Что онъ богатъ и лѣсомъ, и водою,
И имъ казалось, что они нашли
Опять свою отчизну дорогую.
Тогда рѣшились здѣсь они остаться,
Построили селенье Швицъ, и много
Тяжелыхъ дней трудились, вырывая
Деревья съ ихъ вѣтвистыми корнями.
Потомъ, когда размножилось число ихъ,
И тѣсно стало имъ, тогда они
Подвинулись до Черныхъ горъ, и даже
До Вейсланда, гдѣ, за громадой льдовъ,
Живетъ другой народъ съ другою рѣчью.
Мѣстечко Станцъ построили въ Кернвальдѣ,
Мѣстечко Альтдорфъ на долинѣ Рейсъ.
Но памятенъ ихъ родъ всегда остался;
Отъ всѣхъ чужихъ племенъ, которымъ послѣ
Пришлось у нихъ въ долинахъ поселиться,
Швейцарцевъ можно отличить какъ разъ:
Въ нихъ благородны и сердца, и кровь!

МАУЕРЪ.

Да! въ насъ одна и кровь, одно и сердце!

ВСѢ *(простирая другъ къ другу руки).*

Мы, какъ одинъ народъ, согласны будемъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Другіе чуждое несутъ ярмо;
Они всѣ сами сильнымъ покорились;
Такихъ рабовъ и въ нашей сторонѣ
Найдется много, — всѣ они въ неволѣ,
И рабство ихъ наслѣдуютъ и дѣти.
Но мы, потомки славнаго народа,
Мы завсегда свободу сохраняли,
Предъ королемъ колѣнъ не преклоняли,
И добровольно стали подъ покровъ
Имперіи.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Да! сами мы себѣ
Ея покровъ избрали. Такъ стоитъ
Въ письмѣ, что далъ намъ императоръ Фридрихъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но и свободные не безначальны.
Начальникъ долженъ быть, судья верховный,
Къ кому бъ мы въ распряхъ прибѣгать могли,
И потому-то предки наши сами,
За землю, на которой поселились,
Просили Цесаря, какъ властелина
Всѣхъ италійскихъ и германскихъ странъ,
Чтобъ онъ и ихъ подъ свой покровъ принялъ,
И обѣщались быть ему всегда
Союзниками въ войнахъ: вотъ одна лишь
Обязанность свободныхъ — защищать
Имперію, защитницу свою.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Все лишнее ужь будетъ признакъ рабства.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Они, когда настало время смутъ,
Подъ знаменами Австріи сражались.
Въ Италію ходили возлагать
На короля имперскую корону;
А дома сами правили собой
По собственнымъ законамъ и обрядамъ.
Самъ императоръ лишь убійцъ судилъ,
И для того назначенъ былъ имъ графъ,
Который жилъ однакожъ не у насъ:
Онъ пріѣзжалъ по случаю убійства,
И просто, ясно, подъ открытымъ небомъ,
Судъ изрекалъ правдивый, безъ боязни.
Ну есть ли тутъ слѣды какого рабства?
Кто думаетъ инàче, тотъ скажи!

ГОФЪ.

Нѣтъ, все то правда, что сказали вы:
Мы никогда насилія не знали.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы и монарху даже отказали,
Въ правахъ имъ данныхъ въ пользу духовенства.
Когда монахи завладѣть хотѣли
Горами, на которыхъ мы издавна
Пасемъ свои стада, когда аббатъ
Прислалъ сюда имперское письмо,
По коему ему дарились земли,
Гдѣ не было владѣтелей, какъ будто
Никто не зналъ, что мы здѣсь обитаемъ;
Тогда сказали мы: «Король не можетъ
«Дарить того, что наше; если-жь намъ

«Въ правахъ законныхъ Австрія откажетъ,
«Мы обойдемся безъ нея въ горахъ.»
Вотъ какъ сказали предки наши! Намъ ли
Терпѣть безчестье новаго ярма?
Отъ чуждаго вассала то сносить,
Къ чему не могъ принудить насъ монархъ?
Мы сами землю создали себѣ,
Своей рукой мы древнія дубравы,
Съ пустынными берлогами звѣрей,
Въ жилища человѣка превратили;
Мы извели драконовъ хищныхъ племя,
Которыхъ ядъ болота заражалъ:
Мы разогнали облака тумановъ,
Висѣвшія надъ этою пустыней,
Разбили скалы, провели надъ бездной
Для путниковъ удобныя дороги:
Нашъ этотъ край! — мы имъ вѣка владѣемъ,
И чтобъ посмѣлъ чужой вассалъ явиться
Сюда и намъ оковами грозить,
И насъ позорить на родной землѣ!...
Да развѣ мы не можемъ защищаться?

(Сильное волненіе между поселянами.)

Нѣтъ! долженъ быть насилію предѣлъ!
Коль угнетенный права не находитъ,
Коль для него несносно стало бремя,
Тогда онъ смѣло къ Небу обратись:
Тамъ всѣ свои права отыщетъ онъ,
Тамъ всѣ онѣ, какъ вѣчныя свѣтила,
Ненарушимы, тверды, неизмѣнны!
Тогда опять то время возвратится,
Гдѣ человѣкъ стоялъ предъ человѣкомъ.
Когда ничто помочь ему не можетъ,

Тогда ему остался — острый мечъ.
Свое добро должны мы защищать —
Мы возстаемъ за милую отчизну,
Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

ВСѢ

(ударяя по мечамъ).

Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

РЕССЕЛЬМАНЪ

(входитъ въ кругъ).

Но прежде, чѣмъ возьметесь за мечи,
Подумайте, что вамъ осталось средство
Съ монархомъ дѣло мирно заключить.
Одно лишь слово стòитъ вамъ сказать,
И притѣснители ласкать васъ будутъ.
Исполните, что предлагали вамъ:
Имперіи присягу принесите.

МАУЕРЪ.

Что онъ сказалъ? Чтобъ присягнули мы?

БЮХЕЛЬ.

Не слушайте его!

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Такъ говоритъ
Одинъ измѣнникъ, врагъ страны!

РЕДИНГЪ.

Молчите,
Союзники!

СЕВА.

Чтобъ мы, за притѣсненья,
Австрійцамъ присягнули? — Никогда!

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Ужели мы насилью то уступимъ,
Въ чемъ ласкамъ отказали?

МЕЙЕРЪ.

О, тогда
Мы стоили-бъ рабами быть навѣки!

МАУЕРЪ.

Пусть потеряетъ всѣ права Швейцарца
Тотъ, кто впередъ намъ скажетъ о присягѣ!
Ландàмманъ я стою на томъ, чтобъ это
Закономъ первымъ было между нами.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да! кто впередъ намъ скажетъ о присягѣ,
Тотъ долженъ правъ и почестей лишиться,
И чтобъ его никто къ себѣ не принялъ.

ВСѢ

(подымаютъ правую руку).

Да! мы хотимъ, чтобъ было то закономъ!

РЕДИНГЪ

(послѣ краткаго молчанія).

Да будетъ такъ!

РЕССЕЛЬМАНЪ.

И вотъ, друзья, теперь
Свободны вы — чрезъ этотъ лишь законъ.
И не получитъ Австрія то силой,
Чего не получила дружелюбно!

ІОСТЪ ВЕЙЛЕРЪ.

Теперь приступимъ къ дѣлу!

РЕДИНГЪ.

Но скажите,
Союзники, испытаны-ль всѣ средства?
Быть можетъ, самъ король того не знаетъ,
Что терпимъ мы? съ его-ль соизволенья?
Мы все должны узнать и испытать;
Сперва пошлемъ мы жалобу къ нему,

Откажетъ онъ, — тогда за мечъ возьмемся.
Хоть право наше дѣло, но всегда
Насиліе ужасно, и Господь
Тогда лишь намъ защиту посылаетъ,
Когда защиты нѣтъ отъ человѣка.

ШТАУФФАХЕРЪ *(Конраду Хуну)*.

Теперь скажи намъ, что̀ тебѣ извѣстно.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

Я ѣздилъ въ Рейнфельдъ, въ замокъ королевскій,
Чтобъ на Ландфогтовъ жалобу принесть,
И испросить у новаго монарха
Возобновленья древнихъ нашихъ льготъ.
Тамъ депутатовъ много я увидѣлъ
Изъ Швабіи и съ Рейнскихъ береговъ;
И всѣ они свои достали льготы,
И весело въ отчизну возвращались.
А я, вашъ депутатъ, въ совѣтъ былъ призванъ,
И тамъ сказали мнѣ: «Нашъ императоръ
Теперь дѣлами занятъ; но онъ вспомнитъ
Объ васъ когда нибудь, въ другое время.»
Тогда, печальный, я пошелъ отъ нихъ,
И проходя по заламъ королевскимъ,
Вдругъ вижу герцогъ Іоаннъ стоитъ,
И слезы на глазахъ его, при немъ
Тутъ были Вартъ и Тегерфельдъ; — они
Позвавъ меня, сказали мнѣ: «Надѣйтесь
«Лишь сами на себя, а отъ монарха
«Не ждите справедливости: не онъ ли
«У своего племянника роднаго
«Отцовское наслѣдье отнимаетъ?
«Вотъ герцогъ ужь теперь въ годахъ, и самъ
«Своей землей законно можетъ править; —

«Онъ сталъ просить родительскихъ владѣній
«У короля, и что же онъ отвѣтилъ?
«Онъ на него вѣнокъ надѣлъ, сказавъ:
«Пусть будетъ это юности уборомъ.»

МАУЕРЪ.

Вы слышали? Мы права не отыщемъ
У короля. Надѣйтесь на себя!

РЕДИНГЪ.

Намъ больше ничего не остается.
Рѣшимъ теперь, какъ дѣло намъ вести.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(входитъ въ кругъ).

Мы наше иго сбросить лишь хотимъ
И сохранить старинныя права,
Которыя намъ предки завѣщали;
Но новыхъ правъ искать мы не должны,
Монаршее — монарху пусть воздастся.
Кто здѣсь изъ васъ имѣетъ господина?

МЕЙЕРЪ.

Отъ Австріи арендой я владѣю.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ продолжай платить ей, что обязанъ.

ІОСТЪ ВЕЙЛЕРЪ.

Я Рапперсвейлю подати плачу.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ продолжай платить ихъ, какъ и прежде.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Я цирихской обители присяжный.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Церковное ты церкви отдавай.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мои аренды далъ мнѣ императоръ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Все дѣлайте, что должно, но не больше;
Мы лишь хотимъ намѣстниковъ изгнать
И замки ихъ разрушить; но замѣтьте,
Безъ крови, если можно. Пусть увидитъ
Нашъ императоръ, что одна нужда
Велѣла намъ къ насилію прибѣгнуть.
И если мы останемся въ границахъ,
Онъ укротитъ свой гнѣвъ благоразумно.
Тотъ страшенъ болѣе народъ, который
Смиряется съ оружіемъ въ рукахъ.

РЕДИНГЪ.

Но какъ же мы начатое покончимъ?
Враги не безоружны, и навѣрно
Не захотятъ безъ боя уступить.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Они уступятъ, если насъ увидятъ
Съ оружіемъ; мы ихъ въ-расплохъ застанемъ.

МЕЙЕРЪ.

Сказать легко, да сдѣлать это трудно:
У насъ въ землѣ двѣ крѣпости стоятъ,
Въ нихъ безопасенъ врагъ, и намъ не взять ихъ,
Когда король сюда прибудетъ съ войскомъ;
Росбергъ и Сарненъ взять намъ должно прежде,
Пока нигдѣ мечей не обнажили.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не медлите, чтобъ врагъ не остерегся;
Участниковъ такъ много въ нашей тайнѣ.

МЕЙЕРЪ.

Измѣнника межъ нами не найдется.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Но и усердье лишнее вредитъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но если будемъ медлить, то въ Альтдорфѣ
Отстроится темница, и намѣстникъ
Въ ней укрѣпится.

МЕЙЕРЪ.

Вы лишь о себѣ
Хотите думать.

ПЕТЕРМАНЪ.

Вы несправедливы.

МЕЙЕРЪ *(вспыльчиво)*.

Несправедливы? мы? и Ури-ль можетъ
Такъ говоритъ намъ!

РЕДИНГЪ.

Тише, замолчите,
Во имя вашей клятвы!

МЕЙЕРЪ.

Да, придется
Намъ замолчать, когда и Швицъ за Ури!

РЕДИНГЪ.

Тебя я долженъ обвинить предъ всѣми.
Ты вспыльчивостью нарушаешь миръ.
Мы развѣ всѣ не за одно стоимъ?

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Не отложить ли намъ до Рождества,
Когда мы всѣ должны по обычаю
Къ намѣстнику нести подарки въ замокъ?
Тогда бъ, безъ подозрѣнья, человѣкъ
Двѣнадцать въ домъ къ нему войти могли бы,
Свои кинжалы въ посохахъ сокрывъ,
За тѣмъ, что въ замокъ никого не впустятъ
Съ оружіемъ. — Другая же толпа
Пусть будетъ на-готовѣ въ ближнемъ лѣсѣ.

Когда же тѣ счастливо завладѣютъ
Воротами, — тогда затрубятъ въ рогъ,
И эти къ нимъ нахлынутъ изъ засады,
И замокъ покорится намъ легко.

МЕЛЬХТАЛЬ.

А въ Росбергъ я могу проникнуть, — тамъ
Есть дѣвушка, которая со мною
Дружна, и согласится безъ хлопотъ
Мнѣ для свиданья лѣстницу спустить;
Взберусь по ней, — друзья во слѣдъ за мною!

РЕДИНГЪ.

Что, всѣ-ль хотятъ отсрочки? объявите!

(Большая часть подымаютъ руки.)

ШТАУФФАХЕРЪ *(считая голоса)*.

Всѣхъ двадцать ихъ противъ двѣнадцати.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

И если въ день назначенный падутъ
Всѣ замки, — мы огнями на горахъ
Къ возстанію сигналы подадимъ,
И вся страна возьмется за оружье.
Тогда, повѣрьте, ни одинъ намѣстникъ
Сразиться не посмѣетъ, и отсюда
Скорѣе удалиться поспѣшитъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Меня страшитъ лишь Геслера упорство:
Онъ окруженъ своею грозной стражей,
И не уступитъ безъ кровопролитья.
Онъ даже изгнанный ужасенъ будетъ, —
Щадить его и трудно, и опасно.

БАУМГАРТЕНЪ.

Меня туда, гдѣ болѣе опасность!
Я жизнь свою, спасенную мнѣ Теллемъ,

Съ охотою за родину отдамъ,
За честь отмщу и сердце успокою.

РЕДИНГЪ.

Свершится все! Съ терпѣньемъ ожидайте;
Что быть должно̀, то будетъ непремѣнно
Но вотъ, межъ тѣмъ, какъ ночь мы здѣсь проводимъ,
На высотахъ ужь утро занялось
Блестящее; — теперь мы разойдемся,
Чтобъ не застало насъ свѣтило дня.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, — изъ долинъ ночь медленно уходитъ.

(Всѣ невольно снимаютъ шляпы, и въ тишинѣ смотрятъ на зарю.)

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Теперь, друзья, при первомъ свѣтѣ дня,
Который насъ привѣтствуетъ, когда
Еще во мракѣ дремлютъ горожане,
Мы клятвою нашъ подтвердимъ союзъ.
Отнынѣ будемъ мы народомъ братій,
Ни въ горѣ, ни въ бѣдѣ не разлучимся.

(Всѣ повторяютъ, поднявъ три перста.)

Свободны будемъ мы, какъ наши дѣды,
И лучше примемъ смерть, чѣмъ жить въ неволѣ.

(Всѣ повторяютъ.)

На Господа возложимъ упованье,
И крѣпости людской не убоимся.

(Всѣ повторяютъ. Поселяне обнимаются.)

ШТАУФФАХЕРЪ.

Теперь пусть каждый мирно возвратится
Своей дорогой къ ближнимъ и друзьямъ.
Пастухъ свои стада пусть выгоняетъ,
И въ тишинѣ для нашего союза

Товарищей сбираетъ. — Мы потерпимъ
До времени, — пусть нарастаетъ нашъ
Расчетъ съ тираномъ; но настанетъ день,
И мы заразъ весь долгъ ему отплатимъ.
Смиряйте же правдивый гнѣвъ въ себѣ,
Для цѣлаго свое храните мщенье;
И хищникъ тотъ въ общественномъ добрѣ,
Кто за свое лишь возстаетъ имѣнье!

(Между тѣмъ, какъ они тихо расходятся въ разныя стороны, торжественно гремитъ оркестръ; пустая сцена остается нѣсколько времени открытою; видны первые лучи солнца, позлащающіе снѣжныя вершины горъ.)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дворъ дома Телля.

ТЕЛЛЬ *плотничаетъ;* ГЕДВИГА *занята домашнею работою.* ВАЛЬТЕРЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ, *дѣти ихъ, въ глубинѣ сцены играютъ маленькимъ лукомъ.*

ВАЛЬТЕРЪ *(поетъ).*

Съ лукомъ гибкимъ, со стрѣлою,
Чуть зардѣется востокъ,
Скользкой горною стезею
Ходитъ весело стрѣлокъ.

Какъ въ заоблачныхъ вершинахъ
Коршунъ царствуетъ одинъ,
Такъ и онъ въ горахъ, въ долинахъ,
Самовластный господинъ.

Далью онъ лишь обладаетъ,
Мѣтокъ стрѣлъ его полетъ,
Все, что скачетъ и летаетъ,
Онъ добычею беретъ.

(Подбѣгаетъ къ отцу.)

Ахъ! у меня порвалась тетива;
Поправь ее мнѣ, батюшка.

ТЕЛЛЬ.

Ну нѣтъ! —
Стрѣлокъ искусный самъ поправить долженъ.

(Дѣти убѣгаютъ.)

ГЕДВИГА.

Раненько дѣти начали стрѣлять.

ТЕЛЛЬ.

Пусть учатся, чтобъ знать свое искусство.

ГЕДВИГА.

Дай Господи имъ ввѣкъ его не знать!...

ТЕЛЛЬ.

Все нужно знать имъ, все! Кому должно
Въ мятежномъ мірѣ жить, пусть тотъ себя
Къ защитѣ и къ обидѣ приготовитъ.

ГЕДВИГА.

Ахъ! кто-жъ тогда найдетъ покой въ семьѣ
Своей?

ТЕЛЛЬ.

Мой другъ! и я его не знаю.
Не въ пастухи назначенъ я природой;
Безъ отдыха стремиться должно мнѣ
Къ безвѣстной цѣли. Я тогда лишь жизнью
Своею наслаждаюсь въ полной мѣрѣ,
Когда, что день, то новое боренье.

ГЕДВИГА.

А между тѣмъ печальная жена
Тебя домой со страхомъ ожидаетъ.
Я съ ужасомъ внимала всѣмъ разсказамъ
О вашихъ смѣлыхъ подвигахъ въ горахъ.

Мнѣ чудится при каждомъ разставаньѣ,
Что я съ тобой ужь больше не увижусь;
Что будто ты межъ ледяныхъ громадъ,
Дорогу потерявъ, скользишь по скàламъ,
И падаешь.... Я вижу, какъ тебя
Съ собою въ бездну серна увлекаетъ,
Иль снѣжная лавина на тебя
Съ вершины катится, иль подъ тобою
Вдругъ треснулъ ледъ, — и ты летишь стремглавъ,
И заживо скрываешься въ могилѣ!...
Ахъ! въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ
Стрѣлку отвсюду угрожаетъ смерть!
Опасенъ, жалокъ промыселъ несчастный,
Который въ бездну можетъ лишь увлечь!

ТЕЛЛЬ.

Кто остороженъ, силенъ и проворенъ,
Кто Господу душею преданъ, — тотъ
Опасности всѣ превозможетъ: горы
Тому не страшны, кто на нихъ родился.
(Онъ кончилъ свою работу, и кладетъ въ сторну топоръ.)
Теперь надолго дверь послужитъ намъ.
Коль есть топоръ, такъ плотника не нужно.
(Беретъ шляпу.)

ГЕДВИГА.

Куда идешь ты?

ТЕЛЛЬ.

Къ батюшкѣ, въ Альтдорфъ.

ГЕДВИГА.

Опасное затѣялъ ты — признайся.

ТЕЛЛЬ.

Что вздумалось спросить тебѣ, жена?

ГЕДВИГА.

Есть заговоръ противъ Ландфогтовъ; въ Рютли
Сбирались на совѣтъ, и ты тамъ былъ.

ТЕЛЛЬ.

Я не былъ тамъ; но я не отдѣлюсь
Отъ родины, коль позоветъ она.

ГЕДВИГА.

Тебя пошлютъ туда, гдѣ есть опасность;
Что потруднѣй, то взвалятъ на тебя.

ТЕЛЛЬ.

Исполнитъ каждый то, что будетъ въ силахъ.

ГЕДВИГА.

Намедни ты съ Баумгартеномъ, въ грозу,
По озеру рѣшился плыть; вѣдь диво,
Что вы спаслись. Ужели ты не думалъ
О дѣтяхъ, о женѣ?

ТЕЛЛЬ.

Мой другъ! я думалъ
И потому я дѣтямъ спасъ отца.

ГЕДВИГА.

Плыть въ этакую бурю! это значитъ
Испытывать Творца.

ТЕЛЛЬ.

Кто любитъ медлить,
Не много тотъ полезнаго свершитъ.

ГЕДВИГА.

Ты всѣмъ готовъ служить и помогать....
Будь самъ въ нуждѣ, такъ всѣ тебя оставятъ.

ТЕЛЛЬ.

Дай Господи — не знать такой нужды!...

(Беретъ лукъ и стрѣлы.)

ГЕДВИГА.

Зачѣмъ же ты съ собою лукъ берешь?

ТЕЛЛЬ.

Я безъ него, какъ будто безъ руки.

(Дѣти возвращаются.)

ВАЛЬТЕРЪ.

Отецъ! Куда ты?

ТЕЛЛЬ.

Къ дѣдушкѣ въ Альтдорфъ;
Не хочешь ли со мной?

ВАЛЬТЕРЪ.

Хочу; пойдемъ.

ГЕДВИГА.

Теперь намѣстникъ тамъ, останься дома.

ТЕЛЛЬ.

Сегодня онъ уѣдетъ.

ГЕДВИГА.

Потому-то
И обожди, чтобъ съ нимъ не повстрѣчаться;
Ты знаешь самъ, что онъ на насъ сердитъ.

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ гнѣвъ его не можетъ повредить;
Живу я честно, — мнѣ враги не страшны.

ГЕДВИГА.

Но честныхъ-то онъ больше ненавидитъ....

ТЕЛЛЬ.

Что къ нимъ нельзя придраться; но меня,
Я думаю, оставитъ онъ въ покоѣ.

ГЕДВИГА.

Ты думаешь, а почему?

ТЕЛЛЬ.

Недавно

Охотился я въ Шехенской долинѣ,
Въ безлюдномъ, дикомъ захолустьѣ, — тамъ
Я проходилъ пустынною тропинкой,
Гдѣ не было другой дороги мнѣ;
Надъ головой моей висѣли скалы,
А подо мной кипѣлъ сердитый Шехенъ....

(Дѣти подходятъ къ нему, и съ любопытствомъ слушаютъ его разсказъ.)

И вдругъ со мною встрѣтился Ландфогтъ,
Который той же проходилъ дорогой.
Одни мы были съ нимъ, лицемъ къ лицу,
А подлѣ насъ зіяла пропасть. Онъ,
Узнавъ меня, смутился, — вѣрно вспомнилъ,
Что я недавно былъ обиженъ имъ,
И вотъ теперь я встрѣтился ему,
Съ оружіемъ, въ пустынной сторонѣ....
Онъ поблѣднѣлъ, колѣна задрожали, —
Еще минута — и отъ страха онъ
Навѣрное свалился бы съ утеса.
Но жалокъ онъ мнѣ сталъ, и я къ нему
Съ покорностью приблизился, и молвилъ:
«Вѣдь это я, мой господинъ.» Но онъ
Ни слова мнѣ на это, лишь рукою
Махнулъ, чтобъ я прошелъ своей дорогой
И я ушелъ, и слугъ къ нему прислалъ.

ГЕДВИГА.

Онъ предъ тобой смутился, — берегись!...
Онъ этого вовѣкъ не позабудетъ.

ТЕЛЛЬ.

Не буду съ нимъ сходиться, такъ и онъ
Искать меня не станетъ.

ГЕДВИГА.

Но хоть нынче,
Мой другъ, ты не ходи туда, а лучше
Ступай стрѣлять

ТЕЛЛЬ.

Чего же ты боишься?

ГЕДВИГА.

Мнѣ нынче что-то грустно; не ходи!...

ТЕЛЛЬ.

Но отчего-же? Развѣ есть причина?

ГЕДВИГА.

Нѣтъ, никакой; но, Телль, останься дома.

ТЕЛЛЬ.

Нельзя, мой другъ, я слово далъ прійти.

ГЕДВИГА.

Ну такъ ступай, — оставь мнѣ только сына.

ВАЛЬТЕРЪ.

Нѣтъ, матушка, пусти меня съ отцемъ.

ГЕДВИГА.

И Вельти хочетъ мать свою оставить?

ВАЛЬТЕРЪ.

Смотри, я принесу тебѣ гостинца
Отъ дѣдушки.

(Уходитъ съ отцемъ.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А я съ тобой останусь.

ГЕДВИГА.

Да, ты мое любезное дитя,
Ты не хотѣлъ со мною разлучиться!

(Она идетъ къ воротамъ, и долго провожаетъ глазами отходящихъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дикое, пустынное мѣсто въ лѣсу; съ горъ низпадаютъ каскады.

БЕРТА, *въ охотничьемъ платьѣ, вслѣдъ за нею* РУДЕНЦЪ.

БЕРТА.

Онъ здѣсь, и я могу съ нимъ объясниться.

РУДЕНЦЪ

(быстро подходитъ къ ней).

Вотъ, наконецъ, я васъ нашелъ однѣхъ.
Здѣсь заперты кругомъ мы пропастями;
Я не страшусь свидѣтелей межъ нихъ,
И чувствами откроюсь передъ вами.

БЕРТА.

Но, можетъ быть, мы близко отъ своихъ?

РУДЕНЦЪ.

Они всѣ тамъ. Теперь иль никогда!
Мнѣ дорого единое мгновенье;
Я знать хочу судьбы моей рѣшенье,
Хотя-бъ чрезъ то и васъ лишился я.
О, для чего такъ строго на меня
Вы смотрите? Но нѣтъ, я знаю самъ,
Я заслужилъ отъ васъ одно презрѣнье:
Я, дерзкій, я посмѣлъ о васъ мечтать!
Еще ничѣмъ себя я не прославилъ,
Такъ мнѣ-ль себя съ героями равнять,
Покрытыми блестящей, громкой славой?
Они достойны васъ, а я ничтоженъ; —
Въ моей душѣ — лишь вѣрность и любовь.

БЕРТА

(съ важностію).

Но смѣетъ ли объ нихъ тотъ говорить,
Кто измѣнить готовъ святому долгу?

(Руденцъ отступаетъ въ удивленіи.)

Рабъ Австріи, предавшійся врагамъ
И притѣснителямъ его народа?

РУДЕНЦЪ.

Отъ васъ ли, Берта, слышу я упрекъ? —
Кого же, какъ не васъ у нихъ искалъ я?

БЕРТА.

Вы думали на сторонѣ измѣны
Меня найти? — Тогда-бъ скорѣй самъ Геслеръ
Моимъ супругомъ сталъ, чѣмъ недостойный сынъ
Швейцаріи, который для него,
Для притѣснителя, орудьемъ служитъ!

РУДЕНЦЪ.

О, Боже, что я слышу!

БЕРТА.

Что для сердца
Дороже счастья ближнихъ можетъ быть?
Скажите, что прекраснѣе названья
Защитника невинности гонимой,
Хранителя родныхъ, священныхъ правъ?
За вашъ народъ душа моя страдаетъ;
Да, я люблю его за то, что онъ
Такъ кротокъ и притомъ такъ полонъ силы;
И съ каждымъ днемъ въ душѣ моей растетъ
Привязанность къ нему и уваженье
А вы, кого долгъ чести и природа
Назначили въ защитники ему,
Вы бросили его, ушли къ врагамъ,

И съ ними для него куете цѣпи!
Повѣрьте, — я должна себя принудить,
Чтобъ васъ за то не презирать.

РУДЕНЦЪ.

Но я
Ему желаю лучшее доставить —
Спокойствіе подъ скипетромъ монарха.

БЕРТА.

Неволю вы готовите ему!...
Свободу вы искоренить хотите
Тамъ, гдѣ она пріютъ имѣла свой.
Швейцарецъ знаетъ, что ему полезно,
И не обманетъ ложный блескъ его.
Сѣтями васъ опутали враги!...

РУДЕНЦЪ.

О, какъ должны меня вы презирать!

БЕРТА.

Да, лучше бъ презирать мнѣ васъ; — но видѣть
Того достойнымъ одного презрѣнья,
Кого любить желала.

РУДЕНЦЪ.

Берта, Берта,
Вы кажете мнѣ высшее блаженство,
И въ тотъ же мигъ свергаете съ вершины!...

БЕРТА.

Нѣтъ! въ васъ еще живетъ духъ благородства;
Онъ дремлетъ лишь, — я разбужу его.
Вы силою хотѣли заглушить
Въ себѣ къ добру врожденную наклонность,
Но къ счастію, она сильнѣе васъ, —
И вы остались добрымъ, благороднымъ.

РУДЕНЦЪ.

Вы на меня надѣетесь?... О, Берта,
Чѣмъ быть я не могу съ любовью вашей!

БЕРТА.

Послѣдуйте велѣнію природы,
Исполните назначенный вамъ долгъ:
За свой народъ, за родину свою
И за права священныя возстаньте!

РУДЕНЦЪ.

Но ахъ! тогда я васъ на вѣкъ лишусь,
Когда противъ Имперіи возстану.
Вы отъ родныхъ зависите, — они
Располагаютъ вашею рукою.

БЕРТА.

Но всѣ мои владѣнья здѣсь лежатъ:
Когда освободите вы Швейцарцевъ,
Тогда и я свободна буду.

РУДЕНЦЪ.

Берта,
Какую мысль вы мнѣ открыли!

БЕРТА.

Вамъ
Отъ Австріи меня не получить:
Тамъ всѣ моимъ прельщаются наслѣдствомъ,
И каждый пріобрѣсть его желаетъ.
Корысть ихъ хочетъ васъ поработить;
Она и мнѣ неволей угрожаетъ.
О, другъ! моя рука должна служить
Наградою любимцу властелина;
И тамъ, гдѣ ложь, гдѣ козни обитаютъ, —
Межъ тѣхъ людей я жить обречена!

Меня тамъ цѣпи брака ожидаютъ....
Отъ нихъ меня спасетъ любовь одна.

РУДЕНЦЪ.

И вы бъ рѣшились здѣсь остаться, Берта,
Въ моей отчизнѣ быть моей женой?
О! всѣ мои надежды, всѣ желанья
Къ кому-жь стремились, какъ не къ вамъ одной?
Не васъ ли я искалъ на полѣ славы?
Одна любовь тогда владѣла мной!
И вы бъ могли покинуть свѣтъ блестящій,
И удалиться въ мирный этотъ край?
О, такъ и я достигъ желанной цѣли!
И свѣтъ теперь не льститъ меня. Шуми
Потокъ его игривый — ударяй
Въ надежный берегъ нашихъ горъ завѣтныхъ!
Теперь я чуждъ желаній мимолетныхъ
И не помчусь туда своей мечтой!...
Пусть эти скалы твердою стѣной,
Насъ оградивъ въ долинѣ безмятежной,
Оставятъ намъ лишь неба ясный сводъ
Открытымъ для очей....

БЕРТА.

Теперь ты тотъ,
Какимъ тебя желала я найдти:
Предчувствіе меня не обмануло!

РУДЕНЦЪ.

Прочь отъ меня ничтожныя мечты!
Я счастіе найду въ горахъ родимыхъ,
Гдѣ весело младенцемъ я расцвѣлъ,
Гдѣ тысячи предметовъ, мной любимыхъ —
Ручьи, деревья взоръ плѣняли мой.
И ты въ отчизнѣ хочешь быть моею?...

О, я всегда любилъ ее: она
Для полнаго блаженства мнѣ нужна!

БЕРТА.

Гдѣ-жъ, какъ не здѣсь тотъ островъ благодатный,
Прелестный край невинности святой,
Гдѣ ни когда не вѣдали измѣны,
Гдѣ сохранилась вѣрность старины?
Здѣсь потекутъ счастливо наши годы,
Средь безмятежной, сладкой тишины.
И вижу я, — могущественный, славный,
Въ кругу людей свободныхъ, ты одинъ
Отъ всѣхъ почтенъ, какъ властелинъ державный,
Господствуешъ среди родныхъ долинъ.

РУДЕНЦЪ.

И вижу я тебя, вѣнецъ всѣхъ женъ,
Заботливой подругою моею,
И, счàстливый любовію твоею,
Блаженствомъ я небеснымъ окруженъ!
Тобою все живетъ и процвѣтаетъ,
И все вокругъ тебя благословляетъ!

БЕРТА.

И вотъ, мой другъ, могла-ль я не грустить,
Когда ты самъ свое земное счастье
Попрать хотѣлъ. Что было бы со мной,
Когда-бъ меня тиранъ властолюбивый
Увлекъ съ собою въ мрачный зàмокъ свой?
Здѣсь зàмковъ нѣтъ, и отъ меня стѣною
Не отдѣленъ народъ, любимый мною.

РУДЕНЦЪ.

Но какъ спастись, какъ разорвать мнѣ сѣти,
Въ которыя запуталъ я себя?

БЕРТА.

Расторгни ихъ могучею рукою....
Чтобъ ни было, вступись за свой народъ —
То твой природный долгъ!

(Вдали слышенъ звукъ роговъ.)

Но вотъ трубятъ
Охотники, разстанемся. Сразись
За родину, — ты за любовь сразишься!
Одинъ и тотъ же врагъ намъ угрожаетъ,
И вольностью одной — мы всѣ свободны.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Лугъ въ Альтдорфѣ. Впереди сцены деревья; въ глубинѣ на шестѣ виситъ шляпа. Проспектъ заключается горами, за которыми возвышается цѣпь снѣговыхъ горъ.

ФРИСГАРДЪ и ЛЕЙТГОЛЬДЪ, *на часахъ.*

ФРИСГАРДЪ.

Напрасно, братъ, мы стережемъ. Никто
Нейдетъ сюда отдать почтенье шляпѣ,
А вѣдь бывало здѣсь, какъ на торгу,
Кипѣлъ народъ; — вотъ чучело на шестъ
Повѣсили — и площадь запустѣла.

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Одна лишь сволочь лѣзетъ на глаза,
И скидаетъ истертыя шляпенки,

А кто почище, — всѣ кругомъ обходятъ
Другой дорогой, нужды нѣтъ, что дальше,
Лишь только бы не поклониться шляпѣ.

ФРИСГАРДЪ.

А давича-то, въ полдень, мимо насъ
Изъ ратуши идти имъ должно было.
Вотъ, думалъ я, кого нибудь поймаю,
Я зналъ, что не поклонится никто.
Анъ тутъ явился попъ ихъ, Рессельманъ,
Который шелъ съ дарами отъ больнаго,
Онъ, какъ нарочно сталъ передъ шестомъ,
А кистеръ въ колокольчикъ зазвенѣлъ. —
И тотчасъ всѣ упали на колѣна,
Передъ святынею, не передъ шляпой.

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Послушай, другъ, вотъ если такъ подумать,
Мы здѣсь съ тобой стоимъ какъ дураки;
Обидно для солдата быть на стражѣ,
И передъ чѣмъ? — передъ пустою шляпой!
Вѣдь всякой, братъ, надъ нами посмѣется.
Вотъ вздумали, — чтобъ шляпѣ поклонялись!
По мнѣ такой приказъ — куда какъ глупъ.

ФРИСГАРДЪ.

Какое дѣло, что пустая шляпа? —
Ты-жъ кланяешься головѣ пустой.

ГИЛЬДЕГАРДА, МЕХТИЛЬДА И ЭЛЬСБЕТА *приходятъ съ дѣтьми, и становятся вокругъ шеста.*

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Ну ужь и ты, услужливый бездѣльникъ,
Радъ ни за что обидѣть человѣка.

А я теперь, кто хочетъ, тотъ иди,
Зажмурюсь, и глядѣть не стану.

МЕХТИЛЬДА.

Дѣти!
Вотъ нашъ намѣстникъ! — кланяйтесь ему.

ЭЛЬСБЕТА.

Дай Богъ, чтобъ онъ ушелъ, оставивъ намъ
Одну лишь шляпу, — это было бъ лучше.

ФРИСГАРДЪ

(отгоняетъ ихъ).

Эй вы, бабьё! что стали? Прочь отсюда!
Не васъ намъ нужно; вы мужей пришлите;
Посмотримъ, какъ они храбриться будутъ.

(Женщины уходятъ.)

ТЕЛЛЬ *идетъ, вооруженный луком*ъ, *ведя за руку сына; они, не замѣчая шляпы, проходятъ мимо.*

ВАЛЬТЕРЪ

(показывая на горы).

А правда ли, что тамъ въ горахъ такія
Есть дерева, коль топоромъ ударишь,
То кровь пойдетъ?

ТЕЛЛЬ.

А кто тебѣ сказалъ?

ВАЛЬТЕРЪ.

Да нашъ пастухъ.... Вишь — будто бы онѣ
Священныя, и кто ихъ повредитъ,
Того рука изъ гроба выростаетъ.

ТЕЛЛЬ.

Онѣ священны, — это справедливо.
Вонъ видишь ли тѣ горы снѣговыя,
Которыя ушли подъ облака?

ВАЛЬТЕРЪ.

Тамъ ледники, они гремятъ ужасно,
Когда съ нихъ ночью катятся лавины.

ТЕЛЛЬ.

Такъ вотъ, мой другъ, они бъ давнымъ давно
Засыпали снѣгами нашъ Альтдорфъ,
Когда бы этотъ лѣсъ, тамъ въ вышинѣ,
Не охранялъ его, какъ вѣрный сторожъ.

ВАЛЬТЕРЪ *(немного подумавъ)*.

А есть такія земли, гдѣ нѣтъ горъ?

ТЕЛЛЬ.

Когда, оставивъ за собой вершины,
Пойдешь все далѣ, по теченью рѣкъ,
Тогда придешь въ обширныя долины,
Гдѣ водные потоки не шумятъ,
Не пѣнятся, но медленно текутъ,
Тамъ глазъ не можетъ обозрѣть окрестность,
Поля богатой жатвою цвѣтутъ,
А вся страна, какъ садъ разнообразный.

ВАЛЬТЕРЪ.

Что-жъ, батюшка, зачѣмъ же мы скорѣе
Не перейдемъ въ ту славную страну,
А здѣсь живемъ въ опасности и страхѣ?

ТЕЛЛЬ.

Хорошъ тотъ край, богатъ и плодоносенъ;
Но пахарь тамъ не пользуется плодомъ
Своихъ трудовъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

А развѣ нѣтъ у нихъ
Своихъ полей, какъ у тебя, свободныхъ?

ТЕЛЛЬ.

Нѣтъ, ихъ поля принадлежатъ монарху.

ВАЛЬТЕРЪ.

Ну такъ въ лѣсахъ охотиться имъ можно?

ТЕЛЛЬ.

И лѣсъ, и дичь — ему-жь принадлежатъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

Такъ рыбу имъ въ рѣкахъ ловить нельзя ли?

ТЕЛЛЬ.

Моря, озера, рѣки — все его!...

ВАЛЬТЕРЪ.

Да кто же этотъ страшный имъ король?

ТЕЛЛЬ.

Лишь онъ одинъ ихъ кормитъ, защищаетъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

А защитить себя не могутъ сами?

ТЕЛЛЬ.

Тамъ ближнему довѣриться нельзя.

ВАЛЬТЕРЪ.

Нѣтъ, батюшка, мнѣ-бъ тѣсно стало тамъ,
Я лучше здѣсь въ горахъ своихъ останусь.

ТЕЛЛЬ.

Да, правда, сынъ мой, лучше за спиною
Имѣть ужь ледники, чѣмъ злыхъ людей.

(Они хотятъ удалиться.)

ВАЛЬТЕРЪ.

Ахъ, посмотри-ка — шляпа на шестѣ!

ТЕЛЛЬ.

Пойдемъ, пора; намъ до нея нѣтъ дѣла.

(Между тѣмъ, какъ онъ хочетъ идти, Фрисгардъ копьемъ загораждаетъ ему дорогу.)

ФРИСГАРДЪ.

Во имя короля — остановись!

ТЕЛЛЬ

(хватаясь за копье).

Зачѣмъ ты пропустить меня не хочешь?

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Затѣмъ, что ты не поклонился шляпѣ.

ТЕЛЛЬ.

Пусти, пріятель.

ФРИСГАРДЪ.

Нѣтъ! ступай въ тюрьму!

ВАЛЬТЕРЪ.

Какъ? батюшку въ тюрьму? О, помогите!

(Кричитъ за сцену.)

Эй! кто тамъ есть?... сюда, сюда, скорѣй!
Насиліе! его ведутъ въ тюрьму!

РЕССЕЛЬМАНЪ И ПЕТЕРМАНЪ *прибѣгаютъ съ тремя поселянами.*

ПЕТЕРМАНЪ.

Что тутъ у васъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Зачѣмъ ты взялъ его?

ФРИСГАРДЪ.

Онъ непріятель короля; измѣнникъ!

ТЕЛЛЬ

(хватаетъ его съ сердцемъ).

Кто? я измѣнникъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Ты ошибся, другъ, —
Вѣдь это Телль, нашъ честный гражданинъ.

ВАЛЬТЕРЪ

(увидя Вальтера Фюрста, бѣжитъ къ нему на встрѣчу).

Ахъ, дѣдушка! съ отцемъ бѣда случилась!

ФРИСГАРДЪ.

Въ тюрьму, въ тюрьму!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(прибѣгая)*.

Стой! я ему порука!
Телль! ради Бога, что съ тобой? скажи мнѣ.

(Приходятъ Мельхталь и Штауффахеръ.)

ФРИСГАРДЪ.

Онъ именной намѣстника приказъ
Ни уважать, ни исполнять не хочетъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И это сдѣлалъ Телль?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Ты лжешь, бездѣльникъ!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Онъ, проходя, не поклонился шляпѣ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

За то его въ тюрьму? — Послушай, другъ,
Пусти его, — я за него порука.

ФРИСГАРДЪ.

Ты за себя ручайся, если можешь;
Мы дѣлаемъ, что намъ велятъ. Пойдемъ!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Нѣтъ, это ужъ насиліе! — снесемъ ли,
Чтобъ онъ былъ взятъ у насъ передъ глазами?

ПЕТЕРМАНЪ.

Вѣдь мы сильнѣй; друзья, не выдывайте!
Мы защищать обязаны своихъ.

ФРИСГАРДЪ.

Кто смѣетъ возставать противъ указа?

ТРИ ПОСЕЛЯНИНА *(прибѣгая)*.

Мы вамъ поможемъ! бейте ихъ! смѣлѣе!

(Гильдегарда, Мехтильда и Эльсбета возвращаются.)

ТЕЛЛЬ.

Оставьте насъ, друзья. Я самъ бы могъ
Управиться, когда бы захотѣлъ:
Меня бы копья ихъ не испугали.

МЕЛЬХТАЛЬ *(Фрисгарду)*.

Попробуй-ка увесть его отъ насъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ И ШТАУФФАХЕРЪ.

Смирнѣй, друзья!

ФРИСГАРДЪ *(кричитъ)*.

Измѣна! Возмущенье!

(Слышны охотничьи рога.)

ЖЕНЩИНЫ.

Ну! Ландфогтъ ѣдетъ!

ФРИСГАРДЪ *(возвышая голосъ)*.

Бунтъ! Мятежъ! Измѣна!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Экъ, какъ онъ горло-то деретъ, мерзавецъ!

РЕССЕЛЬМАНЪ И МЕЛЬХТАЛЬ.

Да замолчишь ли ты?

ФРИСГАРДЪ *(еще громче)*.

Эй! помогите
Служителямъ закона! Помогите!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Вотъ и Ландфогтъ! Бѣда намъ! что-то будетъ!

Геслеръ *на лошади съ соколомъ на рукѣ*, Рудольфъ Гаррасъ и Руденцъ, *за ними многочисленная воорженная свита, которая окружаетъ всю сцену.*

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Съ дороги прочь! Раздвиньтесь!

ГЕСЛЕРЪ.

Разгони ихъ!

Зачѣмъ сюда народъ сбѣжался? Кто
На помощь звалъ? я знать хочу ...

(Всеобщее молчаніе. — Къ Фрисгарду.)

Сюда!
Кто ты таковъ? зачѣмъ его ты держишь?

(Отдаетъ сокола ловчему.)

ФРИСГАРДЪ.

Мой господинъ! я вѣрный твой служитель,
И на часахъ поставленъ былъ у шляпы.
А вотъ его на дѣлѣ я поймалъ,
Что шляпѣ онъ твоей не поклонился.
Ну, я было и взялъ его, — да вотъ
Народъ-то мнѣ отдать его не хочетъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Ужели ты такъ мало чтишь монарха
Да и меня, намѣстника его,
Что не хотѣлъ воздать почтенья шляпѣ?
Она виситъ, чтобъ узнавать покорныхъ.
Ты первый дерзко презрѣлъ мой указъ.

ТЕЛЛЬ.

Прости мнѣ, государь, — не изъ презрѣнья,
Но по незнанью провинился я.
Клянусь тебѣ, я не хотѣлъ нарушить
Указа твоего. Прости меня!...

ГЕСЛЕРЪ

(помолчавъ немного.)

Ты мастерски владѣешь лукомъ, Телль —
Тебя равняютъ съ лучшими стрѣлками....

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

И это правда, сударь, — мой отецъ
На ста шагахъ отъ дерева сшибаетъ
Любое яблоко своей стрѣлой.

ГЕСЛЕРЪ.

Что это сынъ твой, Телль?

ТЕЛЛЬ.

Да, государь.

ГЕСЛЕРЪ.

А есть еще?

ТЕЛЛЬ.

Ихъ двое у меня.

ГЕСЛЕРЪ.

Котораго жъ изъ нихъ ты больше любишъ?

ТЕЛЛЬ.

Я, государь, равно люблю обоихъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Такъ вотъ что, Телль, — когда ты такъ искусно
Сшибать умѣешь яблоки съ деревьевъ,
Ты мнѣ теперь на дѣлѣ то покажешь.
Возьми стрѣлу и лукъ свой, и сшиби
Мнѣ яблоко съ сыновней головы.
Но, мой совѣтъ: прицѣлься хорошенько....
Коль яблока ты съ разу не сшибешь,
Такъ голова твоя не уцѣлѣетъ!

(Всѣ поражены ужасомъ.)

ТЕЛЛЬ.

О, государь, ужасенъ твой приказъ!...
Я, съ головы роднаго сына, долженъ....
Не можетъ быть!... Нѣтъ, я не такъ разслушалъ!
Всевышній милосердъ!... Ты отъ отца
Подобной жертвы требовать не можешь....

ГЕСЛЕРЪ.

Нѣтъ, я хочу, чтобъ ты, безъ отговорокъ,
Сшибъ яблоко съ сыновней головы.

ТЕЛЛЬ.

Какъ! цѣлью мнѣ должна служить глава
Роднаго сына? — Нѣтъ — умру скорѣе!...

ГЕСЛЕРЪ.

Стрѣляй! не то, — погибнете вы оба.

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ быть убіійцей своего дитяти?...
О, государь! ты не отецъ, — не знаешь,
Что чувствуетъ родительское сердце!

ГЕСЛЕРЪ.

Смотри, какъ вдругъ ты остороженъ сталъ!
А я слыхалъ, что ты большой мечтатель,
Чуждаешься обычаевъ людскихъ,
Все любишь странное; — и потому-то
Я для тебя такой и подвигъ выбралъ.
Иной поостерегся бы, — а ты,
Закрывъ глаза, на все готовъ рѣшиться.

БЕРТА.

О, не шутите, государь, надъ ними!
Вы видите, — трепещущи и блѣдны
Стоятъ они; — такъ мало ваши шутки
Они привыкли слышать.

ГЕСЛЕРЪ.

Кто вамъ сказалъ
Что я шучу?

(Срываетъ яблоко съ ближняго дерева.)

Вотъ яблоко. Раздвиньтесь!
Отмѣряйте, какъ слѣдуетъ, шаги....
Осмидесятый пусть границей будетъ,
Не болѣе, не меньше.... Онъ хвалился,
Что можетъ въ цѣль попасть и въ ста шагахъ;
Теперь, стрѣлокъ, смотри, не промахнись!

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Ахъ, Господи! онъ хочетъ въ самомъ дѣлѣ....
Дитя! скорѣй, пади къ ногамъ Ландфогта:
Моли его помиловать тебя.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(тихо Мельхталю, который едва можетъ удержать свое негодованіе).

Прошу тебя, спокойся, удержись!

БЕРТА

(Геслеру).

Довольно, государь! — безчеловѣчно
Такъ чувствами родителя играть!....
Да если бъ онъ и точно смертной казни
Достоинъ былъ за малый свой проступокъ,
То ужь постигъ теперь ея мученья.
Пусть возвратится онъ въ свое жилище;
Теперь онъ васъ узналъ, — и этотъ часъ
И онъ, и правнуки его запомнятъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Раздвиньтесь! ну, скорѣе! что-жъ ты медлишь?
Виновенъ ты, тебя казнить я могъ бы,
Но вотъ твою судьбу великодушно
Твоей рукѣ искусной я вѣряю.
Тотъ на меня не можетъ возроптать,
Кому я волю далъ располагать
Своей судьбой. Ты мѣткостью хвалился, —
Ну такъ теперь ее докажешь мнѣ.
Достойна цѣль, и велика награда!
Стрѣлой попасть въ назначенный кружокъ —
Съумѣетъ и другой; но тотъ стрѣлокъ,
Кто за себя повсюду постоитъ —
Кто сердцемъ и рукой владѣть умѣетъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(падаетъ предъ нимъ на колѣна).

О, государь! мы чтимъ твой санъ высокій,
Но будь великодушенъ! Половину
Имѣнья моего отдамъ охотно,
Возьми хоть все, но пощади отца!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Нѣтъ, дѣдушка, не падай передъ нимъ,
Передъ такимъ жестокимъ человѣкомъ!
Скажите, гдѣ мнѣ стать. Я не боюсь!...
Отецъ мой птицъ стрѣляетъ на лету,
Такъ въ сердце сына онъ попасть не можетъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, тронься хоть невинностью малютки!

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Но вспомни, — есть Господь на небесахъ:
Ты дашь Ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ!

ГЕСЛЕРЪ

(показывая на мальчика).

Его къ той липѣ привязать!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Меня?
Привязывать? Нѣтъ, не хочу! — Я буду
Тихъ, какъ ягненокъ: не дохну, не двинусь;
Но если вы привяжете меня, —
То я стучать и биться буду въ узахъ.

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Дай завяжу глаза тебѣ я, мальчикъ.

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Зачѣмъ глаза? Не думаешь ли ты,
Что я боюсь стрѣлы отъ рукъ отцовскихъ?
Я смѣло жду ее, и не смигну!

Ну, батюшка, скорѣе!... Докажи,
Что ты стрѣлокъ хорошій; онъ не вѣритъ.
Злодѣй насъ погубить съ тобою хочетъ —
На зло ему, стрѣляй и попади!

(Онъ идетъ къ липѣ; ему на голову кладутъ яблоко.)

МЕЛЬХТАЛЬ *(поселянамъ).*

Какъ! намъ, друзья, смотрѣть, чтобъ здѣсь свершилось
Насиліе? — Зачѣмъ же мы клялись?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но что же дѣлать намъ? — мы безоружны;
А посмотри, — тамъ копій цѣлый лѣсъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, еслибъ мы тотчасъ за дѣло взялись!
Богъ тѣмъ прости, кто предложилъ отсрочку!

ГЕСЛЕРЪ *(Теллю).*

Ну къ дѣлу! вѣдь оружье не игрушка,
Всегда съ собой носить его опасно,
Стрѣлой и самъ стрѣлокъ сраженъ бываетъ....
Такая вольность поселянъ обидна
Для главнаго начальника страны:
Лишь господинъ вооруженъ быть можетъ.
Тебѣ пріятно лукъ носить съ собой —
Ну такъ тебѣ и цѣль я назначаю.

ТЕЛЛЬ

(натягиваетъ лукъ и кладетъ стрѣлу).

Посторонитесь! дайте мѣсто!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Телль!
Ты хочешь?... нѣтъ, помедли! — Ты въ волненіи, —
Рука твоя дрожитъ, — колѣна гнутся!...

ТЕЛЛЬ *(роняя лукъ).*

Въ глазахъ темнѣетъ!

ЖЕНЩИНЫ.

Боже милосердый!

ТЕЛЛЬ *(Ландфогту)*.

Позволь мнѣ не стрѣлять — вотъ грудь моя:
Вели пронзить ее оруженосцамъ!

ГЕСЛЕРЪ.

Не смерти, но стрѣльбы твоей хочу я!...
Вѣдь ты всегда такъ смѣлъ и предпріимчивъ;
Рулемъ владѣешь ты не хуже лука, —
И никакой грозы не побоишься,
Когда спасти кого нибудь захочешь.
Теперь — спаситель всѣхъ — себя спаси-ка!

(Телль стоитъ въ страшномъ борені; руки его дрожатъ; взоры съ отчаяніемъ обращаются, то на Ландфогта, то къ небесамъ. Вдругъ онъ выхватываетъ изъ колчана еще стрѣлу, и прячетъ ее на грудь. Геслеръ замѣчаетъ всѣ его движенія.)

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ *(подъ липою)*.

Отецъ, стрѣляй! Я не боюсь!...

ТЕЛЛЬ.

Стрѣляю.

(Натягиваетъ лукъ.)

РУДЕНЦЪ

(который доселѣ едва удерживалъ свое негодованіе, подходитъ къ Геслеру).

Довольно, господинъ Ландфогтъ!... Довольно!
Ужь опытъ былъ, и цѣли вы достигли.
Излишняя жестокость повредитъ:
Ломаетъ лукъ тугая тетива

ГЕСЛЕРЪ.

Прошу молчать! — Не съ вами говорятъ!

РУДЕНЦЪ.

Но я хочу.... я долженъ говорить:

Честь короля священна для меня!
Подобное управство ненавистно!
Того король не хочетъ, я увѣренъ, —
И мой народъ жестокости такой
Не заслужилъ. У васъ на то нѣтъ права.

ГЕСЛЕРЪ.

Вы смѣете?...

РУДЕНЦЪ.

Я до сихъ поръ ни слова
Не говорилъ; я закрывалъ глаза,
Чтобъ не смотрѣть на ваши притѣсненья,
Я заглушалъ въ груди своей страданья
Тоскующаго сердца; но теперь
Все кончено; — мое молчанье будетъ
Измѣна государю и отчизнѣ.

БЕРТА

(бросаясь между ними).

Ахъ, ты его лишь больше раздражишь!

РУДЕНЦЪ.

Я свой народъ забылъ!... Родныхъ покинулъ!...
Я разорвалъ всѣ близкія мнѣ связи,
Лишь для того, чтобъ съединиться съ вами.
Я полагалъ, что лучше будетъ, если
Здѣсь утвержу владычество монарха.
И вотъ, повязка съ глазъ моихъ упала,
И я себя у пропасти увидѣлъ.
Довѣрчивость мою вы обманули —
Вы завлекли меня!... Я былъ готовъ
Лишить народъ мой лучшей доли.

ГЕСЛЕРЪ.

Дерзкій!
Такъ говорить ты смѣешь государю?...

РУДЕНЦЪ.

Король мой государь — не ты! Свободнымъ,
Какъ ты, я былъ всегда, и состязаться
Готовъ съ тобою въ рыцарскихъ дѣлахъ.
Не будь ты здѣсь отъ имени монарха,
Котораго всегда я уважалъ,
Тогда бы я тебѣ перчатку бросилъ,
И ты, какъ рыцарь, далъ бы мнѣ отвѣтъ!
Дай только знакъ своимъ оруженосцамъ....
Не безоруженъ я, какъ эти люди!

(Показывая на народъ.)

Нѣтъ! мечъ со мой, — и кто лишь подойдти
Ко мнѣ посмѣетъ....

ШТАУФФАХЕРЪ.

Яблоко, упало!

(Между тѣмъ, какъ всѣ обратили вниманіе на разговоръ Руденца съ Ландфогтомъ, Телль пустилъ стрѣлу.)

РЕССЕЛЬМАНЪ.

И мальчикъ живъ!

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Онъ въ яблоко попалъ!

(Вальтеръ Фюрстъ слабѣетъ и готовъ упасть; Берта поддерживаетъ его.)

ГЕСЛЕРЪ.

Какъ!... онъ стрѣлялъ? — Отчаянный смѣльчакъ!

БЕРТА.

Дитя спасенъ!... Отецъ, приди въ себя!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ

(прибѣгаетъ съ яблокомъ).

Вотъ яблоко, родитель!... Я вѣдь зналъ,
Что сына своего ты не поранишь.

ТЕЛЛЬ

(стоялъ нагнувшись, какъ бы слѣдуя за полетомъ стрѣлы; видя приближающагося сына, онъ роняетъ лукъ, и съ отверстыми объятіями бѣжитъ къ нему навстрѣчу, съ восторгомъ прижимаетъ его къ сердцу, и ослабѣвъ, падаетъ на колѣна. Всѣ тронуты).

БЕРТА.

О, Боже милосердый!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Дѣти, дѣти!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Великъ Господь!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Вотъ выстрѣлъ былъ! — о немъ
Преданіе въ потомствѣ сохранится.

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Пока стоятъ твердыни этихъ горъ,
Разсказъ про Телля вѣчно не умолкнетъ

(Подаетъ яблоко Ландфогту.)

ГЕСЛЕРЪ.

Смотри пожалуй!... Яблоко насквозь!
Ну, выстрѣлъ славный, нечего сказать!...

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Да, онъ хорошъ!... Но горе же тому,
Кто вынудилъ его, пытая небо.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Опомнись, Телль! теперь свободенъ ты,
И можешь въ домъ спокойно возвратиться.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Пойдемъ, и сына возвратимъ женѣ.

(Хотятъ удалиться.)

ГЕСЛЕРЪ.

Послушай, Телль!

ТЕЛЛЬ

(возвращаясь).

Что повелишъ?

ГЕСЛЕРЪ.

Ты спряталъ
Еще одну стрѣлу. Я это видѣлъ!...
Скажи мнѣ, для чего ты это сдѣлалъ?

ТЕЛЛЬ *(въ смущеніи).*

У насъ таковъ обычай, государь.

ГЕСЛЕРЪ.

Нѣтъ, Телль, мнѣ мало этого отвѣта:
Ты что нибудь другое замышлялъ....
Скажи мнѣ правду — смѣло, откровенно;
Чтобъ ни было, я жизнь тебѣ дарую....
Зачѣмъ ты взялъ себѣ стрѣлу другую?

ТЕЛЛЬ.

Коль жизнь мнѣ безопасна, государь,
То я скажу всю правду откровенно....

(Вынимаетъ изъ-за пазухи стрѣлу, и устремляетъ на Ландфогта ужасные взоры.)

Стрѣлою этой я тебя пронзилъ бы,
Когда-бъ случайно въ сына я попалъ,
И вѣрно я тогда-бъ не промахнулся.

ГЕСЛЕРЪ.

Ну, Телль, за жизнь страшиться ты не долженъ,
Давъ слово, я сдержу его, какъ рыцарь;
Но злобныя намѣренья твои
Узнавъ, тебя возьму я, и упрячу,
Гдѣ свѣта ты вовѣки не увидишь,
Чтобъ мнѣ отъ стрѣлъ избавиться твоихъ.
Эй, воины, сюда!... Связать его!

(Телля связываютъ.)

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ, государь? — его рука Господня
Такъ видимо избавила, а ты
Его теперь въ оковы заключаешь!

ГЕСЛЕРЪ.

Посмотримъ, кто спасетъ его вторично.
Его тотчасъ на мой корабль отвесть:
Я самъ хочу въ Кюснахтъ его отправить.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Такъ и король не можетъ поступать:
То нашимъ привилегіямъ противно!

ГЕСЛЕРЪ.

А гдѣ онѣ? Король ихъ утвердилъ ли?
Онъ ихъ не утвердилъ! Такую милость
Покорностью лишь должно заслужить.
Бунтовщики вы противъ государя,
У васъ въ умѣ одно лишь возмущенье;
Я знаю васъ, я вижу васъ насквозь!...
Теперь его беру отъ васъ, — но всѣ
Вы столько же виновны, какъ и онъ.
Кто поумнѣй, — учись молчать и гнуться!

(Онъ удаляется; Берта, Руденцъ, Гаррасъ и воины слѣдуютъ за нимъ; Фрисгардъ и Лейтгольдъ остаются.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ
(въ отчаяніи).

Пропало все! Онъ въ злобѣ замышляетъ
Меня со всѣмъ семействомъ погубить!

ШТАУФФАХЕРЪ *(Теллю).*

О, для чего ты раздражилъ тирана!

ТЕЛЛЬ.

Въ отчаяньи кто можетъ воздержаться?

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, такъ теперь пропало все! съ тобою,
Вильгельмъ, и мы закованы въ цѣпяхъ!

ПОСЕЛЯНЕ

(окружаютъ Телля).

Съ тобою вся надежда прочь отъ насъ!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ

(приближаясь къ Теллю).

Жаль мнѣ тебя! — но повинуюсь долгу.

ТЕЛЛЬ.

Прощайте!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ

(въ сильной горести).

О, родитель мой любезный!

ТЕЛЛЬ

(показывая на небо).

Тамъ твой Отецъ! Ему молись, мой другъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Что мнѣ сказать женѣ твоей, Вильгельмъ?

ТЕЛЛЬ

(съ нѣжностію обнимаетъ сына).

Дитя спасенъ, а мнѣ Господь поможетъ.

(Быстро оставляетъ ихъ, и удаляется, окруженный стражею).

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Восточный берегъ озера четырехъ Кантоновъ. Скалы страннаго вида заключаютъ проспектъ. Озеро волнуется; слышенъ ревъ бушующихъ волнъ; по временамъ сверкаетъ молнія и гремитъ громъ.

Кунцъ изъ Герзау, Рыбакъ и Мальчикъ.

КУНЦЪ.

Повѣрьте мнѣ; — я самъ все это видѣлъ;
Все было такъ, какъ я вамъ разсказалъ.

РЫБАКЪ.

Подъ стражей Телль и отвезенъ въ Кюснахтъ....
Онъ лучшею подпорой былъ бы намъ,
Когда-бъ пришлось возстать намъ за свободу.

КУНЦЪ.

Съ нимъ самъ Ландфогтъ по озеру поѣхалъ;
Они готовы были ужь отплыть,
Какъ вышелъ я изъ Флюлена, но буря,
Которая сбирается теперь,

Принудила меня сюда причалить;
Она и ихъ, быть можетъ, задержала.

РЫБАКЪ.

Въ оковахъ Телль, во власти у Ландфогта;
О, вѣрьте мнѣ, онъ такъ его укроетъ,
Что свѣта дня онъ больше не увидитъ!
Злодѣй теперь его боится мщенья:
Свободнаго онъ оскорбилъ жестоко.

КУНЦЪ.

Да говорятъ еще, что Аттингаузенъ,
Нашъ добрый Ландаманнъ, лежитъ при смерти.

РЫБАКЪ.

И такъ послѣдній якорь нашъ сломился!
Лишь онъ одинъ могъ голосъ возвышать
За родину и за права народа.

КУНЦЪ.

Гроза сильнѣй становится. Прощайте!
Въ деревнѣ я ночую: вѣдь сегодня
О переправѣ страшно и подумать.

(Уходитъ.)

РЫБАКЪ.

Въ темницѣ Телль, баронъ нашъ умираетъ!
Теперь возвысь чело свое, тиранство!
Прочь всякій стыдъ! Правдивыя уста
Должны молчать, и смерть закрыла очи,
Могучая рука теперь въ оковахъ..

МАЛЬЧИКЪ.

Ну, градъ посыпалъ! Батюшка, уйдемъ
Домой, пока гроза насъ не застала.

РЫБАКЪ.

Крутися, вихрь! гори, небесный сводъ!
Бушуй, гроза! вы, тучи громовыя,

Залейте все потокомъ бурныхъ водъ!
Разбейте въ прахъ грядущій новый родъ!
Вы царствуйте, свирѣпыя стихіи!
Сюда, сюда, жильцы лѣсные! вамъ,
Вамъ отданы опять сіи пустыни.
Безъ воли жить здѣсь не возможно намъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Послушай, какъ реветъ водоворотъ!
Онъ никогда такъ страшно не крутился.

РЫБАКЪ.

Пустить стрѣлу въ главу роднаго сына!
Какой отецъ къ тому былъ принужденъ?
И какъ на то не возставать стихіямъ?
О, для меня не дивно будетъ видѣть,
Коль въ озеро обрушатся утесы,
Коль эти скалы, башни ледяныя,
Которыя отъ вѣка здѣсь стоятъ,
Растаятъ вдругъ и потекутъ рѣкою,
Коль эти горы вдругъ свои хребты
Обрушатъ, и второе наводненье
Потопитъ все живущее творенье!

(Слышенъ колокольный звонъ.)

МАЛЬЧИКЪ.

Чу! слышишь ли, тамъ на горѣ звонятъ?
Должно быть лодка тонетъ: этотъ звонъ
Сзываетъ всѣхъ къ молитвѣ о несчастныхъ.

(Взлѣзаетъ на утесъ.)

РЫБАКЪ.

Бѣда ладьѣ, которая теперь
Качается въ сей страшной колыбели!
Ни руль, ни кормчій не помогутъ ей;
Волна и вихрь теперь играютъ ею,

Какъ мячикомъ; — а нѣтъ вблизи нигдѣ
Надежнаго залива, — тамъ повсюду
Однѣ лишь скалы острыя торчатъ,
Крутыя, неприступныя, и гордо
Утесистую грудь ей выставляютъ.

МАЛЬЧИКЪ *(показывая налѣво)*.

Ахъ, батюшка, ладья изъ Флюлена!

РЫБАКЪ.

Спаси Господь несчастныхъ! Если буря
Загонитъ ихъ въ проливъ, тогда бѣда:
Какъ дикій звѣрь пучина тамъ ярится,
Въ желѣзную рѣшетку бьетъ волной,
И съ ревомъ разломать ее стремится:
Тамъ узко ей, — тамъ скалы по бокамъ
Тѣсняетъ ее, и путь ей заграждаютъ.

(Взлѣзаетъ на утесъ.)

МАЛЬЧИКЪ.

Вѣдь это лодка Ландфогта изъ Ури, —
Я знаю, — вонъ и красный флагъ на ней.

РЫБАКЪ.

О, Боже правосудный! въ самомъ дѣлѣ:
Она и есть! и Геслеръ въ ней плыветъ,
А вмѣстѣ съ нимъ его гоненій жертва!
Такъ скоро же постигла казнь его;
Узнай, тиранъ, владыку надъ собою!
Твоихъ угрозъ не слушаетъ волна,
Не склонятся гранитные утесы
Предъ шляпою твоею! — Не молись,
Мой сынъ! Пусть Божій судъ надъ нимъ свершится!

МАЛЬЧИКЪ.

Не за Ландфогта я молюсь, за Телля:
Онъ въ лодкѣ съ нимъ.

РЫБАКЪ.

О, рокъ непостижимый!
Чтобъ одного злодѣя покарать,
Ты и невиннаго съ нимъ вмѣстѣ губишь!

МАЛЬЧИКЪ.

Смотри, смотри! — они ужь Бугисгратъ
Счастливо миновали; но волною
Отбило ихъ отъ Тейфельсмюнстера,
И отнесло къ большому Аксенбергу.
Ну вотъ они пропали.

РЫБАКЪ.

Тамъ Гакмессеръ,
И не одна ладья ужь тамъ разбилась.
Когда они его не обойдутъ,
То лодка ихъ ударится о скалы,
И всѣ они погибнутъ неизбѣжно.
Но вѣдь у нихъ хорошій кормчій — Телль.
Одинъ лишь онъ теперь спасти ихъ могъ бы; —
Да у него оковы на рукахъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ

*(вооруженный луком*ъ*).*

(Онъ идетъ скорыми шагами, и съ удивленіемъ смотритъ вокругъ. Посреди сцены падаетъ на колѣни, кладетъ руки на землю, и потомъ подымаетъ ихъ къ небу.)

МАЛЬЧИКЪ *(увидя его).*

Отецъ! смотри, — тамъ кто-то на колѣняхъ.

РЫБАКЪ.

Вотъ онъ на землю руки положилъ,
И точно внѣ себя.

МАЛЬЧИКЪ *(подходитъ ближе).*

Кого я вижу!
Отецъ! отецъ! поди сюда, смотри-ка!

РЫБАКЪ *(приближается)*.

Кто это? Боже! ты ли это, Телль?
Какъ ты сюда попалъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Ты развѣ не былъ
На лодкѣ тамъ, и въ цѣпи заключенъ?

РЫБАКЪ.

Ты развѣ не отправленъ былъ въ Кюснахтъ?

ТЕЛЛЬ *(встаетъ)*.

Свободенъ я!

РЫБАКЪ И МАЛЬЧИКЪ.

Свободенъ? Какъ же это?

МАЛЬЧИКЪ.

Откуда-жъ ты?

ТЕЛЛЬ.

Изъ лодки.

РЫБАКЪ.

Какъ изъ лодки?

МАЛЬЧИКЪ.

А гдѣ-жь Ландфогтъ?

ТЕЛЛЬ.

По озеру гуляетъ.

РЫБАКЪ.

Возможно ли? Но отчего-жъ ты здѣсь?
Какъ ты ушелъ отъ плѣна и отъ бури?

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ Богъ помогъ, — и вотъ какъ это было....

РЫБАКЪ И МАЛЬЧИКЪ.

Ахъ, разскажи!

ТЕЛЛЬ.

Что въ Альтдорфѣ случилось,
Вы знаете?

РЫБАКЪ.

Все знаемъ, говори!

ТЕЛЛЬ.

Ну вотъ Ландфогтъ велѣлъ меня связать,
И въ замокъ свой, Кюснахтъ, хотѣлъ отправить

РЫБАКЪ.

Потомъ съ тобой изъ Флюлена поѣхалъ, —
Все знаемъ мы. Скажи намъ, какъ ты спасся?

ТЕЛЛЬ.

Я, связанный, лежалъ на днѣ ладьи;
Защиты нѣтъ, враги кругомъ меня;
Я мысленно прощался съ свѣтомъ дня,
Съ женой, съ дѣтьми, и взоръ мой безнадежный
Бродилъ съ тоской по влагѣ безмятежной.

РЫБАКЪ.

Несчастный!

ТЕЛЛЬ.

Такъ мы плыли всѣ: Ландфогтъ,
Его шталмейстеръ Гаррасъ и гребцы.
Колчанъ и лукъ мой у руля лежали.
И вотъ, едва успѣли малый Аксенъ
Мы обогнуть, какъ вдругъ Господь на насъ
Послалъ такую бурю отъ Готтарда,
Что у гребцовъ отъ страха духъ упалъ, —
Всѣ думали погибнуть неизбѣжно.
Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ Ландфогту:
«Не миновать бѣды намъ, государь,
«Мы всѣ теперь на волоскъ отъ смерти,
«Отъ ужаса ни кормчій, ни гребцы
«Не знаютъ, что начать, притомъ и путь
«Имъ вовсе не знакомъ. Но съ нами Телль,
«Онъ силенъ и рулемъ владѣть умѣетъ,

«Что если бъ вы ему велѣли править?»
Тогда Ландфогтъ сказалъ мнѣ: «Телль, послушай:
«Коль можешь ты отъ бури насъ спасти,
«То я тебя освобожу отъ узъ.»
И я сказалъ: «Да, государь, надѣюсь
«Спасти ладью при помощи Господней.»
Тогда меня освободили; я
За руль взялся и началъ править, только
Украдкою смотрю, гдѣ лукъ лежитъ мой
И выбираю пристально утесъ,
Удобный для скачка съ ладьи; вдругъ вижу
Скалу крутую съ плоскою верхушкой,
Висящую надъ волнами....

РЫБАКЪ.

Я знаю:
Она лежитъ у Аксена большаго;
Но вѣдь она крута, едва ли можно
Кому вскочить изъ лодки на нее.

ТЕЛЛЬ.

Кричу гребцамъ: «Дружнѣй! сильнѣе, братцы!
«Вотъ этой бы скалы достигнуть только;
«Тогда ужь намъ не такъ опасно будетъ.»
И вотъ мы наконецъ примчались къ ней.
Тогда на помощь Господа призвавъ,
Всѣ силы я свои собралъ, и плотно
Примкнувъ кормой къ скалѣ, схватилъ скорѣе
Оружіе, и на нее взмахнулъ
Скачкомъ высокимъ, а ладью ногою
Отъ берега въ пучину оттолкнулъ;
Пусть будетъ съ нею, что угодно Богу!
И вотъ я здѣсь, спасенъ отъ власти бури
И отъ тиранской власти человѣка.

РЫБАКЪ.

Телль! видимое чудо надъ тобой
Явилъ Господь; едва могу я вѣрить
Своимъ глазамъ. Скажи, куда идти
Ты думаешь? Тебѣ укрыться должно.
Ну если онъ избавится отъ бури?

ТЕЛЛЬ.

Онъ говорилъ, когда я былъ на лодкѣ,
Что хочетъ онъ у Брунена пристать,
И черезъ Швицъ отправиться въ свой замокъ.

РЫБАКЪ.

Сухимъ путемъ?

ТЕЛЛЬ.

Такъ думалъ онъ тогда.

РЫБАКЪ.

О, такъ тебѣ, не медля, должно скрыться; —
Ты отъ него въ другой разъ не спасешься.

ТЕЛЛЬ.

Скажи, какъ ближе мнѣ пройти въ Кюснахтъ и въ Артъ?

РЫБАКЪ.

Прямой дорогой можно черезъ Штейненъ,
Но ближе и скрытнѣе черезъ Ловерцъ;
Да вотъ мой сынъ тебя туда проводитъ.

ТЕЛЛЬ

(жметъ его руку).

Да наградитъ тебя Господь! Прощай!

(Идетъ и опять возвращается.)

Мнѣ кажется, ты въ Рютли далъ присягу,
Я слышалъ про тебя.

РЫБАКЪ.

Да, я тамъ былъ,
И нашему союзу присягалъ.

ТЕЛЛЬ.

Ну такъ, прошу тебя, отправься въ Бюрглень, —
Тамъ обо мнѣ жена моя тоскуетъ,
Скажи ей, другъ, что я спасенъ и скрытъ.

РЫБАКЪ.

Но какъ сказать, куда ты удалился?

ТЕЛЛЬ.

Ты тестя моего увидишь тамъ,
Да и другихъ, которыхъ въ Рютли видѣлъ,
Скажи имъ, чтобъ они не унывали,
Что Телль спасенъ, рука его свободна,
И что объ немъ они услышатъ скоро.

РЫБАКЪ.

Открой мнѣ смѣло, что задумалъ ты?

ТЕЛЛЬ.

Когда исполню, — всѣ про то узнаютъ.

(Уходитъ.)

РЫБАКЪ.

Ну, Женни, проводи его; — Господь съ нимъ!
Онъ вѣрно то исполнитъ, что задумалъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зала въ зàмкѣ борона Аттингаузена.

БАРОНЪ, *умирающій, въ креслахъ.* ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ, ШТАУФФАХЕРЪ, МЕЛЬХТАЛЬ И БАУМГАРТЕНЪ *стоятъ вокругъ него.* ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ *передъ нимъ на колѣнахъ.*

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Все кончено теперь! скончался онъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не умеръ онъ; смотри, какъ отъ дыханья
У губъ его шевѣлится перо;
Тихъ сонъ его, улыбка на лицѣ.

(Баумгартенъ идетъ къ дверямъ и говоритъ съ кѣмъ-то.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(къ Баумгартену).

Кто тамъ пришелъ?

БАУМГАРТЕНЪ.

Гедвига, ваша дочь;
Она желаетъ васъ и сына видѣть.

(Вальтеръ Телль встаетъ.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Могу-ль ее утѣшить? — Самъ тоскую!
Всѣ горести надъ головой моей!

ГЕРТРУДА

(входитъ насильно).

Гдѣ? Гдѣ мой сынъ? — пусти меня къ нему!

ШТАУФФАХЕРЪ

Гедвига, тише! здѣсь жилище смерти!

ГЕДВИГА *(бросаясь къ сыну)*.

Мой Вельти! о, ты живъ!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ

(бросаясь въ ея объятія).

Я живъ, родная!

ГЕДВИГА.

Но точно ли? Не раненъ ли ты гдѣ?

(Осматриваетъ его съ безпокойствомъ.)

Возможно ли? И онъ въ тебя стрѣлялъ?
О, у него нѣтъ сердца! Какъ онъ могъ
Пустить стрѣлу въ дитя свое родное?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Съ растерзанной душей онъ это сдѣлалъ;
Былъ вынужденъ къ тому подъ страхомъ смерти.

ГЕДВИГА.

Когда бъ онъ былъ отецъ чадолюбивый,
Сто разъ бы умеръ онъ, а не стрѣлялъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тебѣ должно благодарить Творца,
Который спасъ его.

ГЕДВИГА.

Но какъ забыть мнѣ,
Чѣмъ кончиться могло бы это? Боже!
Вѣкъ проживу, и вѣкъ я буду видѣть,
Какъ въ сына самъ отецъ стрѣлу пускаетъ....
Ахъ! въ сердце мнѣ стрѣла сія летитъ!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но знаете-ль, какъ онъ обиженъ былъ?

ГЕДВИГА.

Суровыя сердца! коль ваша гордость

Обижена, — такъ все для васъ ничто;
Сыновней жизнью, материнскимъ сердцемъ
Играете вы въ ярости слѣпой!

БАУМГАРТЕНЪ.

Бѣда постигла вашего супруга,
А вы его еще винить хотите!
Ужели вамъ не жаль его?

ГЕДВИГА

(обращается къ нему, и смотритъ на него сурово).

Не ты ли
Чувствителенъ одинъ къ несчастью друга?
Гдѣ были вы, когда его при васъ
Въ оковы заключили? Кто помогъ
Ему? Кто спасъ его? Вы всѣ смотрѣли
Съ холодностью, какъ онъ былъ взятъ, и связанъ,
И уведенъ отъ васъ!... Скажите, такъ ли
Онъ съ вами поступалъ? — Явилъ ли онъ
Тогда одно нѣмое состраданье,
Какъ за тобой Ланфогтъ послалъ погоню,
А предъ тобой пучина бушевала?
Нѣтъ! онъ не плакалъ, онъ вскочилъ въ ладью,
Забылъ жену, дѣтей, — и спасъ тебя!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но можно-ль было намъ его спасти,
Когда мы всѣ стояли безоружны!

ГЕДВИГА

(бросаясь въ его объятія).

Родитель мой! и ты его лишился!
Вся сторона, мы всѣ его лишились!
Но ахъ, и онъ насъ также потерялъ!
Богъ да спасетъ его отъ изступленья.
Къ нему, въ его подземный, мрачный сводъ,

Не долетитъ отъ друга утѣшенье!...
Онъ занеможетъ тамъ, въ сырой тюрьмѣ
Онъ долженъ занемочь!... Какъ роза Альпъ
Отъ воздуха гнилаго увядаетъ,
Ахъ! такъ и онъ увянетъ тамъ безъ солнца,
Безъ воздуха душистаго полей!
Въ оковахъ онъ! его душа — свобода:
Ему не жить подъ душнымъ мракомъ свода!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Спокой себя! мы всѣ приложимъ силы
Ему темницу отворить его.

ГЕДВИГА.

Что можете вы сдѣлать безъ него?
Когда онъ съ вами былъ — была надежда:
Тогда имѣлъ защитника невинный,
Надежнаго спасителя — гонимый;
Онъ всѣхъ бы спасъ одинъ, а вы, всѣ вмѣстѣ,
Не можете оковъ его расторгнуть!

(Баронъ просыпается.)

БАУМГАРТЕНЪ.

Вотъ онъ пошевелился! Тише, тише!

АТТИНГАУЗЕНЪ

(приподнимается).

Но гдѣ-жъ онъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Кто?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Его здѣсь нѣтъ, — меня
Оставилъ онъ въ послѣднія минуты!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Онъ вспомнилъ о племянникѣ, — за нимъ
Послали-ль вы?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Послали. Успокойтесь:
Онъ нашъ теперь и сердцемъ, и душой.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Стоитъ ли онъ за родину свою?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ истинный герой!...

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Зачѣмъ же онъ
Нейдетъ принять мое благословенье?
Я чувствую, что близокъ мой конецъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, нѣтъ, мой господинъ, короткій сонъ
Васъ подкрѣпилъ, и взоры ваши ясны.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Страданье — жизнь, — я скоро съ нимъ разстанусь.
Страданья, какъ надежды, больше нѣтъ.

(Увидя мальчика.)

Кто это?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Онъ мнѣ внукъ. Благословите
Его; онъ сирота.

(Гедвига съ сыномъ упадаютъ на колѣна предъ умирающимъ.)

АТТИНГАУЗЕНЪ.

И васъ, друзья,
И васъ я оставляю сиротами!
О, горе мнѣ, что мой послѣдній взоръ
Паденіе отчизны долженъ видѣть,
Что я достигъ такихъ преклонныхъ лѣтъ,
Чтобъ унести въ могилу всѣ надежды!...

ШТАУФФАХЕРЪ

(къ Вальтеру Фюрсту).

И онъ умретъ въ печали безутѣшной?
Нѣтъ, озаримъ его послѣдній часъ
Лучемъ надежды! Благородный рыцарь,
Разсѣйте вашу скорбь! мы не совсѣмъ
Покинуты, не вовсе беззащитны.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Но кто же васъ спасетъ теперь?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Мы сами!...
Послушайте, — недавно три земли
Вошли въ союзъ — изгнать своихъ тирановъ.
Онъ заключенъ, — и клятвою священной
Былъ утвержденъ. Исполнимъ предпріятье,
И прежде, чѣмъ родится новый годъ,
Вашъ прахъ лежать въ землѣ свободной будетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

О, повтори! — союзъ ихъ заключенъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да, господинъ, въ одинъ и тотъ же день
Три города возстанутъ. Все готово —
Но до сихъ поръ хранилась наша тайна,
Хоть тысячи участниковъ въ ней есть.
Враги стоятъ надъ бездною готовой,
Часы ихъ гордой власти сочтены,
И скоро здѣсь и слѣда ихъ не будетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

А крѣпкіе ихъ замки въ городахъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Они падутъ въ одинъ и тотъ же день.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

А рыцари участвуютъ въ союзѣ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Мы помощи ихъ ждемъ; но до сихъ поръ
Одни лишь мы союзу присягали.

АТТИНГАУЗЕНЪ

(медленно привстаетъ въ величайшемъ удивленіи).

И селянинъ идетъ на этотъ подвигъ,
Самъ отъ себя, безъ помощи вельможъ?
И онъ вполнѣ въ своихъ увѣренъ силахъ?
О, такъ ему мы болѣе не нужны!...
Утѣшенный въ могилу я сойду;
Здѣсь будетъ жить народъ, — иною силой
Величіе свое онъ сохранитъ.

(Онъ кладетъ руку на голову мальчика, который стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ.)

Отъ сей главы, гдѣ яблоко лежало,
Вамъ лучшая свобода процвѣтаетъ,
Все древнее падетъ, и изъ развалинъ
Вѣкъ новый и блестящій оживетъ!

ШТАУФФАХЕРЪ

(Вальтеру Фюрсту).

Какимъ огнемъ его сверкаютъ взоры!
О, нѣтъ! теперь не смерти духъ надъ нимъ:
То свѣтлый лучъ прекрасной новой жизни.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Владѣтели изъ замковъ выѣзжаютъ,
Чтобъ городамъ присягу принести;
Въ Ухтландѣ ихъ и въ Тургау принимаютъ;
И поднялъ Бернъ державную главу;
И Фрейбургъ сталъ защитникомъ свободы;
Богатый Цюрихъ снарядилъ къ войнѣ

Своихъ гражданъ, и силы королей
У крѣпкихъ стѣнъ его поколебались....

(Онъ продолжаетъ голосомъ пророцателя; рѣчь его возрастаетъ до вдохновенія.)

И вижу я монарховъ горделивыхъ
И рыцарей въ доспѣхахъ золотыхъ....
Они идутъ сражаться съ пастухами,
И бой на смерть, и громкими дѣлами
Прославятся ущелья горъ родныхъ!
Тамъ поселянинъ, съ грудью обнаженной,
На копій лѣсъ, какъ жертва, полетитъ,
Захватитъ ихъ, идетъ насквозь пронзенный,
Но вмѣстѣ съ нимъ падетъ враговъ оплотъ,
И знамена свободы разовьются!...

(Беретъ руку Штауффахера и Вальтера Фюрста.)

Такъ будьте же во вѣки нераздѣльны —
Рука съ рукой, какъ братья и друзья....
Въ опасности немедленно летите
На первый зовъ союзниковъ своихъ....
Живите дружно.... дружно.... дружно....

(Онъ упадаетъ на подушки и испускаетъ духъ, но умирая, еще держитъ ихъ руки. Фюрстъ и Штауффахеръ взираютъ на него въ молчаніи; потомъ удаляются и предаются печали. Между тѣмъ вокругъ бездушнаго барона сбираются его вассалы; всѣ изъявляютъ глубокую горесть; нѣкоторые падаютъ передъ нимъ на колѣна и обливаютъ слезами его руки. Въ продолженіе этой нѣмой сцены слышенъ въ замкѣ звонъ колокола.)

РУДЕНЦЪ *(вбѣгая).*

Что, живъ ли онъ, услышитъ ли меня?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(печально).*

Вы нашъ теперь владѣтель и защитникъ,
Другое имя замокъ получилъ.

РУДЕНЦЪ

(въ глубокой горести смотритъ на тѣло Барона).

О, Боже, Боже мой! ужели поздно
Раскаянье мое? Уже-ль не могъ онъ
Прожить еще хоть нѣсколько мгновеній,
Что ы мою увидѣть перемѣну?
Я не внималъ его благимъ совѣтамъ,
Я презирать ихъ смѣлъ! — Теперь онъ тамъ!
А я остался здѣсь, обремененный
Виною незаглаженной!... Скажите,
Онъ умеръ, негодуя на меня?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Въ послѣдній часъ онъ все узналъ объ васъ
И мужество благословилъ онъ ваше.

РУДЕНЦЪ

(становится на колѣна у трупа).

Достойнаго священные останки,
Бездушный милый прахъ! Даю обѣтъ
Здѣсь, надъ твоей рукою охладѣлой,
Что я расторгъ на вѣкъ съ врагами связи
И моему народу отдался....
Швейцарецъ я!... и всей душей желаю
Остаться имъ.

(Встаетъ.)

Оплакивайте друга
И нѣжнаго отца, но будьте бодры:
Онъ не одно богатство мнѣ оставилъ, —
Онъ духъ мнѣ свой и сердце передалъ:
Да! юноша клянется то исполнить,
Что старецъ вамъ маститый завѣщалъ!...
Дай руку мнѣ свою, отецъ почтенный,
И ты мнѣ дай свою ... и ты, Мельхталь!

Не отвращайтесь отъ меня, друзья, —
Мои примите клятвы и обѣты!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Дадимъ ему мы руки! онъ достоинъ
Довѣрія.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Вы презирали насъ?
Скажите же, чего-жъ намъ ждать отъ васъ?

РУДЕНЦЪ.

О, позабудьте юности ошибки!

ШТАУФФАХЕРЪ

(Мельхталю).

Живите дружно, — такъ отецъ сказалъ намъ;
Припомни это.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Вотъ моя рука!
И селянинъ, какъ рыцарь, вѣренъ слову.
Что вы безъ насъ? — Вѣдь званье земледѣльца
Древнѣе вашего.

РУДЕНЦЪ.

Я чту его,
И буду защищать своимъ мечемъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Рука того, кто землю подчинилъ
Себѣ, и взрылъ ее тяжелымъ плугомъ,
И грудь его съумѣетъ защитить.

РУДЕНЦЪ.

Вы мнѣ, а я, я буду вамъ защитой,
Тогда сильнѣй въ союзѣ будемъ мы.
Но для чего слова, когда отчизну
Еще гнететъ тирановъ чуждыхъ власть?

Сперва страну освободимъ отъ ига,
Тогда свои права уравновѣсимъ.

(Помолчавъ нѣсколько времени.)

Молчите вы? Вамъ нечего сказать мнѣ?
Такъ я не заслужилъ еще, чтобъ вы
Довѣрчиво открылись мнѣ! — Насильно
Войти я долженъ въ тайный вашъ союзъ.
Я знаю все, — вы присягали въ Рютли,
И знаю, что тамъ было; хоть не вы
Открыли тайну мнѣ свою, но я
Хранилъ ее, какъ дорогой залогъ;
Я никогда врагомъ отчизны не былъ,
И не рѣшился-бъ на нее возстать.
Но медлить вамъ не должно, — время мчится, —
Ужь Телль былъ жертвой медленности вашей.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы поклялись дождаться Рождества.

РУДЕНЦЪ.

Я не былъ тамъ, и клятвы не давалъ....
Не вы, такъ я начну.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ? вы хотите....

РУДЕНЦЪ.

Я сталъ теперь владѣтелемъ страны,
И первый долгъ мой — быть ея защитой.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Предать землѣ сей драгоцѣнный прахъ:
Вотъ долгъ для васъ первѣйшій и священный.

РУДЕНЦЪ.

Освободивъ страну, возложимъ мы
На одръ его вѣнокъ побѣды свѣжій.
Друзья мои! ахъ, не за васъ однихъ

Сразиться я съ тиранами намѣренъ, —
И за себя! — Узнайте: скрылась Берта...
Она тайкомъ отъ насъ похищена!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ!... И тиранъ насиліе такое
У насъ, въ странѣ свободной, совершилъ?

РУДЕНЦЪ.

Друзья мои! я обѣщалъ вамъ помощь;
Но долженъ васъ о помощи просить.
Ахъ, у меня похитили невѣсту!
Кто знаетъ, гдѣ сокрылъ ее злодѣй!
И, можетъ быть, онъ силою принудитъ
Ее въ союзъ ненàвистный вступить.
О, помогите мнѣ ее избавить!...
Повѣрьте мнѣ, — она вполнѣ достойна,
Чтобъ за нее вооружились вы.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

На что же вы рѣшились?

РУДЕНЦЪ.

Самъ не знаю!...
Ахъ, этотъ мракъ, который окружаетъ
Ея судьбу — сомнѣнье, безпокойство,
Которыми терзаюсь я теперь, —
Одну лишь мысль мнѣ ясную внушаютъ:
Что должно намъ извлечь ее насильно
Изъ-подъ развалинъ вражескихъ твердынь.
И потому ихъ должно всѣ разрушить,
Чтобъ отыскать, отрыть ея темницу.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Ведите насъ, мы слѣдуемъ за вами!
Къ чему намъ то откладывать до завтра,
Что можемъ мы сегодня кончить? — Телль

Свободенъ былъ, когда клялись мы въ Рютли;
Тогда еще не накопилось столько
Ужасныхъ дѣлъ. Теперь другой законъ:
Тотъ низкій трусъ, кто дѣйствовать не будетъ!

РУДЕНЦЪ

(Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту).

И такъ вооружитесь, и за дѣло!
И ожидайте на горахъ огней:
Побѣды вѣсть къ вамъ долетитъ стрѣлою,
И увидавъ желанный свѣтъ, быстрѣй
Вы на враговъ грозою налетите,
И зданіе тиранства сокрушите.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Утесистая дорога въ Кюснахтъ. На нее сходятъ по тропинкѣ между скалъ, и путникъ, прежде нежели сойдетъ на авансцену видѣнъ бываетъ на верху. Скалы окружаютъ всю сцену; одна изъ нихъ, обросшая кустарникомъ, выдалась впередъ.

ТЕЛЛЬ *(вооруженный лукомъ).*

Вотъ этою дорогой онъ поѣдетъ;
Въ Кюснахтъ другой дороги нѣтъ. Я здѣсь
Исполню все, и случай мнѣ удобенъ.
Оттуда я, кустарникомъ прикрытый,
Могу достать его моей стрѣлой
И между скалъ спастися отъ погони.
Спѣши, Ландфогтъ, расчеть свой кончить съ Небомъ:
Твой часъ пробилъ, — ты долженъ умереть!

Я прежде жилъ спокойно, безмятежно,
Лишь на звѣрей стрѣлу я направлялъ,
Убійство мнѣ и въ мысль не приходило;
Но ты меня изгналъ изъ мирной жизни,
Ты въ сердце мнѣ излилъ змѣиный ядъ,
Ты пріучилъ меня и къ злодѣянью:
Кто въ голову сыновнюю стрѣлялъ,
Съумѣетъ тотъ попасть и въ грудь злодѣя.

Моихъ дѣтей, малютокъ непорочныхъ,
Жену мою я долженъ защитить
Отъ ярости твоей. Когда я лукъ
Дрожащею натягивалъ рукою,
Когда моимъ страданьемъ веселясь,
Ты принуждалъ меня въ роднаго сына
Пустить стрѣлу, когда тебя, злодѣй,
Я тщетно умолялъ: тогда въ душѣ
Далъ клятву я ужасную, — лишь Небо
Внимало ей, — что первой цѣлью будетъ
Мнѣ грудь твоя при выстрѣлѣ второмъ.
Въ чемъ я клялся въ минуту адской муки,
То долгъ святой, — исполненъ будетъ онъ!

Ты властелинъ, намѣстникъ государя;
Но и монархъ не сдѣлалъ бы того,
Что ты, тиранъ. Тебя сюда послалъ онъ,
Чтобъ судъ творить, хоть строгій, но правдивый,
А не за тѣмъ, чтобъ въ ярости слѣпой
Терзать народъ подъ игомъ притѣсненья.
Знай: есть Господь, для кары и для мщенья!

Приди же ты, всѣхъ горькихъ бѣдъ вина,
Сокровище мое и драгоцѣнность!

Тебя ждетъ цѣль, которая была
Для просьбъ, для всѣхъ моленій недоступна,
Но предъ тобой не устоитъ она.
И ты, мой лукъ надежный, ты бывалъ
Товарищемъ мнѣ въ играхъ и забавахъ,
Стрѣлу мою ты часто окрилялъ,
Не измѣни же мнѣ и въ часъ опасный;
Будь вѣренъ мнѣ, мой лукъ, и въ этотъ разъ!
Когда теперь я промахъ дамъ несчастный,
Нѣтъ у меня другой стрѣлы запасной.

(Путники проходятъ чрезъ сцену.)

Здѣсь сяду я, на каменной скамьѣ,
Устроенной для путниковъ усталыхъ;
Здѣсь, чуждые одинъ другому, всѣ
Они проходятъ мимо; въ ихъ сердцахъ
Участья нѣтъ къ страданью. Здѣсь идетъ
Заботливый купецъ, и богомолецъ
Съ котомкою, и набожный монахъ,
И мрачный воръ, и пѣсенникъ веселый,
И гуртовщикъ изъ отдаленныхъ странъ,
На лошади съ поклажею тяжелой;
Ихъ всѣхъ сюда ведутъ свои дѣла —
Меня же мысль убійства привела!

(Садится.)

Малютки милыя! когда бывало
Я возвращался къ вамъ, — съ какимъ восторгомъ
Встрѣчали вы отца! — онъ завсегда
Вамъ приносилъ иль пукъ цвѣтовъ Альпійскихъ,
Иль птицу рѣдкую, иль аммонитъ,
Что странники находятъ на горахъ.
Теперь идетъ онъ за другой добычей:
Въ ущеліи сидитъ онъ для убійства.

*

И ждетъ врага, чтобъ жизнь его отнять.
Но и теперь онъ думаетъ объ васъ,
Любезныя, невинныя малютки!
Чтобъ васъ спасти отъ мщенія тирана,
Свою стрѣлу извлекъ онъ изъ колчана.

(Встаетъ.)

Я стерегу достойную добычу!
Иной стрѣлокъ весь день неутомимо
Зимой, въ морозъ, скитается въ горахъ,
Съ одной скалы онъ скачетъ на другую,
И до крови себѣ подошвы рѣжетъ,
Чтобъ устоять на скользкой высотѣ,
И застрѣлить ничтожную козу!
Моя-жъ добыча — злобный мой гонитель,
Который погубить меня хотѣлъ.

(Вдали слышна веселая музыка, которая приближается.)

Всю жизнь свою я лукъ въ рукахъ имѣлъ,
Съ младенчества въ стрѣляньѣ упражнялся,
И въ цѣль стрѣлялъ, и часто получалъ
Прекрасныя награды за искусство;
Но вотъ, теперь пущу стрѣлу на славу, —
И вся страна меня превознесетъ!

(Чрезъ сцену вверхъ по дорогѣ идетъ свадебная процессія. Телль смотритъ на нее, опершись на лукъ. Штюсси, стрѣлокъ, подходитъ къ нему.)

ШТЮССИ.

Вотъ женится нашъ мызникъ монастырскій
Изъ Мерлитахена, богатый человѣкъ,
Премного стадъ на Альпахъ у него.
Невѣсту онъ беретъ изъ Имензея, —
И въ эту ночь въ Кюснахтѣ будетъ пиръ.
Пойдемъ туда со мной, — тамъ рады всѣмъ.

ТЕЛЛЬ.

Печальный гость для свадьбы не годится.

ШТЮССИ.

Забудь печаль, такъ сердцу будетъ легче.
Притомъ теперь плохія времена,
Такъ убѣгать веселія не должно.
Тутъ свадьба, тамъ, быть можетъ, погребенье.

ТЕЛЛЬ.

А иногда бываютъ оба вмѣстѣ.

ШТЮССИ.

Да! видно свѣтъ идетъ ужь такъ. Вездѣ
Случается довольно бѣдъ и горя:
Вотъ въ Гларисѣ обрушилась скала,
И часть его засыпала.

ТЕЛЛЬ.

И горы
Здѣсь валятся: что-жь прочно на землѣ?

ШТЮССИ.

Да, вотъ еще какія чудеса; —
Мнѣ разсказалъ изъ Бадена пріѣзжій:
Какой-то рыцарь ѣхалъ къ королю,
И вдругъ дорогой встрѣтилъ цѣлый рой
Слѣпней, — они напали на него
И до смерти коня его заѣли, —
И рыцарь къ королю пришелъ пѣшкомъ.

ТЕЛЛЬ.

И слабому дала природа жало.

(Армгарта приходитъ съ дѣтьми, и становится на дорогѣ.)

ШТЮССИ.

Всѣ говорятъ, что это предвѣщаетъ
Несчастіе, иль страшное злодѣйство.

ТЕЛЛЬ.

Ужасныя злодѣйства каждый день
Свершаются безъ всякихъ предвѣщаній.

ШТЮССИ.

Да, счастливъ тотъ, кто въ тишинѣ живетъ,
И свой участокъ поля засѣваетъ.

ТЕЛЛЬ

И кроткому спокойно не прожить,
Когда его сосѣдъ недобрый гонитъ.

(Съ безпокойнымъ ожиданіемъ смотритъ на дорогу.)

ШТЮССИ.

Прощай! — ты вѣрно ждешь кого нибудь?

ТЕЛЛЬ.

Я жду.

ШТЮССИ.

Ну такъ счастливо возвратиться!
Изъ Ури ты? оттуда къ намъ сегодня
Пожалуетъ почтенный нашъ Ландфогтъ.

ПУТНИКЪ *(входитъ)*.

Не будетъ онъ сегодня, — по полямъ,
Отъ сильнаго дождя, разлились воды
И всѣ мосты рѣкою снесены.

(Телль встаетъ.)

АРМГАРТА *(подходитъ ближе)*.

Такъ онъ сюда не будетъ?

ШТЮССИ.

Вы къ нему?

АРМГАРТА.

Да, какъ же.

ШТЮССИ.

Для чего-жь вы стали тутъ,
Среди дороги?

АРМГАРТА.

Для того, чтобъ онъ
Здѣсь не ушелъ, не выслушавъ меня.

ФРИСГАРДЪ

(идетъ поспѣшно и кричитъ издали).

Съ дороги прочь! Мой господинъ почтенный
Идетъ за мною слѣдомъ. Прочь съ дороги!

(Телль скрывается.)

АРМГАРТА

(съ живостію).

Ландфогтъ идетъ!

(Она становится съ дѣтьми на авансцену. Геслеръ и Рудольфъ Гарраcъ показываются вдали на лошадяхъ.)

ШТЮССИ

(Фрисгарду).

Какъ перешли вы воды?
Вѣдь, говорятъ, рѣка снесла мосты.

ФРИСГАРДЪ.

Мы съ бурею на озерѣ сражались, —
Что намъ теперь альпійскіе потоки!

ШТЮССИ.

Какъ? Въ эту бурю были вы въ ладьѣ?

ФРИСГАРДЪ.

Ну да; и ввѣкъ того я не забуду.

ШТЮССИ.

Ахъ, разскажи!

ФРИСГАРДЪ.

Пусти, — я долженъ въ замкѣ
Увѣдомить впередъ, что ѣдетъ Ландфотъ.

(Уходитъ.)

ШТЮССИ.

Будь въ лодкѣ люди честные, такъ вѣрно-бъ

Пошли ко дну, — а этакой народъ
Пройдетъ счастливо сквозь огонь и воду.

(Оглядывается.)

А гдѣ-жъ стрѣлокъ, съ которымъ говорилъ я?

(Уходитъ.)

ГЕСЛЕРЪ И РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ *(на лошадяхъ)*.

ГЕСЛЕРЪ.

Что хочешь говори, я, какъ слуга,
Стараться долженъ угодить монарху.
Сюда послалъ меня онъ не за тѣмъ,
Чтобъ баловать народъ: повиновенья
Онъ требуетъ. Вопросъ: кто господиномъ
Здѣсь долженъ быть, — король иль поселянинъ?

АРМГАРТА.

Теперь пора! я подойду къ нему.

(Робко приближается.)

ГЕСЛЕРЪ.

Въ Альтдорфѣ я свою повѣсилъ шляпу,
Но не для шутки, не для испытанья
Народа; нѣтъ, его давно я зналъ,
А для того, чтобъ пріучить ихъ гнуться;
Ее нарочно тамъ поставилъ я,
На площади, чтобъ всѣмъ въ глаза бросалась,
И господина имъ напоминала,
Котораго они совсѣмъ забыли.

РУДОЛЬФЪ.

Но и народъ свои права имѣетъ....

ГЕСЛЕРЪ.

Ихъ разбирать теперь не время намъ.
Великое готово совершиться:
Имперскій домъ растетъ; что началъ славно

Отецъ, то сынъ намѣренъ довершить.
Ему народъ ничтожный былъ преградой,
Такъ иль не такъ, — онъ долженъ покориться.

(Хочетъ удалиться. Армгарта бросается передъ нимъ на колѣна.)

АРМГАРТА.

Умилосердись, государь, помилуй!

ГЕСЛЕРЪ.

Зачѣмъ ты мнѣ тутъ стала на дорогѣ,
Пошла назадъ!

АРМГАРТА.

Мой мужъ лежитъ въ тюрьмѣ,
А сироты безъ хлѣба! Государь,
Умилосердись надъ моимъ несчастьемъ!

РУДОЛЬФЪ.

Кто ты, и кто твой мужъ?

АРМГАРТА.

Онъ съ Ригисберга;
Тѣмъ только и живетъ, что ходитъ въ горы,
И сѣно коситъ тамъ, на крутизнахъ,
Надъ бездною, куда стада не ходятъ.

РУДОЛЬФЪ.

О, Боже, что за горестная жизнь!

(Къ Ландфогту).

Я васъ прошу, отдайте мужа ей;
Какъ ни великъ его проступокъ былъ бы,
Ужаснымъ онъ наказанъ ремесломъ.

(Къ Армгартѣ.)

Твою исполнятъ просьбу, — приходи
Въ Кюснахтъ, а здѣсь теперь не мѣсто.

АРМГАРТА.

Нѣтъ, нѣтъ! я ни на шагъ не отступлю,

Пока Ландфогтъ не возвратитъ мнѣ мужа!
Шесть мѣсяцевъ томится въ башнѣ онъ,
Его суда напрасно ожидая.

ГЕСЛЕРЪ.

Съ дороги прочь! — оставь меня въ покоѣ!

АРМГАРТА.

О, будь же правосуденъ, умоляю!
Ты нашъ судья на мѣсто государя;
Твой долгъ судить, — коль милости желаешь
Отъ Господа, такъ намъ ее воздай.

ГЕСЛЕРЪ.

Прочь! Отгоните дерзкую отсюда!

АРМГАРТА

(хватаетъ коня за поводья).

Нѣтъ, нѣтъ! теперь мнѣ нечего терять.
Ландфогтъ! ты съ мѣста не сойдешь, пока
Меня не порѣшишь! — Я не боюсь, —
Сверкай себѣ глазами, сколько хочешь.
Несчастье такъ меня ожесточило,
Что мнѣ и гнѣвъ не страшенъ твой.

ГЕСЛЕРЪ.

Пусти!
Не то конемъ тебя я затопчу.

АРМГАРТА.

Ну что-жъ? топчи! вотъ, — на!

(Толкаетъ дѣтей и повергается съ ними на дорогѣ.)

Вотъ, — я лежу,
И дѣти тутъ, — дави сиротъ несчастныхъ
Своимъ конемъ! — Намъ это легче будетъ,
Чѣмъ то, что отъ тебя мы претерпѣли.

РУДОЛЬФЪ.

Она съ ума сошла!

АРМГАРТА

(внѣ себя).

Ты ужь и такъ
Народъ весь затопталъ. О, еслибъ я
Мужчиною была, тогда-бъ я знала,
Что мнѣ начать, и предъ тобою здѣсь
Во прахѣ-бъ не лежала.

(Вдали снова слышна свадебная музыка.)

ГЕСЛЕРЪ.

Гдѣ же люди?
Пусть прочь ее отгонятъ, иль, забывшись,
Свершу я то, въ чемъ каяться я буду.

РУДОЛЬФЪ.

Имъ, государь, никакъ нельзя пробраться:
Тамъ свадьба весь проходъ загородила.

ГЕСЛЕРЪ.

Я слишкомъ тихъ для этого народа;
Здѣсь рѣчи ихъ границъ еще не знаютъ;
Нѣтъ, все еще не такъ, какъ должно быть....
Но я клянусь, что все пойдетъ иначе:
Да! я смирю ихъ дерзкое упорство,
И подавлю надменный духъ свободы, —
Законъ издамъ я новый, и введу....

(Стрѣла пронзаетъ его; онъ рукою захватываетъ рану, и качаясь, продолжаетъ слабымъ голосомъ):

О, Господи!... прости мнѣ....

РУДОЛЬФЪ.

Государь!
О, Боже! это что? Стрѣла!... Откуда?

АРМГАРТА

(вскакивая).

Убитъ, убитъ! Стрѣла его пронзила!

РУДОЛЬФЪ

(соскакиваетъ съ лошади).

Ужасно! Рыцарь, призовите Бога:
Надъ вами смерть!...

ГЕСЛЕРЪ.

О, это выстрѣлъ Телля!...

(Упадаетъ съ лошади на руки Рудольфа; онъ опускаетъ его на скамью.)

ТЕЛЛЬ *(является на вершинѣ скалы).*

Узналъ стрѣлка! Теперь конецъ неволѣ,
Ограждена невинность отъ тебя,
Вредить странѣ ты болѣе не будешь!...

(Исчезаетъ между скалъ. Прибѣгаетъ народъ.)

ШТЮССИ *(впереди).*

Что здѣсь у васъ такое приключилось?

АРМГАРТА.

Ландфогтъ убитъ стрѣлою.

НАРОДЪ *(вбѣгая).*

Кто убитъ?

(Между тѣмъ, какъ передовые изъ свадебной процессіи выходятъ на сцену, остальные на высотѣ, и музыка продолжается.)

РУДОЛЬФЪ.

Онъ кровью изойдетъ! Эй, помогите!
Скорѣй, скорѣй! Преслѣдуйте убійцу!
Несчастный, вотъ какой тебѣ конецъ!
Ахъ, для чего меня ты не послушалъ!...

ШТЮССИ.

Ахъ, Господи, онъ точно умираетъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Да кто-жъ его убилъ?...

РУДОЛЬФЪ.

Народъ негодный!

Съ ума сошелъ онъ что-ли? — Здѣсь убійство,
А музыка играетъ. — Замолчите!

(Музыка умолкаетъ; сцена наполняется народомъ.)

Ландфогтъ, скажите, если только можно,
Что вамъ угодно приказать?

(Геслеръ даетъ знакъ рукою, и съ сердцемъ повторяетъ его, когда его не поняли.)

Куда?
Въ Кюснахтъ? Я васъ не понялъ!... Ради Бога,
Не гнѣвайтесь. Оставьте все земное, —
Подумайте, какъ съ небомъ примириться.

(Вся свадебная толпа съ безчувственнымъ ужасомъ окружаетъ умирающаго.)

ШТЮССИ.

Смотрите, какъ онъ блѣденъ сталъ!
Хладѣетъ онъ.... глаза его закрылись.

АРМГАРТА

(поднимая ребенка).

Дитя, смотри, какъ извергъ умираетъ!...

РУДОЛЬФЪ.

Безумная! уже-ль въ тебѣ нѣтъ чувства,
Что можешь ты еще смотрѣть на это?
Зачѣмъ же мнѣ никто помочь не хочетъ
Стрѣлу изъ груди вынуть роковую?

ЖЕНЩИНЫ *(отступая).*

Не тронемъ мы убитаго Творцемъ.

РУДОЛЬФЪ.

Да поразитъ проклятье васъ!

(Хватаетъ мечь.)

ШТЮССИ *(беретъ его за руку).*

Потише!
Господство ваше кончилось. Тиранъ

Страны погибъ. Мы больше не потерпимъ
Насилія. Мы всѣ теперь свободны.

ВСѢ *(шумно)*.

Свободны мы!

РУДОЛЬФЪ.

Вотъ какъ заговорили!
Покорность ихъ и страхъ ужь миновались.

(Къ воинамъ.)

Вы видѣли ужасное убійство,
Теперь помочь нельзя; напрасно будемъ
Отыскивать убійцу, — намъ заботы
Другія предстоятъ. Скорѣй, въ Кюснахтъ!
Спасти намъ должно замокъ королевскій;
Теперь народъ въ слѣпомъ остервененьи
Забылъ свой долгъ, и чуждъ повиновенья.

(Между тѣмъ какъ онъ удаляется съ оруженосцами, приходятъ Братья Милосердія.)

АРМГАРТА.

Посторонитесь! братья къ намъ идутъ.

ШТЮССИ.

Будь жертва лишь, а вороны какъ тутъ.

БРАТЬЯ МИЛОСЕРДІЯ

(становятся вокругъ умершаго и поютъ протяжно).

Внезапно, быстро часъ кончины
Отъ жизни смертнаго беретъ,
Среди утѣхъ, среди заботъ,
Отстрочки нѣтъ на мигъ единый.
Готовъ иль нѣтъ на судъ предстать,
Но долгъ велитъ отчетъ отдать.

(При повтореніи послѣднихъ стиховъ занавѣсъ опускается.)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Площадь въ Альтдорфѣ. Въ глубинѣ сцены направо стоитъ крѣпость Ури съ подмостками, какъ въ 3-й сценѣ 1-го дѣйствія; налѣво тянется цѣпь горъ, на которыхъ горятъ сигнальные огни. Разсвѣтаетъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышенъ колокольный звонъ.

РУОДИ. КУОНИ. КАМЕНЬЩИКЪ И МНОЖЕСТВО ПОСЕЛЯНЪ, ЖЕНЩИНЪ И ДѢТЕЙ.

РУОДИ.

Вы видите, — сигналы на горахъ?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Чу! слышите, — звонятъ въ колокола!

РУОДИ.

Враговъ ужь нѣтъ.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Ихъ замки въ нашей власти.

РУОДИ.

А здѣсь у насъ еще цѣла ихъ крѣпость;
Ужели мы отстанемъ отъ другихъ?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Оставимъ ли тюрьму въ странѣ свободной?
Ломать ее!

ВСѢ.

Ломать ее, ломать!

РУОДИ.

Глѣ нашъ трубачъ?

ТРУБАЧЪ.

Я здѣсь. Что нужно вамъ?

РУОДИ.

Взойди на башню, братъ, и затруби,
Чтобъ далеко въ горахъ разнесся звукъ
Твоей трубы, чтобъ эхо повторило
Его въ ущельяхъ скалъ, и созвало
Сюда всѣхъ поселянъ.

(Трубачъ уходитъ.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Постойте, други!
Еще къ намъ вѣсти не пришли изъ Швица
И Унтервальдена. Пождемъ сперва оттуда
Гонцевъ.

РУОДИ.

Чего намъ ждать? — Тиранъ убитъ;
Насталъ желанный день освобожденья.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Вонъ на горахъ костры горятъ кругомъ:
Какихъ гонцевъ вы ждать еще хотите?

РУОДИ.

Пойдемте всѣ! пойдемъ ломать подмостки!
Обрушимъ своды, стѣны разобьемъ!
Чтобъ камня тамъ на камнѣ не осталось!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Товарищи! мы строили ее,
Такъ знаемъ, какъ ее ломать.

ВСѢ.

Пойдемте!

(Бросаются къ строенію.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Теперь нельзя ихъ больше удержать.

МЕЛЬХТАЛЬ И БАУМГАРТЕНЪ *(приходятъ).*

МЕЛЬХТАЛЬ.

Что? замокъ цѣлъ еще, — тогда какъ Сарненъ
Весь въ пепелъ обращенъ, разрушенъ Росбергъ....

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажи, Мельхталь, несешь ли намъ свободу:
Избавлена-ль отчизна отъ враговъ?

МЕЛЬХТАЛЬ *(обнимаетъ его).*

Избавлена! порадуйся, отецъ!
Свободны мы, — въ Швейцаріи теперь
Ни одного тирана не осталось.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, разскажи, какъ взяли вы твердыни?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Нашъ Руденцъ храбро взялъ упорный Сарненъ,
А въ Росбергъ я пробрался еще ночью.
Но слушай, что случилось тамъ, — когда
Очистивъ отъ враговъ, зажгли мы замокъ,
И пламя къ небесамъ взвилось столбомъ,
Вдругъ прибѣжалъ Дитгельмъ, Ландфогтовъ пажъ,
И закричалъ, что Берта тамъ погибнетъ....

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, Боже правосудный!

(Слышенъ трескъ падающихъ подмостковъ.)

МЕЛЬХТАЛЬ.

Тамъ она
Была сокрыта Геслеромъ въ темницѣ.
И мы, и Руденцъ вздрогнули отъ страха,
Когда внезапно своды потолковъ
Обрушились, и вопль несчастной къ намъ
Изъ дыма долетѣлъ....

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Спасли-ль ее?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Нужна была рѣшимость и проворство.
Когда-бъ онъ нашъ владѣтель только былъ,
Мы-бъ для него не жертвовали жизнью;
Но онъ былъ нашъ союзникъ; весь народъ
Былъ преданъ Бертѣ, — потому за нимъ
Мы бросились въ огонь единодушно.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Спасли-ль ее?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Спасли! Баронъ и я,
Мы вынесли изъ пламени ее,
И съ трескомъ сводъ обрушился за нами.
Но вотъ, когда она пришла въ себя,
И къ небесамъ свой устремила взоръ,
Баронъ ко мнѣ на грудь упалъ съ восторгомъ.
Такъ нашъ союзъ, пожаромъ закаленный.
Былъ клятвою безмолвной подтвержденъ,
И устоитъ при всѣхъ ударахъ рока.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Гдѣ-жь Ландербергъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

За Брунигомъ теперь.
Не я виной, что тотъ, кѣмъ ослѣпленъ
Отецъ мой былъ, ушелъ безъ наказанья.
Я въ слѣдъ за нимъ гнался, достигъ его,
Схватилъ, повергъ его къ родительскимъ стопамъ,
Уже надъ нимъ висѣлъ мой острый мечъ;
Но состраданію слѣпаго старца
Обязанъ онъ, что вымолилъ пощаду.
Онъ клятву далъ, что къ намъ не возвратится,
И не придетъ: онъ насъ теперь узналъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Хвала тебѣ, что ты побѣды чистой
Не запятналъ убійствомъ.

ДѢТИ

(съ обломками подмостковъ).

Мы свободны!

(Рогъ Ури сильно гремитъ.)

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Смотри, какое празднество! — они
И въ старости его не позабудутъ.

(Дѣвушки несутъ на шестъ шляпу; вся сцена наполняется народомъ.)

РУОДИ.

Вотъ шляпа, предъ которою мы гнулись!

БАУМГАРТЕНЪ.

Скажите, что̀ намъ дѣлать съ ней теперь?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Ахъ, Господи! мой внукъ стоялъ подъ нею!...

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Прочь, прочь ее, сей памятникъ тиранства!
Въ огонь ее!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, лучше сохранимъ.
Она была орудіемъ тирана; —
Да будетъ же теперь свободы знакомъ!

(Поселяне: мужчины, женщины и дѣти стоятъ и сидятъ на бревнахъ разрушенныхъ подмостковъ; все составляетъ большой живописный полукругъ.)

МЕЛЬХТАЛЬ.

Товарищи! какъ радостно теперь
Мы стали на развалинахъ тиранства!
Исполнилось, въ чемъ поклялись мы въ Рютли!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Начало есть, но нѣтъ еще конца!
Теперь намъ должно быть въ союзѣ дружномъ:
Повѣрьте мнѣ, — король не будетъ медлить —
Отмстить за смерть Ландфогта своего
И прогнанныхъ къ намъ снова возвратить.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Пусть онъ сюда съ войсками къ намъ приходитъ!
Мы изъ своей земли враговъ изгнали,
Такъ встрѣтить ихъ и отразить съумѣемъ.

РУОДИ.

Въ горахъ у насъ проходовъ мало: мы
Ихъ заградимъ своими же тѣлами.

БАУМГАРТЕНЪ.

Въ союзѣ вѣчномъ поклялися мы, —
И насъ враги не устрашатъ войсками.

Рессельманъ и Штауффахеръ.

РЕССЕЛЬМАНЪ *(входя)*.

Вотъ грозный судъ разгнѣванныхъ небесъ!

ПОСЕЛЯНЕ.

А что случилось тамъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Какихъ временъ
Мы дожили!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажите, что случилось?
Ахъ, Вернеръ, это вы!... Какія вѣсти
Несете намъ?

ПОСЕЛЯНЕ.

Что сдѣлалось такое?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Узнайте и дивитесь!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы теперь
Избавлены отъ гибельнаго страха.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Король убитъ!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, Боже милосердый!

(Поселяне окружаютъ Штауффахера.)

ВСѢ.

Убитъ! Король?... вы слышите? Король!...

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не можетъ быть! Откуда эти вѣсти?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Все истинная правда. Императоръ

При Брукѣ палъ отъ рукъ убійцъ; — мнѣ это
Сказалъ достойный вѣры человѣкъ —
Іоганнесъ Мюллеръ, изъ Шафгаузена.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но кто-жъ свершилъ ужасное злодѣйство?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Отъ имени виновника оно
Еще ужаснѣе. Убійцей былъ —
Его племянникъ, герцогъ Іоаннъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ? онъ рѣшился быть отцеубійцей?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Король его отцовское наслѣдье
Удерживалъ насильно за собой,
И, говорятъ, хотѣлъ совсѣмъ отнять,
Надѣвъ клобукъ епископа на принца.
И юноша послѣдовалъ совѣтамъ
Своихъ друзей; съ нимъ вмѣстѣ Этенбахъ,
Вартъ, Пальмъ и Тегерфельдъ вошли въ союзъ,
И онъ рѣшился, собственной рукою,
Отмстить за всѣ обиды королю.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажите, какъ свершилось преступленье?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Король изъ Штейна ѣхалъ въ Баденъ, внизъ
По Рейфельду; съ нимъ вмѣстѣ были принцы
Іоганнъ и Леопольдъ и свита знатныхъ;
И вотъ, когда доѣхали до Рейсы,
Гдѣ чрезъ рѣкуѝ была имъ переправа,
Тогда убійцы въ лодкѣ собрались,
И короля отъ свиты отдѣлили;
Потомъ поѣхалъ онъ обширнымъ полемъ,

Гдѣ нѣкогда, какъ говоритъ преданье,
Языческій былъ городъ, а теперь
Стоитъ высокій древній замокъ, Габсбургъ,
Откуда знатный родъ его идетъ.
Тутъ Іоаннъ пронзилъ его кинжаломъ,
Родольфъ-фонъ-Пальмъ копьемъ его ударилъ,
А Эшенбахъ мечемъ разсѣкъ главу.
Король въ крови на прахъ упалъ, сраженный
Рукой своихъ и на землѣ своей.
Съ другаго берега смотрѣла свита,
Но, раздѣленная рѣкой, могла лишь
Безсильнымъ воплемъ берегъ оглашать.
Старушка тутъ сидѣла у дороги,
И на ея рукахъ король скончался.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Такъ самъ себѣ могилу ископалъ,
Кто, ненасытный, все имѣть желалъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И ужасомъ объята вся страна,
Заграждены всѣ горные проходы;
Свои границы каждый стережетъ,
И древній Цюрихъ затворилъ ворота,
Которыхъ тридцать лѣтъ не затворялъ:
Всѣ мстителей боятся, какъ убійцъ.
Ужь грозная Агнеса, королева
Венгерская, идетъ оттуда съ войскомъ;
Забывши нѣжность пола своего,
Она, за кровь отца, его убійцамъ
Клялась отмстить на всемъ ихъ поколѣньѣ,
На ихъ рабахъ, на дѣтяхъ и на внукахъ,
На самыхъ даже камняхъ ихъ домовъ.
Она клялась, что цѣлыя семейства

Низвергнетъ въ гробъ родительскій — и кровью
Омоется, какъ майскою росой.

МЕЛЬХТАЛЬ.

А знаютъ ли, куда ушли убійцы?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Они, свершивъ убійство, разбѣжались,
На пять сторонъ различныхъ, чтобъ вовѣки
Не свидѣться; а герцогъ Іоаннъ,
Какъ думаютъ, скитается въ горахъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ не дало плода имъ преступленье!
Плодовъ отъ мести нѣтъ; она всегда
Ужасна; ей убійство — наслажденье,
А слѣдствіе — отчаянье одно.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Убійцамъ пользы нѣтъ отъ злодѣянья,
А мы сберемъ невинною рукой
Блаженный плодъ съ кроваваго проступка.
Избавились мы гибельнаго страха:
Сильнѣйшій врагъ свободы низложенъ,
И, говорятъ, что скипетръ въ домъ другой
Изъ Габсбургскаго дома перейдетъ.
Имперія желаетъ удержать
Свободный выборъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ И МНОГІЕ.

Есть какіе слухи?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Графъ Люксенбургъ назначенъ большинствомъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Вотъ, хорошо, что мы остались вѣрны
Имперіи, — намъ право воздадутъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Друзей искать властитель новый будетъ, —
Онъ насъ отъ мщенія Австрійцевъ защититъ.

(Поселяне обнимаются.)

ПЕТЕРМАНЪ И ИМПЕРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ПЕТЕРМАНЪ.

Вотъ здѣсь главы почтенныя народа.

РЕССЕЛЬМАНЪ И МНОГІЕ.

Что тамъ у васъ?

ПЕТЕРМАНЪ.

Вотъ грамоту принесъ
Имперскій вѣстникъ намъ.

ВСѢ *(Вальтеру Фюрсту)*.

Прочти ее!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(читаетъ)*.

«Всѣмъ гражданамъ любезнымъ Ури, Швица
«И Унтервальдена императрица
«Елисавета милости даруетъ.»

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Что̀ нужно ей? Мы ей ужь не подвластны.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(читаетъ)*.

«Въ печали безутѣшной и вдовствѣ,
«Въ которое повержена кончиной
«Любезнаго супруга своего,
«Она любовь и вѣрность помнитъ ихъ.»

МЕЛЬХТАЛЬ.

А въ счастіи не помнила она.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Тсъ, тише! будемъ слушать.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *(читаетъ)*.

«И обращаясь къ вѣрному народу,

«Надѣется, что онъ обрушитъ свой
«Правдивый гнѣвъ на прѣзрѣнныхъ убійцъ,
«Что онъ не дастъ убѣжища злодѣямъ,
«Но будетъ самъ усердно помогать
«Ихъ отыскать и выдать правосудью,
«Воспомнивъ и любовь къ нему и милость
«Отъ цесарскаго Рудольфова дома.»

(Ропотъ неудовольствія между поселянами.)

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Любовь и милость!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Всѣ милости намъ были отъ отца;
Отъ сына же намъ не чѣмъ похвалиться.
Да, подтвердилъ ли наши льготы онъ,
Какъ до него всѣ прежніе монархи?
Творилъ ли онъ надъ ними судъ правдивый?
Давалъ ли онъ защиту угнетеннымъ?
И приналъ ли онъ нашихъ депутатовъ,
Которыхъ мы отправили къ нему?
Нѣтъ, ничего для насъ не сдѣлалъ онъ!...
И если-бъ мы свободною рукою
Не защитили правъ своихъ, то онъ бы
Намъ не помогъ; ему ли благодарность? —
Не благодарность онъ посѣялъ здѣсь.
Онъ быть бы могъ отцемъ своихъ народовъ,
Но онъ любилъ своимъ благотворить:
Такъ имъ объ немъ и слезы должно лить.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Не веселимся мы его паденьемъ,
И не хотимъ теперь припоминать
Его обидъ; но мстить за смерть того,
Кто никогда не дѣлалъ намъ добра,

И гнать людей, намъ вовсе невредившихъ, —
Нѣтъ, это намъ нейдетъ и не годится.
Любовь должна быть жертвою свободной;
Кончиной всѣ долги разрѣшены:
Ему теперь ничѣмъ мы не должны.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Пусть во дворцѣ рыдаетъ королева,
И шлетъ свои стенанья къ Небесамъ, —
Ты видишь здѣсь народъ освобожденный
Отъ бремени. Онъ къ тѣмъ же Небесамъ
Воздѣлъ сердца съ мольбой благодаренья....
Тотъ сѣй любовь, кто хочетъ сожалѣнья.

(Вѣстникъ уходитъ.)

ШТАУФФАХЕРЪ *(къ народу)*.

Но гдѣ же Телль? Зачѣмъ же нѣтъ его
Межъ нами? онъ глава свободы нашей;
Онъ больше всѣхъ свершилъ и претерпѣлъ.
Пойдемъ къ нему, друзья! снесемъ привѣтъ
Тому, кто насъ освободилъ отъ бѣдъ!

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Жилище Телля. На очагѣ горитъ огонь; сквозь отворенныя двери видно поле.

ГЕДВИГА, ВАЛЬТЕРЪ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

ГЕДВИГА.

Сегодня къ намъ придетъ отецъ. Ахъ, дѣти,
Онъ живъ, свободенъ, и мы всѣ свободны!
И вашъ отецъ свою отчизну спасъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

Но вѣдь и я при этомъ былъ: меня
Не позабудь. Отцовская стрѣла
По головѣ моей скользнула близко,
И я не вздрогнулъ.

ГЕДВИГА *(обнимаетъ его)*.

Да, ты мой опять!
Тебя на свѣтъ я дважды родила,
И дважды я страданья претерпѣла;
Все кончено! — теперь мои вы оба,
И нынѣ къ вамъ придетъ отецъ любимый!

(Монахъ подходитъ къ воротамъ.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ахъ, матушка, смотри: пришелъ монахъ....
Не будетъ ли просить онъ подаянья?

ГЕДВИГА.

Введи его, и накорми, — пусть видитъ,
Что онъ въ жилище радости пришелъ.

(Уходитъ въ хижину, и вскорѣ возвращается съ кружкою.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ *(монаху)*.

Войди сюда, честной отецъ, — напейся.

ВАЛЬТЕРЪ.

Войди, войди, и отдохни съ дороги.

МОНАХЪ

(робко озирается).

Гдѣ я, скажите, гдѣ? въ какой землѣ?

ВАЛЬТЕРЪ.

Ты заблудился, коль того не знаешь.
Ты въ Бюргленѣ, въ кантонѣ Ури. Здѣсь
Лежитъ дорога къ Шехенской долинѣ.

МОНАХЪ *(къ Гедвигѣ)*.

Однѣ ли вы? не дома ли вашъ мужъ?

ГЕДВИГА.

Я скоро жду его. Отецъ, что съ вами?
Вашъ видъ меня невольно устрашаетъ;
Но нужды нѣтъ; напейтесь, вы устали.

(Подаетъ ему кружку.)

МОНАХЪ.

Какъ ни томится жаждой грудь моя,
Но ни къ чему не прикоснуся я,
Пока не обѣщаете вы сами....

ГЕДВИГА.

Останьтесь тамъ, не подходите близко,
Коль слушать васъ должна я.

МОНАХЪ.

Симъ огнемъ,
Который здѣсь горитъ гостепріимно,
И жизнію дѣтей, вамъ дорогихъ,
Молю я васъ....

(Хочетъ обнять дѣтей.)

ГЕДВИГА.

Что нужно вамъ? Оставьте
Моихъ дѣтей. Вы не монахъ, я вижу:
Смиренія символъ одежда эта,
Но не смиренье на лицѣ у васъ.

МОНАХЪ.

О Боже, я несчастнѣйшій изъ смертныхъ!

ГЕДВИГА.

Несчастья видъ внушаетъ состраданье;
Но вашъ меня приводитъ въ содраганье.

ВАЛЬТЕРЪ

(вскакиваетъ).

Ахъ, матушка, отецъ!

(Убѣгаетъ.)

ГЕДВИГА.

О, Боже мой!

(Хочетъ идти, дрожитъ и останавливается.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ *(убѣгая)*.

Родитель!

ВАЛЬТЕРЪ *(за сценою)*.

Ты къ намъ пришелъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ *(за сценою)*.

Отецъ, отецъ любезный!

ТЕЛЛЬ *(за сценою)*.

Да, я пришелъ; но гдѣ же ваша мать?

(Входятъ.)

ВАЛЬТЕРЪ.

Вотъ, у дверей, — сойти не можетъ съ мѣста:
Она дрожитъ отъ радости и страха.

ТЕЛЛЬ.

Гедвига, мать моихъ дѣтей! намъ Богъ
Помогъ; — теперь мы будемъ неразлучны.

ГЕДВИГА

(бросается къ нему на грудь).

О, Телль, какъ за тебя я трепетала!

(Монахъ прислушивается.)

ТЕЛЛЬ.

Забудь печаль, для радости живи!
Я снова здѣсь, въ семьѣ своей любимой,
Подъ мирнымъ кровомъ хижины родной.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Родитель, гдѣ же лукъ ты свой оставилъ?
Его не вижу я.

ТЕЛЛЬ.

И не увидишь.

Я положилъ его въ святое мѣсто;
Не будетъ мнѣ служить онъ на охотѣ.

ГЕДВИГА.

О, Телль мой! Телль!

(Оставляетъ его руку, и отступаетъ.)

ТЕЛЛЬ.

Чего-жь ты испугалась?

ГЕДВИГА.

Скажи, какимъ ты возвратился? — Боже!
Могу ли руку сжать твою? — Ту руку....

ТЕЛЛЬ

(твердо и съ достоинствомъ).

Она страну спасла и защитила:
Ее могу поднять я къ небесамъ.

(Монахъ вздрагиваетъ. Телль увидалъ его.)

Кто этотъ братъ?

ГЕДВИГА.

Ахъ, я объ немъ забыла!
Ты съ нимъ поговори, — мнѣ страшенъ онъ.

МОНАХЪ *(приближается)*.

Ты Телль, убившій Геслера, — не такъ ли?

ТЕЛЛЬ.

Я Телль, и ни предъ кѣмъ того не скрою.

МОНАХЪ.

Ты Вильгельмъ Телль! Ахъ, Вышняго десница
Меня къ тебѣ въ жилище привела!

ТЕЛЛЬ *(всматривается въ него)*.

Ты не монахъ! но кто-жь ты?

МОНАХЪ.

Телль! тобою
Сраженъ Ландфогтъ, гонитель твой; я также
Убилъ врага, который гналъ меня;

Онъ былъ твоимъ, какъ и моимъ врагомъ:
Я отъ него страну теперь избавилъ.

ТЕЛЛЬ.

Такъ это ты? Ужасно! Дѣти, дѣти,
Прочь, прочь скорѣй! Жена, уйди и ты!
Несчастный!...

ГЕДВИГА.

Боже! кто же онъ?

ТЕЛЛЬ.

Молчи,
Не спрашивай! — чтобъ дѣти не слыхали.
Уйди скорѣй отсюда, дальше, дальше;
Ты подъ одной съ нимъ кровлей быть не можешь.

ГЕДВИГА.

Великій Боже!... О, уйдемте, дѣти!

(Уходитъ съ дѣтьми.)

ТЕЛЛЬ

(монаху).

Ты герцогъ Іоаннъ, — тобой убитъ
Законный императоръ твой и дядя?

ІОАННЪ ПАРРИЦИДА.

Онъ хищникъ былъ наслѣдства моего.

ТЕЛЛЬ.

Тобой убитъ твой дядя и властитель!
И подъ тобой тверда еще земля?
И солнца лучъ убійцу освѣщаетъ?

ПАРРИЦИДА.

Телль, выслушай!...

ТЕЛЛЬ.

Ты, обагренный кровью
Отцеубійства и цареубійства,
Посмѣлъ войти въ жилище чистоты?

Посмѣлъ предстать передъ лицо невинныхъ
И о гостепріимствѣ умолять?

ПАРРИЦИДА.

Здѣсь думалъ я участіе найти:
И ты, какъ я, врагу отмстилъ.

ТЕЛЛЬ.

Несчастный!
Кровавое исканіе короны
Ты смѣлъ сравнить съ защитою отца!
Спасалъ ли ты главу дѣтей любимыхъ?
Святыню крова охранялъ ли ты?
Избавилъ ли семейство отъ гоненья?
Рука моя чиста; я безъ боязни
Ее подъемлю къ небу; проклинаю
Тебя и твой проступокъ; — я отмстилъ
Священныя права природы, — ты же
Ихъ посрамилъ; мнѣ ничего съ тобой
Нельзя дѣлить: убійца — ты одинъ, —
Я защищалъ, что мнѣ всего дороже.

ПАРРИЦИДА.

Тобой отвергнутъ я, безъ утѣшенья,
Съ проклятіемъ, съ отчаяньемъ въ душѣ!

ТЕЛЛЬ.

Твой голосъ мнѣ ужасенъ. Прочь отсюда!
Иди своею страшною стезей —
Не оскверняй обители невинныхъ!

ПАРРИЦИДА

(хочетъ удалиться).

Такъ, мнѣ нельзя, не должно больше жить!

ТЕЛЛЬ.

Но все мнѣ жаль тебя. Творецъ небесный!
Такъ молодъ онъ, такъ родомъ знаменитъ,

Внукъ Рудольфа, монарха моего, —
Теперь убійца, изгнанный, печально
Здѣсь у порога бѣдняка стоитъ!

(Закрываетъ лицо.)

ПАРРИЦИДА.

О, если можешь плакать, тронься, тронься
Моей судьбой! — она ужасна, Телль!
Я князь — имъ былъ — и могъ бы счастливъ быть,
Когда-бъ умѣлъ смирять свои желанья.
Но зависть грызла сердце мнѣ, — я видѣлъ,
Какъ счастливая юность Леопольда,
Увѣнчанная почестьми, цвѣла, —
А я, его ровестникъ, все считался
Несовершеннолѣтнимъ.

ТЕЛЛЬ.

Да, несчастный,
Твой дядя зналъ тебя, что не хотѣлъ
Отдать тебѣ владѣнья и вассаловъ:
Ты самъ теперь своимъ ужаснымъ дѣломъ
Его поступокъ мудрый оправдалъ.
А гдѣ твои, сообщники убійства?

ПАРРИЦИДА.

Куда ихъ всѣхъ загнали духи мести —
Не знаю!... Я съ тѣхъ поръ ихъ не видалъ.

ТЕЛЛЬ.

Но знаешь ли, что за тобой погоня,
И что тебѣ повсюду смерть грозитъ?

ПАРРИЦИДА.

Затѣмъ большихъ дорогъ я избѣгаю;
Не смѣя постучаться у дверей,
Свои шаги въ пустыни направляю;
Брожу въ горахъ — страшилищемъ людей,

И съ трепетомъ отскакиваю прочь,
Когда въ ручьѣ лицо свое увижу.
О, если ты доступенъ состраданью ...

(Упадаетъ предъ нимъ.)

ТЕЛЛЬ.

Встань, встань, несчастный!

ПАРРИЦИДА.

Нѣтъ не встану я,
Пока ты мнѣ не обѣщаешь помощь.

ТЕЛЛЬ.

Могу-ль тебѣ помочь я, слабый смертный?
Но встань; какъ ни ужасенъ твой проступокъ —
Ты человѣкъ, я также. Отъ меня
Не отходилъ никто безъ утѣшенья —
Что я могу, то сдѣлаю.

ПАРРИЦИДА

(вскакиваетъ и съ живостію хватаетъ его руку).

О, Телль,
Меня спасаешь ты отъ изступленья!

ТЕЛЛЬ.

Оставь меня! Ты долженъ удалиться....
У насъ тебѣ надежнаго пріюта
Не сыщется, — ты здѣсь не безопасенъ
Отъ поисковъ. Гдѣ думаешь найти
Себѣ покой?

ПАРРИЦИДА.

Ахъ, я и самъ не знаю!

ТЕЛЛЬ.

Послушай, что внушилъ мнѣ Богъ: ступай
Въ Италію, въ священный градъ Петра,
Предъ папою пади, и покаяньемъ
Очисти душу грѣшную свою.

ПАРРИЦИДА.

Не выдастъ ли онъ мстителямъ меня?

ТЕЛЛЬ.

Чтобъ ни было, — Всевышнему довѣрься.

ПАРРИЦИДА.

Но какъ пройду въ безвѣстную страну?
Я не знакомъ съ дорогой, и не смѣю
Къ кому нибудь изъ странниковъ пристать.

ТЕЛЛЬ.

Пройти туда я научу, — припомни:
Ступай все вверхъ, все противъ быстрой Рейсы,
Что съ горъ катитъ сердитыя струи.

ПАРРИЦИДА

(вздрогнувъ).

Ахъ, эта Рейса видѣла убійство!...

ТЕЛЛЬ.

По краю безлны тамъ идетъ дорога,
По ней стоятъ кресты на память тѣхъ,
Которые погибли подъ снѣгами.

ПАРРИЦИДА.

Не страшны мнѣ всѣ ужасы природы,
Когда борюсь я съ муками души!

ТЕЛЛЬ.

Съ горячими раскаянья слезами
Предъ каждымъ изъ крестовъ ты упадай,
И если той ужасною дорогой
Проїдешь благополучно, если горы
Своихъ снѣговъ не сбросятъ на тебя,
Тогда взойдешь ты на дрожащій мостъ;
Коль онъ подъ бременемъ вины твоей не рухнетъ,
И ты его оставишь за собой,
Тогда въ скалѣ увидишь мрачный ходъ,

Гдѣ свѣта дня отъ вѣка не бывало,
Ступай по немъ, тебя онъ приведетъ
Въ веселую, цвѣтущую долину;
Но ты спѣши все далѣ, — ты не долженъ
Тамъ оставаться, гдѣ живетъ покой.

ПАРРИЦИДА.

Рудольфъ, Рудольфъ, державный предокъ мой!
Такъ я, твой внукъ, въ землѣ твоей скитаюсь!

ТЕЛЛЬ.

Такъ, восходя, дойдешь ты до вершинъ
Готтарда, гдѣ озера вѣковыя
Наполнены потоками небесъ.
Тамъ ты простись съ германскою землей;
Рѣка другая путь тебѣ покажетъ
Въ Италію, въ твой край обѣтованнный.

(Слышна роговая музыка.)

Но удались, — я слышу голоса.

ГЕДВИГА.

Вильгельмъ, гдѣ ты? Отецъ идетъ сюда
И съ нимъ толпа народа.

ПАРРИЦИДА

(закрываетъ лицо).

Боже мой!
Я не могу остаться у счастливыхъ!

ТЕЛЛЬ.

Жена, ступай и накорми его;
Снабди его запасомъ на дорогу:
Его далекъ и труденъ путь, — нигдѣ
Онъ не найдетъ пристанища себѣ.
Спѣши; идутъ.

ГЕДВИГА.

Кто онъ?

ТЕЛЛЬ.

Не узнавай!
Когда-жъ пойдетъ, ты отвратися взоромъ,
Чтобъ не видать, какой онъ путь избралъ.

(Парриціда, тронутый, быстро подходитъ къ Теллю, но онъ даетъ ему знакъ рукою, и удаляется. Когда они оба уходятъ въ разныя стороны, декорація перемѣняется, и

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ

представляетъ долину передъ домомъ Телля, на которой толпятся поселяне. Нѣкоторые изъ нихъ сходятъ по горной тропинкѣ, ведущей черезъ Шехенъ. Вальтеръ Фюрстъ съ обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахеръ идутъ впереди; другіе за ними. Когда выходитъ Телль, всѣ встрѣчаютъ его восклицаніемъ):

Да здравствуетъ нашъ Телль, нашъ избавитель!

(Между тѣмъ, какъ передовые толпятся вокругъ Телля и обнимаютъ его, приходятъ Руденцъ и Берта; — онъ привѣтствуетъ поселянъ, она обнимаетъ Гедвигу. Музыка играетъ на горахъ. Когда она умолкла, Берта входитъ въ толпу.)

БЕРТА.

Союзники, друзья! прошу, примите
Меня въ свой кругъ, — я первая нашла
Себѣ защиту здѣсь, въ странѣ свободы.
Ввѣряю вамъ права свои; — хотите-ль
Считать меня гражданкою своей?

ПОСЕЛЯНЕ.

Хотимъ, и защищать тебя готовы
Своею кровію!

БЕРТА.

Благодарю!

(Къ Руденцу.)

Ему свою я руку отдаю
Свободному — свободная Швейцарка!

РУДЕНЦЪ.

А я — даю свободу всѣмъ вассаламъ!...

(Музыка снова играетъ. Занавѣсъ опускается.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

Д. Изабелла, Донъ Эммануилъ и Донъ Цезарь

(ея дѣти).

Д. ИЗАБЕЛЛА

(выступая съ сынами).

Приникни съ горней высоты
Заступница печальныхъ смертныхъ,
И сердце удержи мое
Въ границахъ должнаго смиренья!
Я матерь: въ радости могу,
Взирая на сыновъ, забыться
И — жертвой горлости упасть.
Ахъ, въ первый жизни разъ
Ихъ совокупно обнимаю!
До сей минуты вожделѣнной
Таила въ сердцѣ глубоко
Горячность вѣчную къ сынамъ,
Равно для матери безцѣннымъ!
Въ объятьяхъ одного, другой

Мнѣ долженъ былъ казаться мертвымъ;
Два сына мнѣ дала судьба,
Но сердце, ихъ любить, одно.
Ахъ! дѣти, молвите: могу ли
Васъ обоихъ равно обнять,
Въ восторгахъ радости безмѣрной?

(Къ Д. Эммануилу.)

Не раню-ль ревность я твою,
Сжимая Цезареву руку?

(Къ Д. Цезарю.)

Скажи: обидѣли-ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
Въ васъ злобы пламень раздуваетъ!
Чего мнѣ ждать? Вѣщайте, дѣти:
Съ какою мыслію стеклись?
Иль древняя вражда воспрянетъ,
Непримиримая, и здѣсь,
Въ дому родителей священномъ?
Или за прагомъ — мечь и ножъ
И гнѣвъ, скрежещущій зубами,
Васъ ожидаютъ, несчастливцы?
Что шагъ — то новы преступленья!

ХОРЪ.

Миръ, или злоба — жребій не вынутъ!...
Скрыто глубоко, что будетъ, отъ насъ:
Мечь, иль оливу братья отринутъ:
Мы не трепещемъ и станемъ за васъ!

Д. ИЗАБЕЛЛА.

Какія злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотятъ?
Или войну готовятъ здѣсь,

У олтарей гостепріимныхъ?
Къ чему мечи, когда съ любовью
Здѣсь матерь обняла дѣтей?
Или въ объятіяхъ ея
Страшитесь адскія измѣны
И змій предателей?... Враги —
Такъ! не друзья толпы наемныхъ,
Слѣпые слуги мести вашей,
Раздоръ несущи по слѣдамъ!
Нѣтъ! не друзья! не вѣрьте имъ:
Не молвятъ добраго совѣта!
Одна боязнь и вѣчный страхъ
Куютъ имъ раболѣпны руки,
Всегда готовыя на зло.
Вы научитесь, дѣти, знать
Сей родъ и низкій и строптивый:
Онъ кровожадный власти червь,
Онъ силы тайный поядатель!
О, дѣти! сколь опасенъ міръ:
Онъ полонъ лести и лукавства!
Какія узы прочны здѣсь?
Гдѣ постоянны человѣки,
Поклонники корысти бренной?
Природа лишь одна вѣрна
На якорѣ своемъ нетлѣнномъ,
И счастливъ тотъ, кому даетъ
Сопутникомъ въ сей жизни брата!

ХОРЪ.

Други, вѣщала вамъ правду она!
Ей вся открыта сердецъ глубина;
Мы же, какъ снасти лишенные чёлны,
Летимъ на погибель въ житейскія волны!

Д. ИЗАБЕЛЛА

(къ Д. Цезарю).

О, ты прижавшій мечь во длани,
Склонившій ницъ ревнивый взоръ—
Воззри окрестъ и будь судья:
Кто брату красотой подобенъ?

(Къ Д. Эммануилу.)

Отвѣтствуй мнѣ: изъ сей толпы
Кто Цезаря затмитъ красою?
Вы оба, юноши, равно
Надѣлены рукой природы.
Молю: воззрите на себя,
Увѣрьтесь въ истинѣ очами.
Изъ тысячи твоя рука,
Его, какъ друга бы прижала
И братомъ сердце нарекло.
О, ослѣпленіе страстей!
Плодъ ревности и злости адской!
Когда судьбина въ колыбели
Другъ другомъ надѣлила васъ,
Забывъ родства и крови узы,
Въ кипящихъ, какъ волканъ, страстяхъ,
Къ ногамъ повергнувъ даръ природы,
Клевретовъ — нарекли друзьями,
Врагамъ — любовью поклялись!

Д. ЭММАНУИЛЪ.

О, выслушай меня!

Д. ЦЕЗАРЬ

(вступая въ рѣчь).

Дай слово
Мнѣ молвить, матерь....

Д. ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ!
Слова не укротятъ вражды:
Здѣсь месть съ обидою взаимны,
Здѣсь ненависть таится глубоко.
Кто знаетъ: гдѣ огонь сей адскій,
Объявшій пламенемъ сердца,
Огонь ужасный, сокровенный,
Одѣтый лавой древнихъ дней?
Обида въ юной жизни здѣсь
Растетъ, мужаетъ безпрестанно,
И — мужъ за юношу, намъ врагъ!
Увы! отъ младости безумной
Вы братья дышете на зло;
Лѣта-бъ должны обезоружить
Враждующихъ. Воззрите вспять:
Гдѣ ненависти первой сѣмя?
Среди гремушекъ, дѣтскихъ игръ
И лепетанія младенцевъ:
Тамъ зла виновное начало,
Тамъ горести источникъ вѣчный!
Но устыдитеся: вы мужи!

(Беретъ обоихъ за руки.)

Желанный мною часъ насталъ!
Сойдитесь, милые! рѣшитесь
Вины взаимныя забыть!
Въ душѣ великой, благородной —
Прощенье выше всѣхъ побѣдъ!
Въ могилу древняго отца
Повергните вражды эхидну,
Готовую известь безумныхъ.

Любви и миру дайте жизнь
И обновитеся сердцами.

(Отступаетъ шагъ назадъ, какъ будто желая дать мѣсто братьямъ приблизиться взаимно; но они оба непо-движны; взоры ихъ устремлены въ землю.)

ХОРЪ.

Братья! почтите матери волю:
Слово святое вамъ зарекла —
Кончить годину мести и зла.
Братья! иль снова къ ратному полю?
Слѣпо мы дѣлимъ ваши судьбы:
Вы властелины, мы же рабы.

ИЗАБЕЛЛА

(въ молчаніи нѣсколько минутъ напрасно ожидая примиренія братьевъ, говоритъ съ чувствомъ глубокой горести).

Довольно! силу словъ
И заклинаній истощила!
Въ могилѣ тотъ, кто могъ владѣть
Строптивыми сыновъ сердцами.
Что я? увы! печальная вдова....
Мой гласъ — безсильный гласъ молитвы!
Довольно! полная свобода:
Отдайтесь демону вражды
На гнѣвъ, на новыя обиды!
Чего стыдиться вамъ? жены,
Сихъ стѣнъ, сихъ олтарей безмолвныхъ?
Подъ сѣнью ихъ, гдѣ ваши колыбели
На радость нѣкогда стояли,
Братоубійствомъ осквернитесь,
Облейтесь кровію своей,
И грудь на грудь, въ неистовомъ пылу,
Какъ Полиникъ, какъ Этеоклъ проклятый,

Другъ друга задушите вы,
Въ объятіяхъ достойныхъ ада.... (*)

ХОРЪ.

О ужасъ! что матерь вамъ здѣсь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А въ жизни грядущей и скрежетъ и муки!
Да будутъ же чисты отъ гибели руки,
Да съ миромъ васъ приметъ родителей домъ!
Смиритесь, о братья! есть нà небѣ громъ!

Д. ЦЕЗАРЬ *(не смотря на брата)*.

Ты старшій братъ: начни же рѣчь —
Я отвѣчать тебѣ готовъ.

Д. ЭММАНУИЛЪ *(въ подобномъ положеніи)*.

Самъ молви ласковое слово!
Ты младшій: дай любви примѣръ.

Д. ЦЕЗАРЬ

Не потому, что я виновенъ,
Иль брата старшаго слабѣй?

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Всѣмъ доблесть рыцаря извѣстна:
Ты скроменъ, слѣдственно, не слабъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Или такъ мыслишь ты о братѣ
Во истину?

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Не знаю лжи;
Какъ ты, душою выше чванства.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Презрѣнья не могу снести;

(*) Здѣсь нѣсколько стиховъ недостаетъ.

Но ты, въ пылу жестокой распри,
О братѣ низко не вѣщалъ!

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Моей ты смерти не алкалъ;
Я знаю: ты казнилъ монаха,
Что мнѣ готовилъ тайно ядъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

О! еслибъ брата прежде зналъ!
Что было.... вѣрно бъ не случилось.

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Не зная сердца твоего,
Я матерь горестно обидѣлъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Ты мнѣ жестокимъ былъ описанъ.

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Несчастіе князей, клевреты,
Владѣютъ тайно ихъ душой!

Д. ЦЕЗАРЬ *(быстро)*.

Всему виновники они....

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Два сердца разлучивши злобой....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Навѣтомъ, хитрой клеветой....

Д. ЭММАНУИЛЪ.

И ядомъ лести и коварства...

Д. ЦЕЗАРЬ.

Питая яростную рану....

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Насъ сдѣлали рабами ихъ....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Игралищемъ страстей чужихъ.

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Такъ, правда! чуждый другъ невѣренъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Опасный: матерь намъ вѣщала.

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Такъ дай же руку, милый братъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Она твоя на вѣки, братъ!

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Чѣмъ болѣ на тебя смотрю,
Тѣмъ болѣ, съ сладкимъ удивленьемъ,
Срѣтаю матери черты....

Д. ЦЕЗАРЬ.

Вглядись: какъ сходенъ ты со мной —
Безцѣнное для брата сходство!

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Ты-ль это братъ? твои ли рѣчи
И ласки къ младшему, скажи?

Д. ЦЕЗАРЬ.

Ты-ль это, юноша прелестный,
Столь злобный нѣкогда мнѣ врагъ?

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Какъ права, требуя коней
Изъ славнаго отца наслѣдства,
Ты рыцаря прислалъ за ними
И я далъ рыцарю отказъ.

Д. ЦЕЗАРЬ.

Они твои: не мюслю болѣ....

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! твои — и колесница:
Прими, какъ брата первый даръ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Приму; но ты сей твердый замокъ,
Воздвигнутый надъ моремъ шумнымъ,
(Вражды источникъ обоюдный)
Прими, какъ дань любви моей!

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Я не приму, но вмѣстѣ тамъ,
Какъ братья, станемъ жить отнынѣ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Ты правъ: къ чему добромъ дѣлиться,
Когда два сердца за одно?

Д. ЭММАНУИЛЪ.

Союзомъ будемъ мы сильнѣе;
Противъ враговъ, противъ судьбины
Намъ дружба неизмѣнный щитъ!

Д. ЦЕЗАРЬ.

Отнынѣ мой ты сталъ на вѣки!

ХОРЪ.

Но что мы, клевреты, стоимъ въ непріязни?
Примѣры благіе даютъ намъ князья:
Сомкнемъ же десницы безъ низкой боязни
И будемъ отнынѣ на вѣки друзья!

К. Батюшковъ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

М И Г Ъ.

Шуменъ, радостенъ и тѣсенъ,
Вновь сомкнулся нашъ кружокъ.
Заплетемте-жь свѣжихъ пѣсенъ
Зеленѣющій вѣнокъ!

Но кого между богами
Пѣсня первая почтитъ?
Онъ воспѣтъ да будетъ нами —
Онъ, что радость намъ даритъ!

Хоть Церера съ нивы нашей
Хлѣбъ несетъ намъ на алтарь,
И вливаетъ Бахусъ въ чаши
Гроздій пурпуръ и янтарь;

Но коль съ неба огнь священный
Алтаря не опалитъ,
Не зажжется духъ нашъ плѣнный,
Въ сердцѣ радость не вскипитъ.

Свыше къ намъ нисходитъ счастье,
Отъ божественныхъ владыкъ;
Но изъ нихъ всѣхъ выше властью —
Изъ владыкъ владыка — мигъ!

Съ той поры, какъ произволу
Смутныхъ силъ назначенъ строй,
Все божественное долу —
Свѣтъ лишь мысли огневой.

Тихо въ мѣрномъ Оръ движеньѣ
Дѣло жизни совершай;
Мигъ же краткій вдохновенья
Быстро сердцемъ уловляй!

Фебъ въ безоблачной лазури
Стелетъ вмигъ покровъ цвѣтной;
Вмигъ по небу послѣ бури
Строитъ мостъ Ирида свой.

Такъ и каждый даръ прекрасный,
Словно молніи струя,
Промелькнетъ — и гаснетъ, ясный,
Въ черной тьмѣ небытія.

М. Михайловъ.

II.

ЭЛИЗІУМЪ.

Стенящіе вопли минули!
Въ пирахъ Елисейскихъ Полей
Печали и скорбь утонули!

Дней замогильныхъ теченье —
Вѣчнаго счастья восторгъ и паренье,
Въ свѣтлыхъ лучахъ тихо-струйно жучащій ручей!

Юно-лелеющій
Май, вѣчно-вѣющій,
Носится здѣсь по долямъ;
Время во снахъ золотыхъ пролетаетъ,
Духъ въ бесконечныхъ пространствахъ витаетъ,
Истина рветъ свой покровъ по-поламъ.

Восторгъ безъ конца
Волнуетъ сердца;
И нѣтъ здѣсь печальному горю прозванья,
И сладкимъ восторгомъ зовется страданье.

Странникъ усталый, отъ зноя сгарая,
Члены въ тѣни шопотливой слагая,
Ношу кладетъ здѣсь навѣкъ наконецъ;
Серпъ изъ руки утомленной роняетъ
И подъ бренчáніе арфъ засыпаетъ,
Грезя о жатвѣ покончeнной, жнецъ.

Знамя-ли чьё громы бури вздымали,
Стоны-ль убійства чей слухъ поражали,
Иль у кого, подъ громовой пятой,
Горы дрожали порой;

Тихо тотъ дремлетъ у звучнаго лона
Ясныхъ ключей, межъ осокой зеленой,
Бьющихъ живымъ серебромъ —
Чуждъ ему воинскій громъ.

Съ вѣрнымъ супругомъ обнявшись, супруга
Пьетъ поцѣлуи средь злачнаго луга —
Нѣжитъ ихъ сладкій зефиръ;
Свѣтлый вѣнецъ свой любовь обрѣтаетъ
И жала смерти навѣкъ избѣгаетъ,
Празднуя вѣчно свой свадебный пиръ.

Г. Данилевскій.

III.

АРХИМЕДЪ И УЧЕНИКЪ.

Юноша, жаждущій знаній, однажды пришелъ къ Архимеду.
«О! посвяти меня въ тайну науки божественной!» молвилъ:
«Той, что отчизнѣ столь дивныя службы служила —
И охранила отъ вражьей самбукки (*) родныя твердыни!»

(*) Самбуккою называлась осадная машина, которою дѣйствовалъ Марцеллъ на стѣны Сиракузъ.

— Ты называешь науку божественной! мудрый отвѣтилъ:
Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодовъ отъ нея? Но плодовъ и отъ смертной добудешь;
Хочешь богиню святую въ ней видѣть, жены не ищи въ ней. —

М. Михайловъ.

IV.

TRIEBFEDERN.

Страхъ пусть прутомъ желѣзнымъ своимъ раба побуждаетъ.
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди.

М. Михайловъ.

V.

БЛАГО И ВЕЛИЧІЕ.

Двѣ только есть добродѣтели. Быть бы имъ вѣчно въ союзѣ:
Вѣчно великимъ добру, вѣчно величью благимъ.

М. Михайловъ.

VI.

ВЕЛИКІЙ МИГЪ.

Вѣкъ породилъ намъ эпоху великую. Боже! какъ горько
Въ этотъ великій моментъ видѣть ничтожныхъ людей.

М. Михайловъ.

VII.

НАТУРАЛИСТЫ И ТРАНСЦЕДЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФЫ.

Будьте враждебны другъ другу: союзъ заключать вамъ
не время.
Только отдѣльно ища, истину сыщете вы.

М. Михайловъ.

VIII.

ДИѲИРАМБЪ (*).

Боги съ Олимпа
Къ намъ вереницей
Сходятъ порой.
Только усядется Бахусъ счастливый,
Смотришь, приходитъ Амуръ шаловливый,
Фебъ вдругъ является съ лирой златой.

Одинъ за другимъ къ намъ
Идетъ небожитель, —
Вмигъ боги наполнятъ
Земную обитель.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 18. (Гимны и Оды, VI).

Какъ же ихъ приметъ
Червь земнородный
Свѣтлыхъ гостей?
Боги! чтобъ вамъ уподобился смертный,
Дайте вкусить ему жизни безсмертной:
Дайте вознесться мнѣ въ вашъ эмпирей!

Восторга пріюты
Лишь Зевса чертоги....
О, нектара чашу
Подайте мнѣ, боги!

«Геба! поэту
«Чашу наполни
«Райской струёй;
«Очи увлажь ему неба росою, —
«Стикса чтобъ онъ не видалъ предъ собою,
«Чтобъ между нами онъ былъ не чужой.»

Струится и блещетъ
Небесная влага....
И въ сердцѣ — блаженство,
Во взорѣ — отвага!

Л. К — ій.

IX.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ (*).

Силы творческой созданья
Силой злой завоеванья
Съ бою взялъ суровый Галлъ,
И, какъ бранные трофеи,
Гордо выставилъ въ музеѣ
На показъ средь пышныхъ залъ.

Но средь суетной столицы
Олимпійцевъ гордыхъ лицы
Не привѣтливо глядятъ,
И толпѣ не посвященной
Тайны творчества священной
Выдать взоромъ не хотятъ.

Б. Алмазовъ.

X.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ (**).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр 246. (Антологическія Стихотворенія, XVII).

(**) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. II, стр. 82. (Пѣсни и Романсы, VIII).

ГАЛЕРЕЯ КАРТИН
ГЕНА
933